(На правахъ рукописи).

В. М. ГРИБОВСКІЙ.

Ординарный профессоръ Императорскаго Петроградскаго университета.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВО.

(Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права).

ВЫПУСКЪ I.

(Древнѣйшій земско-княжескій періодъ).

Изданіе для слушателей составителя.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Двигатель", Казначейская, 6.
1915.

(На правахъ рукописи).

В. М. ГРИБОВСКІЙ.

Ординарный профессоръ Императорскаго Петроградскаго университета.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВО.

(Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права).

ВЫПУСКЪ I.

(Древнѣйшій земско-княжескій періодъ).

Изданіе для слушателей составителя.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Двигатель", Казначейская, 6.
1915.

Настоящій обзоръ имѣетъ цѣлью дать слушателямъ составителя остовъ его чтеній по древней исторіи русскаго права. Другія важнѣйшія пособія указываются въ «Обозрѣніи преподаванія наукъ на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Петроградскаго университета». Въ означенныхъ пособіяхъ можно найти необходимыя литературныя указанія по предмету древней исторіи русскаго права; болѣе подробныя литературныя данныя смотри Леонтовичъ. «Исторія русскаго права». Варшава 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе . . . . . 1—9

Сущность исторіи.—Методъ историческаго изслѣдованія.—Исторія права какъ часть общей исторіи.—Источники права и источники исторіи права.—Задачи исторіи права.—Періодизація исторіи русскаго права.

ГЛАВА I.

Источники древняго русскаго права земскаго періода . . . 11—35

§ 1. Обычай.—Лѣтописи и ихъ значеніе какъ источника познанія о древне-русскомъ обычаѣ . . . . 11—14

§ 2. Договоры: а) русскихъ съ греками, ихъ содержаніе и подлинность (стр. 15—16); договоры съ нѣмцами (стр. 16—17); междукняжескіе (стр. 17—18); договоры русскихъ князей съ волостями (18).

§ 3. Источники права, сложившіеся подъ непосредственнымъ византійскимъ вліяніемъ . . . . . 19—23

§ 4. Кормчія книги и ихъ фамиліи . . . . . 23—25

§ 5. Русскіе церковные уставы, ихъ содержаніе и подлинность . . . . . 25—28

§ 6. Русская правда, классификація ея списковъ, источники и происхожденіе . . . . . 28—32

§ 7. Вѣчевыя постановленія: а) общія замѣчанія о Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ; б) Псковская судная грамота, ея происхожденіе и содержаніе; в) Новгородская судная грамота . . . . . 32—35

ГЛАВА II.

Государственное право . . . . . 36—89
§ 1. Предварительныя замѣчанія. — Опредѣленіе государства и его признаковъ . . . . . 36—39
§ 2. Основныя черты древне-русскаго государства. — Родовая и общинная теоріи догосударственнаго русскаго быта. — Зачатки русской государственности. — Города и пригороды. — Древне-русскія наименованія государства . . . . . 39—45
§ 3. Населеніе свободное: а) общія замѣчанія; б) разряды свободнаго населенія; в) высшіе классы; г) средніе классы; д) низшіе классы; е) свободные-зависимые . . . . . 45—52
§ 4. Несвободные . . . . . 52—55
§ 5. Власть: а) предварительныя замѣчанія; опредѣленіе власти и ея осуществленіе; формальныя различія государствъ въ зависимости отъ организаціи верховной власти; б) организація верховной власти въ земско-княжеской Россіи: в ѣ ч е, его составъ, предметы вѣдомства, причины прекращенія вѣчевой жизни; к н я з ь: существо власти князя, отношеніе его къ вѣчу, кругъ вѣдомства князей, порядокъ занятія столовъ и теорія „лѣствичнаго восхожденія". — Междукняжескіе договоры . . . . . 55—69
§ 6. Органы подчиненнаго управленія.—Высшіе: княжеская дума, посадники, тысяцкіе. — Особенности Псковскаго и Новгородскаго высшаго управленія.—Низшіе органы . . . . . 70—76
§ 7. Административное дѣленіе древне-русскихъ государствъ . . . . . 77—78
§ 8. Отдѣльныя отрасли управленія: а) общія замѣчанія, общее управленіе; б) финансовое управленіе, виды налоговъ, способы ихъ взиманія и выполненіе повинностей . . . . . 78—82
§ 9. Судопроизводство: а) общія замѣчанія, судопроизводство и значеніе сторонъ въ процессѣ; б) подготовительныя къ суду дѣйствія; в) судебныя доказательства . . . . . 82—89

ГЛАВА III.

Уголовное право . . . . . 89—105
§ 1. Общія замѣчанія: понятіе преступленія, его внутренняя сторона и форма внѣшняго правленія, субъектъ преступленія, виды преступленія. — Понятіе наказанія и предъявляемыя къ нему въ настоящее время требованія . . . . . 89—92
§ 2. Преступленіе по древнѣйшему русскому праву. — Взглядъ матеріальный и формальный.—Внутренняя и внѣшняя сторона преступленія по Рус. Правдѣ.—Отдѣльные виды преступленій: а) противъ жизни; б) противъ тѣлесной неприкосновенности; в) противъ личной свободы; г) противъ чести; д) противъ имущества; е) противъ правъ семейныхъ и половой нравственности; ж) противъ государства и порядка управленія . . . . 92—101
§ 3. Наказаніе въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. — Месть.—Система выкуповъ.—Примѣненіе смертной казни.—Потокъ и разграбленіе . . . . . 101—105

ГЛАВА IV.

Гражданское право . . . . . 105—131
§ 1. Общія замѣчанія.—Общее понятіе о гражданскомъ правѣ.—Виды гражданскаго права . . . . . 105—107
А. Семейственное право.
§ 2. Гражданское право древнѣйшей Руси: а) союзъ мужа и жены (стр. 107—113); б) союзъ родителей и дѣтей (стр. 113—115); в) опека (стр. 115—116).
Б. Наслѣдственное право . . . . . 116—122
а) наслѣдованіе по завѣщанію (стр. 116—117); б) наслѣдованіе безъ завѣщанія (стр. 118—121); в) судьба выморочнаго имущества и г) обязанности, вытекающія изъ принятія наслѣдства (стр. 121—122).
В. Вещное право . . . . . 122—124
Общія замѣчанія. Русское вещное право древнѣйшаго періода
Г. Обязательственное право . . . . . 124—131

Общія замѣчанія: сущность обязательственнаго права (стр. 124—125); обязательство въ древне-русскомъ правѣ. — Теорія сліянія вещнаго и обязательственнаго права при обезпеченіи договора займа личностью должника. — Возраженіе противъ этой теоріи проф. Удинцева (стр. 125 — 127).— Виды обязательствъ по древнѣйшему русскому праву (стр. 127—131).

ВВЕДЕНІЕ [1])

Исторія русскаго права является частью исторіи права вообще; исторія же права вообще въ свою очередь представляетъ собою одну изъ отраслей общей науки исторіи.

Подъ исторіей въ качествѣ одной цѣлокупной науки необходимо понимать науку о развитіи людей въ проявленіяхъ ихъ дѣятельности какъ соціальныхъ существъ; иначе говоря, исторія изучаетъ явленія фактической общественности. Въ этомъ отношеніи исторія имѣетъ много общаго съ наукой соціологіи. Разница заключается въ томъ, что соціологія изучаетъ общія явленія соціальной общественной жизни, пользуясь самымъ разнообразнымъ матеріаломъ; на основаніи свѣдѣній о прошломъ, путемъ наблюденія надъ настоящимъ соціологія пытается выяснить совершающіеся въ общественной средѣ процессы внѣ ихъ зависимости отъ мѣстныхъ временныхъ и другихъ особыхъ причинъ, оказывающихъ вліяніе на проявленіе и формы общежитія; что же касается исторіи, то она, точно также принимая въ свое вѣдѣніе факты общественной жизни, выбираетъ ихъ однако исключительно изъ прошлаго; отсюда видно, что задача исторіи по сравненію съ соціологіей болѣе ограничена: исторія стремится выполнить нѣкоторую под-

[1]) Важнѣйшая литература: Bernheim. Lehrbuch der historischen Metode, Dritte Auflage 1903 г.; Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи (перв. съ французскаго 1899 г.); Лаппо-Данилевскій. Методологія исторіи, вып. II 1913 г.; Пауль Бартъ. Философія исторіи какъ соціологія (переводъ съ нѣмецкаго 1900 г.).

готовительную работу: установить факты прошлаго, выяснить существующее между ними взаимоотношеніе въ смыслѣ возникновенія, развитія и прекращенія общественныхъ явленій, и установить отношеніе ихъ къ настоящему. Въ конечномъ итогѣ исторія, удовлетворяя научную любознательность, доставляетъ соціологіи собранный, обработанный и систематизированный матеріалъ, долженствующій служить для дальнѣйшихъ болѣе широкихъ обобщеній.

То обстоятельство, что исторія работаетъ надъ общественными явленіями исключительно въ ихъ прошломъ, обусловливаетъ примѣненіе особыхъ правилъ и пріемовъ какъ въ отношеніи хода изслѣдованія матеріаловъ, такъ и формулировки выводовъ; работа въ области исторіи требуетъ особаго метода.

Историческій методъ преслѣдуетъ цѣли научнаго опредѣленія, установленія историческихъ фактовъ и приведенія ихъ въ систему. Особенности этого метода прежде всего опредѣляются самимъ матеріаломъ науки исторіи. Историческіе факты представляютъ собою явленія, которыя, въ качествѣ совершившихся, не поддаются произвольному воспроизведенію, не могутъ быть наблюдаемы нами непосредственно. Возникновеніе нашихъ представленій изъ этихъ, уже переставшихъ существовать, явленій возможно лишь при помощи тѣхъ сохранившихся слѣдовъ, которые они въ томъ или другомъ видѣ оставили послѣ себя. Такіе слѣды остаются отъ историческихъ событій или въ образѣ различныхъ непосредственныхъ вещественныхъ предметовъ, древностей, или же свидѣтельства о нихъ сохраняются и доходятъ до насъ въ видѣ записей людей, бывшихъ очевидцами описываемыхъ фактовъ, или сообщающихъ о нихъ слышанное изъ чужихъ устъ. Въ широкомъ смыслѣ слова всѣ таковые слѣды можно назвать документами; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческими документами именуются людскія письменныя свидѣтельства о явленіяхъ прошлаго въ ихъ различныхъ видахъ.

Такимъ образомъ въ основу историческаго изслѣдованія полагается изученіе историческихъ документовъ какъ таковыхъ, какъ слѣдовъ прошлаго, а уже отъ документовъ изслѣдователь при помощи цѣлаго рода сложныхъ разсужденій доходитъ до познанія самихъ историческихъ фактовъ.

Если же исторія пишется по документамъ, то первой важнѣйшей задачей историка является розысканіе этихъ документовъ и собираніе ихъ. Пробѣлы въ наличности соотвѣтственныхъ документовъ могутъ подорвать наиболѣе остроумные, тщательные историческіе выводы и построенія. Эта подготовительная, но очень важная часть исторической работы—отыскиваніе и собираніе документовъ—носитъ техническое названіе «евристики». Она даетъ намъ сырой матеріалъ для познанія историческихъ фактовъ, такъ называемые, историческіе источники.

Однако наличность хотя бы и значительнаго количество историческихъ документовъ-источниковъ однако еще не даетъ возможности непосредственныхъ сужденій объ историческихъ фактахъ, которыхъ они касаются. Для того, чтобы документы могли явиться дѣйствительнымъ научнымъ матеріаломъ исторіи, они должны подвергнуться предварительной многосторонней обработкѣ, такъ называемой критикѣ и истолкованію. Эту предварительную работу нѣкоторые изслѣдователи называютъ однимъ общимъ именемъ критики, различная однако въ ней два вида: критику внѣшнюю и внутреннюю.

Внѣшняя — низшая подготовительная — критика предполагаетъ предварительное изслѣдованіе внѣшней стороны письма, языка текста документа, его формы; она преслѣдуетъ цѣли выясненія подлинности источника, времени и мѣста его возникновенія, а также различныя другія существенныя условія его происхожденія. Внѣшняя критика возстановляетъ текстъ, устраняетъ изъ него ошибки, различныя вводящія въ заблужденіе вставки — интерполяціи,

отмѣчаетъ сомнительныя мѣста и постороннія дополненія, являющіяся въ видѣ продолженій основного документа.

Къ задачамъ низшей критики относится также классификація провѣренныхъ указаннымъ образомъ источниковъ, раздѣленіе сходныхъ въ основѣ, но различающихся въ частностяхъ, многихъ списковъ того же самаго документа по разрядамъ—фамиліямъ.

Говоря о низшей критикѣ вообще необходимо замѣтить, что изученіе документовъ требуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ знакомства съ, такъ называемыми, вспомогательными для исторіи науками: филологіей (наукой языкахъ), палеографіей съ эпиграфикой—умѣньемъ читать древніе рукописи и надписи; сфрагистикой— наукой о древнихъ печатяхъ, нумизматикой—наукой о древнихъ монетахъ, географіей и др.

Внутренняя критика стремится распознать, что можетъ быть принято въ подлежащемъ историческомъ документѣ за истину. Для этой цѣли внутренняя критика пытается воспроизвести душевныя состоянія, пережитыя составителемъ документа.

Зная то, что сказалъ составитель въ документѣ, задаются вопросами; 1) что онъ хотѣлъ сказать 2) такъ ли онъ въ дѣйствительности думалъ о предметѣ, какъ выразилъ свои мысли во внѣ, такъ ли онъ думалъ, какъ говорилъ 3) и какія основанія имѣлись у него, чтобы думать и выражать свои мысли такъ, а не иначе.

Въ этихъ случаяхъ приходится истолковывать документъ, устанавливать какъ его буквальный, такъ и могущій быть переносный или вообще дѣйствительный смыслъ въ зависимости отъ различія въ значеніи отдѣльныхъ словъ и выраженій въ различныя историческія эпохи и при иныхъ различныхъ условіяхъ. Истолкованія и критическаго разсмотрѣнія требуютъ иногда также слѣдующіе обстоятельства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ точный смыслъ текста можетъ быть вполнѣ ясенъ, а между тѣмъ все-таки приходится ставить дополнительный вопросъ, былъ ли искре-

ненъ составитель документа, не имѣлъ ли онъ основаній къ извращенію дѣйствительности въ силу той или иной предвзятости или добросовѣстнаго, но ошибочнаго пониманія описываемыхъ событій. Въ связи съ этимъ можно различать критику достовѣрности (вопросъ о завѣдомомъ извращеніи фактовъ) и критику точности (вопросъ объ ошибочности или неточности сужденій составителя документа).

Критика и истолкованіе документовъ даютъ намъ лишь отдѣльные и подчасъ разрозненные факты; чтобы соединить эти данныя въ одно научное цѣлое, требуется еще цѣлый рядъ логическихъ построеній, образующихъ вторую часть методологіи исторіи. Эта работа предполагаетъ стройное систематическое расположеніе фактовъ къ признакамъ времени, мѣста и т. п. На основаніи указанныхъ сгруппированныхъ фактовъ, отдѣльныхъ чертъ, мы создаемъ образы, общія представленія о положеніи интересующаго насъ предмета въ опредѣленный данный моментъ.

Отдавая много вниманія критикѣ документовъ, воспроизведенію и группировкѣ фактовъ, исторія тѣмъ не менѣе не ограничивается изученіемъ лишь одновременныхъ явленій, взятыхъ въ состояніи покоя; она изслѣдуетъ состоянія общества въ различные моменты и устанавливаетъ различія между этими состояніями. Изученіе происходящихъ во взаимоотношеніи рядовъ фактовъ измѣненій есть изученіе фактовъ въ ихъ послѣдовательности. Если такая послѣдовательность, по нашему наблюденію, происходитъ безъ внезапныхъ переворотовъ и потрясеній, мы говоримъ о постепенномъ развитіи, объ эволюціи. Для изученія эволюціи какого либо историческаго явленія общественности необходимо: 1) установить подлежащее изученію явленіе; 2) опредѣлить время, въ теченіе котораго совершалось развитіе даннаго явленія; 3) установить послѣдовательные моменты названнаго развитія.

При всякомъ изученіи послѣдовательныхъ фактовъ,

требуется опредѣлить начальный и конечный пункты работы, чтобы имѣть возможность выдѣлить изъ громаднаго количества фактовъ извѣстные хронологическіе пласты, именуемые періодами.

Въ, такъ называемыхъ, спеціальныхъ исторіяхъ, къ каковымъ относится и исторія права, устанавливаютъ, какія измѣненія въ опредѣленномъ рядѣ явленій представляются наиболѣе глубокими; эти измѣненія принимаются въ качествѣ датъ эволюціи. Событіе, создавшее образованіе или измѣненіе общественнаго явленія признается въ качествѣ начала и конца періода.

Собранные извлеченные изъ документовъ факты размѣщаются по выработанному на основаніи имѣющагося матеріала плану историческаго построенія. Однако, какъ бы ни былъ великъ запасъ фактовъ, имѣющихся въ рукахъ изслѣдователя, онъ часто не въ состояніи сообщить всѣ необходимыя черты для составленія полнаго образа того или другого общественнаго состоянія или эволюціи общественныхъ явленій. Для того, чтобы заполнить подобные пробѣлы прибѣгаютъ къ построенію предположеній—гипотезъ. Исходя изъ фактовъ, уже извѣстныхъ изъ документовъ, позволяютъ себѣ по аналогіи настоящаго человѣчества съ прошлымъ дѣлать заключеніе о фактахъ неизвѣстныхъ. Наблюдая настоящее, мы приходимъ къ убѣжденію, что факты человѣческаго существованія связаны другъ съ другомъ. За опредѣленнымъ явленіемъ слѣдуетъ другое, обусловливаемое первымъ или въ качествѣ его причины или слѣдствія. Допуская, что сходные и притомъ подобные настоящему факты прошлаго были связаны между собой на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это происходитъ теперь, и укрѣпляя это предположеніе непосредственнымъ изученіемъ прошлаго по документамъ, мы съ большей или меньшей степенью вѣроятности предполагаемъ, что по одному или нѣсколькимъ удостовѣреннымъ фактамъ былого можно составлять себѣ представленіе и о другихъ логиче-

ски связанныхъ съ нимъ явленіяхъ. Указанное пользованіе гипотезой однако требуетъ большой осторожности.

Если бы можно было классифицировать по методическому плану всѣ историческіе факты, установленные изученіемъ документовъ и основанными на нихъ умозаключеніями, то получилось бы ясное описаніе матеріала всей исторіи или отдѣльныхъ ея частей. Къ сожалѣнію охватить историческіе факты во всей ихъ полнотѣ невозможно. Поэтому наука, стремясь къ сбереженію времени и усилій, прибѣгаетъ къ особымъ пріемамъ, дѣлающимъ массы фактовъ доступными быстрому изученію и пониманію; именно, собирая множество частныхъ фактовъ, наука обобщаетъ ихъ и создаетъ удобныя, краткія по возможности, и точныя формулы простыхъ и сложныхъ историческихъ явленій. Эти широкія обобщенія, эти формулы, образуютъ послѣдніе выводы всякой науки.

Исторія права, какъ было указано выше, являясь одной изъ отраслей общей исторической науки, преслѣдуетъ тѣ же самыя цѣли, какъ эта послѣдняя, и пользуется тѣмъ же методомъ, но лишь въ приложеніи къ особому виду общественныхъ явленій, именуемыхъ правовыми. Что же касается сущности правовыхъ явленій, то она заключается въ томъ, что въ человѣческихъ обществахъ существуютъ массовыя внѣшне-обязательныя представленія о необходимости соблюденія того или иного поведенія въ взаимныхъ людскихъ отношеніяхъ. Такія представленія являются основой права. Во внѣ право выражается въ видѣ общихъ правилъ, именуемыхъ юридическими или правовыми нормами. Подобно тому какъ и большинство общественныхъ явленій, правовыя нормы изобрѣтаются, создаются отдѣльными лицами или группами лицъ, которымъ въ силу авторитетности

послѣднихъ или простого подражанія въ своемъ поведеніи сознательно или подсознательно подчиняются массы [1]).

Правовыя нормы, изобрѣтателя которыхъ мы указать не можемъ, иначе говоря, нормы въ своемъ происхожденіи безличныя, мы именуемъ правовыми обычаями. Обычаи представляютъ собой одну изъ древнѣйшихъ формъ права. Обычаи вмѣстѣ съ тѣмъ являются неписаннымъ правомъ, которое можетъ быть и записано, но которое обыкновенно передается и распространяется устно.

Если таковая норма возникнетъ изъ разрѣшенія третьимъ авторитетнымъ лицомъ спора двухъ лицъ, она называется судебнымъ рѣшеніемъ; если юридическая норма создается путемъ односторонняго велѣнія авторитетнаго лица или установленія, она получаетъ наименованіе распоряженія или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, закона. Наконецъ правовыя нормы могутъ создаваться посредствомъ взаимнаго договора двухъ или болѣе лицъ или установленій.

Исторія права изучаетъ какъ условія творенія права, такъ и самые плоды этого творчества т. е., правовыя нормы.

Въ техническомъ смыслѣ эти послѣднія называются источниками права. Отъ правовыхъ нормъ, какъ источниковъ права, надо отличать тѣ документы, всѣ тѣ письменныя свидѣтельства-памятники, въ которыхъ можно найти указаніе на дѣйствовавшія въ опредѣленное время юридическія нормы, на право данной эпохи. Эти документы, эти свидѣтельства, именуются источниками исторіи права. Они совпадаютъ съ общеисторическими источниками и заключаются въ различнаго рода свидѣтельствахъ современниковъ, сборникахъ общихъ историческихъ и спеціально историческо-юридическихъ свѣдѣній, разныхъ юридическихъ актахъ, какъ напримѣръ, договорахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, разнообразныхъ грамотахъ и т. п.

---

[1]) См. Тардъ. Законы подражанія (переводъ съ французскаго), изданіе Павленкова, Густавъ Лебонъ. Психологія народовъ и массъ (перев. Фридмана и Пименовой).

Ближайшимъ образомъ исторія права на основаніи документовъ стремится прослѣдить и объяснить возникновеніе и развитіе юридическихъ нормъ, установить между ними преемственную связь, раскрыть причины, вызвавшія ихъ измѣненія, и, по возможности, указать отношеніе правовыхъ явленій прошедшихъ временъ къ таковымъ же явленіямъ настоящаго времени.

Исторія русскаго права изучаетъ образованіе и развитіе юридическихъ нормъ въ прошломъ русскаго народа. Въ исторіи русскаго права обыкновенно различаютъ 3 періода: 1) періодъ земскій или княжескій (IX—XIII в.в.) въ которомъ Русь является разбитой на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ городовъ, періодъ княжескій; 2) періодъ московскій (XIV—XVII в.в.), опредѣляемый постепеннымъ сліяніемъ прежнихъ отдѣльныхъ государствъ въ одно большое государство московское; 3) періодъ императорскій (XVIII—XIX в.в.) охватывающій тоже старое московское государство, но съ нѣкоторыми своеобразными особенностями, происшедшими въ его строѣ. Мы имѣемъ въ виду обозрѣть въ краткихъ основныхъ чертахъ древне-русское право первыхъ двухъ періодовъ.

ГЛАВА I.

Источникъ древняго русскаго права земскаго періода.

§ 1. Обычай.

Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ древне-русскаго права, является обычай. Чтобы выяснить себѣ существованіе обычая въ опредѣленное время, необходимо удостовѣрить существованіе ряда единообразныхъ дѣйствій, обладающихъ общимъ юридическимъ характеромъ. Изъ историческихъ документовъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о русскомъ обычаѣ въ разсматриваемую эпоху прежде всего обращаютъ на себя вниманіе, такъ называемыя, лѣтописи. [1])

Подъ лѣтописью, хронографомъ, въ точномъ смыслѣ слова нужно понимать болѣе или менѣе подробно—погодныя записи о прошедшихъ событіяхъ. Дошедшія до насъ древнѣйшія лѣтописи не суть однако оргинальныя погодныя записи современниковъ описываемыхъ фактовъ. Это позднѣйшія произведенія, нѣчто въ родѣ сборниковъ погодно расположенныхъ матеріаловъ изъ различныхъ источниковъ различнаго характера и неодинаковой исторической цѣнности.

---

[1]) О лѣтописяхъ см. Срезневскій. Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Приложеніе къ II тому записокъ Академіи наукъ № 4 года 1862; Ключевскій. Курсъ русск. исторіи т. I; Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III; Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. т. II, кн. 1. Скромненко (Строевъ) о недостовѣрности древней рус. исторіи и ложности мнѣнія касательно древности русскихъ лѣтописей. 1834 годъ; его же. О мнимой древности и источникахъ нашихъ лѣтописей.

Русскія лѣтописи сохранились въ большомъ количествѣ списковъ XIV—XVIII столѣтій. Списки эти въ зависимости отъ мѣста ихъ составленія или мѣстности, гдѣ разыгрывались изображаемыя событія, дѣлятся на лѣтописи: первоначальную, кіевскую, лѣтописи новгородскія, псковскія и т. п. Однако и списки одинаковыхъ разрядовъ разнятся не только въ выраженіяхъ, но и въ подборѣ извѣстій. Вслѣдствіе этого списки подраздѣляются на редакціи (изводы). Поэтому говорятъ первоначальная лѣтопись южнаго извода, первоначальная лѣтопись суздальскаго извода.

Повѣствованіе о томъ, что случилось въ нашей землѣ въ IX, X, и XI и началѣ XII в. по 1110 г. называется Начальной лѣтописью и составляетъ собою ядро древнѣйшихъ списковъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго. Лаврентьевскій списокъ относится къ концу XIV в., а Ипатскій къ концу XIV или началу XV вѣка. Оба списка имѣютъ продолженія: Лаврентьевскій сопровождается суздальскимъ сводомъ, Ипатскій—сводомъ Кіевскимъ.

Самъ по себѣ начальный лѣтописный сводъ какъ по количеству, такъ и по качеству сообщаемыхъ имъ свѣдѣній не представляется источникомъ, вполнѣ достаточнымъ для полнаго рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода русскаго права. Первоначальный подлинникъ, повидимому, составленный въ XII в. и дошедшій до насъ въ спискахъ XIV и XV вѣковъ, является несомнѣнно въ значительной степени обезображеннымъ. Съ внѣшней стороны сличеніе текстовъ различныхъ списковъ свидѣтельствуетъ о большихъ искаженіяхъ оригинала; въ нихъ въ изобиліи встрѣчаются описки, пропуски, варіанты, поправки, интерполяціи различнаго рода, разнорѣчія, при чемъ возстановить истинный текстъ не всегда бываетъ возможно. Къ этому нужно еще прибавить, что въ частности пониманіе начальной лѣтописи затрудняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія слова и выраженія за семь столѣтій, истекшихъ со време-

ни составленія оригинала Начальной лѣтописи измѣнили свой первоначальный смыслъ.

Съ внутренней стороны начальный лѣтописецъ, не говоря уже о сильной его склонности къ вѣрѣ въ чудесное, въ качествѣ монаха XII в. и поборника новой религіи, вообще смотритъ на явленіе языческаго міра съ особымъ предубѣжденіемъ; кромѣ того онъ избираетъ, освѣщаетъ и излагаетъ эти явленія и событія односторонне. Свой личный взглядъ онъ постоянно склоненъ проводить и при изложеніи событій христіанской эпохи.

Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ относиться къ древнѣйшимъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ съ большой осторожностью, при чемъ приходится имѣть въ виду, что пробѣлы въ лѣтописяхъ лишь въ очень слабой мѣрѣ заполняются сохранившимися сказаніями о Руси [1]) современниковъ иностранцевъ и вещественными древностями [2]).

Въ лѣтописяхъ имѣются прямыя указанія на существованіе обычая въ разсматриваемую эпоху. «Поляне бо своихъ отецъ обычаи имяху тихъ и кротокъ», говоритъ лѣтописецъ и продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ. «А радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху»...

Изъ текстовъ лѣтописи видно, что подъ именемъ обычая лѣтописецъ разумѣлъ какъ, такъ называемые, нравы, такъ и юридическіе обычаи въ точномъ смыслѣ слова. Но кромѣ слова обычай для выраженія понятія первобытнаго неписаннаго права лѣтописцемъ употребляются и другія выраженія: «поконъ», «преданія», «законъ». То обстоятельство, что лѣтописецъ подъ словомъ законъ вообще понималъ юридическій обычай явствуетъ изъ сопоставленія этихъ терминовъ рядомъ въ одинаковомъ смыслѣ. «Имяху бо

---

[1]) Извѣстіе арабскаго писателя Ибнъ-Даста. Изданіе Хвольсона 1869 г.; Аделунгъ. Объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россіи 1866 г.

[2]) О вещественныхъ памятникахъ см. Самоквасовъ. Исторія русскаго права, т. I, стр. 182 и слѣд., изд. 1878 г.

обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья каждый свой нравъ». Но можно замѣтить, однако, что въ начальной лѣтописи подъ именемъ закона разумѣется также и совокупность религіозныхъ правилъ, которыя въ образѣ Закона Божія христіанскаго противополагаются религіознымъ обычаямъ языческимъ. Указанное противоположеніе выпукло выступаетъ въ слѣдующемъ лѣтописномъ текстѣ: «Си же творяху обычаи кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще Закона Божія, но творяще сами себѣ законъ». Повидимому въ томъ же смыслѣ нужно понимать слово «законъ»; упоминающееся въ договорахъ русскихъ съ греками, гдѣ русскіе клянутся «хрестьяне по вѣрѣ ихъ», а не «хрестьяне по закону своему».

Въ древнія времена обычай имѣетъ первенствующее значеніе среди источниковъ права; поэтому вся жизнь древнихъ княженій главнымъ образомъ опредѣлялась обычаемъ, которымъ были проникнуты и отношеніе князей и населеніе и частныхъ лицъ между собою. Въ памятникахъ древнерусскаго права обычай именуется также «пошлиной» и «стариной». Князья обязывались, напримѣръ, держать Новгородъ «по старинѣ» «по пошлинѣ». На обычномъ правѣ основывались частныя сдѣлки, договоры, слѣдомъ чего является сохранившаяся рядная (сговорная) грамота Тѣшаты конца XIII вѣка.

§ 2. Договоры.

Договоры являлись однимъ изъ существенныхъ источниковъ древне-русскаго права. Они не только опирались, какъ въ настоящее время, на дѣйствовавшее право, но путемъ соглашенія сторонъ устанавливали и новыя юридическія нормы. Въ древне-русскихъ памятникахъ договоры именуются «миромъ», «рядомъ», «докончаніемъ» «цѣлованіемъ». Древне-русскіе договоры перваго періода можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) договоры русскихъ князей съ иностранными государствами; 2) договоры между

князьями русскихъ различныхъ областей, и 3) договоры между составными частями русскихъ же государствъ—областей и между народомъ и княземъ. Изъ иностранныхъ государствъ въ международные договоры русскіе вступали съ греками (Византіей) и нѣмцами.

а) Договоры русскихъ съ греками [1]).

Въ теченіе IX и X вѣковъ восточные славяне неоднократно приходили во враждебныя столкновенія съ Византіей, вслѣдствіе чего возникла необходимость во взаимныхъ между сторонами мирныхъ договорахъ. Въ первоначальной лѣтописи сохранились свѣдѣнія о содержаніи четырехъ таковыхъ договорахъ, относящихся къ X вѣку. Первый отъ 907 г., заключенный Олегомъ, дошелъ до насъ въ пересказѣ лѣтописца, остальные три—Олеговъ же отъ 911 г., Игоревъ отъ 945 г. и Святославовъ отъ 971—приведены въ лѣтописи текстуально. Для исторіи русскаго права имѣютъ значеніе въ виду богатства ихъ содержанія лишь договоры 911 и 945 гг. Договоръ 911 г. считается первымъ по времени писаннымъ условіемъ между русскими и греками, и вмѣстѣ съ договоромъ 945 г. кромѣ статей политическаго характера содержитъ въ себѣ положенія изъ области, такъ называемаго, частнаго уголовнаго и гражданскаго права. Тексты содержащихся въ лѣтописяхъ договоровъ представляютъ собой видимый переводъ съ греческаго. На содержаніи указаннаго частнаго права сказалось видимое вліяніе византійскихъ правовыхъ воззрѣній, что дало Сергѣевичу поводъ очертить значеніе договоровъ съ греками въ смыслѣ того, что они дали русскимъ новое право, проникнутое греческими понятіями.

---

[1]) Важнѣйшая литература (кромѣ указанія въ курсахъ): Погодинъ. О договорахъ русскихъ съ греками; Срезневскій. О договорахъ Олега съ греками (Извѣстія Академіи Наукъ, т. I и III 1852 и 1854 гг.); Сергѣевичъ. Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X вѣка. (Приложеніе къ «лекціямъ» 1910 г.).

По мнѣнію названнаго ученаго, при составленіи договоровъ принимались въ соображеніе и русскіе обычаи, но лишь постольку, поскольку они не противорѣчили стремленію грековъ наложить узду на первобытные нравы русскихъ. Такъ, напримѣръ, греки существенно видоизмѣнили тѣ обычаи, которые были запечатлѣны самоуправствомъ.

Точное пониманіе содержащагося въ греко-русскихъ договорахъ частнаго права до сихъ поръ представляетъ затрудненія, зависящія какъ отъ плохого перевода греческаго оригинальнаго текста, такъ и отъ особенностей того русскаго языка, на которомъ выражены договоры въ лѣтописи. Многія изъ словъ и выраженій, попадающихся въ договорахъ, одни или совсѣмъ вышли изъ употребленія или измѣнили свой первоначальный смыслъ. Въ связи съ вопросами правильнаго возстановленія и пониманія текстовъ греко-русскихъ договоровъ находится вопросъ о ихъ подлинности.

Въ подлинности разсматриваемыхъ памятниковъ усумнился уже Шлецеръ, вызванный въ 1761 г. въ Петроградъ для объясненія древнихъ памятниковъ русской исторіи и написавшій изслѣдованіе о Несторѣ, какъ древнѣйшемъ русскомъ лѣтописцѣ. Его сомнѣнія были повторены русскимъ ученымъ Каченовскимъ, но важнѣйшія основанія для такихъ сомнѣній (мнимые анахронизмы) были разобраны и опровергнуты уже въ 1810 г. фонъ-Кругомъ, и позднѣе Погодинымъ. Въ настоящее время въ подлинности греко-русскихъ договоровъ сомнѣній больше не возникаетъ [1]).

б) Договоры съ нѣмцами.

Въ отличіе отъ договоровъ съ греками договоры русскихъ съ нѣмцами возникли на почвѣ торговыхъ взаимныхъ сношеній и вытекавшихъ отсюда возможныхъ враждебныхъ столкновеній сторонъ. Сохранившіеся русско-нѣмецкихъ до-

[1]) Подробности см. Самоквасовъ. Древнее русское право (лекціи 1902—3 слѣд. года, глава III.

говоры относятся къ XII и XIII вв., но есть основаніе думать, что подобные договоры заключались и ранѣе.

Съ нѣмцами вступали въ договоры западно-русскія области: Новгородская, Смоленская, Полоцкая, Витебская и Галицкая. Договоры заключались съ Ганзейскими городами: Готландомъ, Ригой, Нѣмецкимъ орденомъ. Древнѣйшій дошедшій до насъ договоръ относится къ концу XII в.; онъ былъ заключенъ Новгородомъ при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ; несмотря на свою древность договоръ этотъ является не первымъ изъ новгородско-нѣмецкихъ трактатовъ.

Договоръ Ярослава Владиміровича не оставляетъ сомнѣній въ своей подлинности. Онъ найденъ въ документахъ Рижскаго архива въ копіи въ формѣ приписки къ позднѣйшему договору Александра Невскаго. Древнѣйшіе договоры Смоленска съ нѣмцами относятся къ 1229 и 1240 гг., Полоцка и Витебска—къ 1264 г., Галицкихъ князей 1316 г.

Содержаніе русско-нѣмецкихъ договоровъ городовъ богаче такового же въ договорахъ русско-греческихъ. Въ виду культурной близости обѣихъ договаривавшихся сторонъ нормы этого договорнаго права близки къ тогдашнему русскому праву. Въ договорахъ заключаются нормы судопроизводственныя, уголовно и гражданско-правовыя, правила торговыхъ сношеній.

в) Междукняжескіе договоры.

О существованіи междукняжескихъ договоровъ мы узнаемъ какъ изъ лѣтописей, такъ изъ подлинныхъ сохранившихся договорныхъ грамотъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что взаимныя отношенія русскихъ князей какъ самостоятельныхъ государей, уже съ самыхъ давнихъ временъ упорядочивались договорами. Нужно предположить, что первоначально эти договоры заключались устно и скрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ, но уже отъ XII в. мы имѣемъ указаніе на письменные трактаты. Въ 1144 г. Владиміръ Га-

лицкій возвратилъ своему союзнику Черниговскому князю «крестную грамоту». Однако подлинныхъ междукняжескихъ договоровъ отъ XII и XIII вв. не сохранилось; древнѣйшая дошедшая до насъ междукняжеская договорная грамота относится къ половинѣ XIV в., слѣдовательно, уже къ московскому періоду.

Междукняжескіе договоры носили разное наименованіе: «рядъ», «цѣлованіе» (отъ скрѣпы условія крестнымъ цѣлованіемъ), «докончаніе» «миръ и любовь» (описательная формулировка). Судя по лѣтописнымъ отрывочнымъ даннымъ, договоры касались почетныхъ преимуществъ, условій мирнаго союза и единенія, правъ договаривавшихся сторонъ на вступленіе въ другіе союзы, порядка оказанія взаимной военной помощи и распредѣленія столовъ.

г) Договоры русскихъ князей съ русскими волостями.

Договоры князей съ волостями представляютъ собою наравнѣ съ междукняжескими старинное явленіе древнерусской жизни. Согласно лѣтописямъ уже въ XII в. князья и города цѣловали между собою крестъ очевидно для закрѣпленія нѣкоторыхъ взаимныхъ обязательствъ. Эти обязательства также носили названіе «ряда» и въ XII в. уже облекались въ письменную форму. Владимірцы, призвавшіе въ 1175 г. Ярополка Ростиславича къ себѣ въ князья, сдѣлали это въ церкви св. Богородицы «весь рядъ положивше».

Изъ сохранившихся договоровъ указаннаго рода древнѣйшіе не переходятъ второй половины XIII в. и всѣ принадлежатъ одному Новгороду. Договоры князей съ волостями могутъ быть по содержанію своему охарактеризованы тѣмъ, что въ нихъ по преимуществу опредѣляются условія призванія князя и его права и обязанности, какъ высшаго судьи, гражданскаго правителя и военачальника [1]).

[1]) Тексты новгородскихъ грамотъ см. Древняя россійская вивліофика, часть VI г. 1774. Сводное изложеніе содержанія ихъ у Самоквасова. Древнее русское право (Лекція 1902/3 акад. года) Приложеніе № XI.

§ 3. Источники права, сложившіеся подъ непосредственнымъ византійскимъ вліяніемъ.

а) Сущность Византійскаго права [1].

Уже въ русско-греческихъ договорахъ на русскомъ обычномъ правѣ чувствуется косвенное вліяніе права писаннаго византійскаго.

Но кромѣ этого косвеннаго греческое право оказало на древне-русскій правовой бытъ и непосредственное воздѣйствіе. Проводникомъ византійскихъ началъ въ русскую юридическую жизнь явилось послѣ принятія Русью христіанства ея духовенство.

Принятіе христіанства произвело крупный переворотъ въ строѣ древне-русскихъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ отношеній. Новыя христіанскія идеи во многихъ направленіяхъ кореннымъ образомъ разошлись со старымъ языческимъ жизненнымъ укладомъ. Помимо того носитель и выразитель этихъ идей, христіанское духовенство, занялъ въ странѣ особое положеніе какъ въ отношеніи власти, такъ и населенія. Первые представители русскаго духовенства, будучи греческаго происхожденія, естественно принесли съ собой въ новое отечество привычныя византійскія воззрѣнія на права и преимущества церкви, основываемыя на различныхъ источникахъ отечественнаго церковнаго и свѣтскаго права. Въ виду тѣснаго союза христіанской церкви съ русской государственной властью того времени можно было бы предположить, что новыя правовыя воззрѣнія подавятъ и даже замѣнятъ старыя; въ дѣйствительности однако дѣло сложилось не совсѣмъ такъ. Русскій юридическій бытъ оказался достаточно устойчивымъ, чтобы быть совершенно подавленнымъ. Онъ испыталъ сильное визан-

[1]) О свѣтскомъ византійскомъ правѣ см. Грибовскій, статья «Византійское право» въ Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ», тамъ же указаніе болѣе подробной литературы.

тійское вліяніе, онъ заимствовалъ въ извѣстной мѣрѣ (рецепировалъ) греческія юридическія нормы, сдѣлалъ уступки, пріобрѣлъ новыя формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не потерялъ личной творческой силы. Отсюда въ итогѣ возникъ рядъ новыхъ своеобразныхъ правовыхъ явленій: въ подражаніе византійскимъ создались русскіе сборники правового характера, въ которыхъ византійскія законодательныя положенія своеобразно преломились въ русскомъ правовоззрѣніи. На ряду съ этимъ русская церковь въ кругу нѣкоторыхъ вопросовъ освоила и греческіе источники свѣтскаго и духовнаго характера, въ совокупности именуемые византійскимъ правомъ.

Что касается сущности византійскаго права, то подъ этимъ терминомъ необходимо понимать право римское переработанное, видоизмѣненное и дополненное въ тѣлѣ византійскаго государства. Различныя степени этого видоизмѣненія можно раздѣлить на три періода, изъ которыхъ первый охватываетъ эпоху отъ Константина Великаго до воцаренія Исаврійской династіи; второй совпадаетъ съ царствованіемъ Исавровъ и третій начинается съ Василія Македонянина и заканчивается паденіемъ Византіи. Характеристичныя черты каждаго періода должно видѣть въ степени воздѣйствія мѣстныхъ византійскихъ элементовъ на заимствованное правовое наслѣдіе западной Римской Имперіи.

Въ первые моменты своего существованія Восточная Имперія, Византія, оперлась на римскую культуру и цивилизацію. Господствовавшіе классы считали себя прямыми потомками и продолжателями стараго Рима. Исходя изъ этой точки зрѣнія, византійское правительство пыталось искусственнымъ образомъ привить туземному населенію нравы, обычаи и весь строй жизни древнихъ римлянъ; привитіе римскаго права входило какъ одна изъ частей въ эту задачу. Эти старанія однако шли въ разрѣзъ съ новыми условіями общественности на Востокѣ: съ одной стороны предъявляли свои требованія мѣстные національные

элементы, а съ другой—съ языческимъ правомъ не вполнѣ мирилось новое христіанское міросозерцаніе. Подъ вліяніемъ обѣихъ указанныхъ силъ и началось соглашеніе между воспринятымъ римскимъ правомъ и національными особенностями въ ихъ совокупности съ христіанствомъ. Новыя условія прежде всего на ряду съ правомъ классическихъ юристовъ породили цѣлый рядъ отдѣльныхъ законовъ первыхъ христіанскихъ императоровъ. Поэтому уже Ѳеодосій II издалъ Кодексъ, въ которомъ собиралъ всѣ законы, начиная съ Константина В.; Юстиніанъ, закончивъ свои кодификаціонныя работы въ третьей части созданнаго имъ Свода Corpus juris civilis, въ «Кодексѣ», въ свою очередь соединилъ императорскія конституціи, начиная съ 117 по 534 г. т. е. по первые годы своего царствованія. Но и послѣ изданія юстиніанова Кодекса движеніе византійскаго законодательства не прекратилось; продолжали издаваться новыя узаконенія, извѣстныя подъ именемъ новеллъ, которыя касались какъ свѣтскаго, такъ и церковнаго права. Это первый періодъ въ исторіи византійскаго права.

Наиболѣе выдающимся правовымъ памятникомъ втораго періода является такъ, называемая, Эклога, т.-е. выборка. Подробное заглавіе этого сборника характеризуетъ его, какъ извлеченіе изъ юстиніанова законодательства съ исправленіемъ старыхъ законовъ въ смыслѣ большаго человѣколюбія. Въ дѣйствительности же Эклога содержитъ въ себѣ значительную, подчасъ даже коренную, переработку стараго права, а отчасти и нѣкоторыя нововведенія. Такъ, напримѣръ, Эклога уничтожила допускаемый юстиніановымъ правомъ конкубинатъ, свела къ четыремъ условіямъ поводы развода, уничтожила громадную власть, которую ранѣе отецъ имѣлъ въ отношеніи дѣтей, а равно всякое неравенство положенія между супругами и т. п. Полагаютъ, что Эклога была составлена при императорахъ иконоборцахъ Львѣ Исаврѣ (717—741) и сынѣ его и соправителѣ Константинѣ Копронимѣ. Ко второму періоду относятся также

сборники прибавленій къ Эклогѣ, текстъ которой не отвѣчалъ на всѣ вопросы, выдвигаемые мѣстной жизнью. Эти сборники состоятъ изъ постановленій Юстиніана и послѣдующихъ императоровъ; они имѣли цѣлью облегчить юристамъ практикамъ обращеніе съ накопившимся громаднымъ законодательнымъ матеріаломъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя сборникъ, такъ называемыхъ, Сельскихъ законовъ, въ которыхъ нѣкоторые ученые видятъ слѣды вліянія славянскаго.

Третій періодъ съ воцареніемъ Македонской династіи знаменуетъ собою попытку возвращенія къ чистотѣ римскихъ юридическихъ началъ. Къ возстановленію юстиніанова законодательства были направлены всѣ усилія Василія Македонянина и Льва Мудраго. Между 870 и 878 гг. появился опытъ подобнаго возстановленія, такъ называемый, Прохиронъ, представляющій собою краткое общее руководство къ познанію законовъ.

Въ Прохиронъ вошло юстиніаново законодательство въ греческомъ переводѣ и въ обработкѣ византійскихъ юристовъ. Кромѣ того, несмотря на гоненіе, объявленное въ отношеніи исаврійскаго законодательства, въ Прохиронъ вошли нѣкоторыя положенія Эклоги, при чемъ, хотя назначеніе Прохирона по существу своему было учебное, онъ тѣмъ не менѣе получилъ и законодательную силу.

Эпоха юстиніановой кодефикаціи свѣтскаго права была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой появленія въ Восточной церкви систематическихъ частныхъ сборниковъ церковнаго права, которымъ суждено было въ области церковной жизни пріобрѣсти значеніе источниковъ законодательныхъ.

Съ признаніемъ христіанской церкви государственной она постепенно начала создавать свою систему права, почерпая къ тому матеріалъ изъ правилъ св. отцовъ и постановленій Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Государственная власть въ свою очередь съ одной стороны, взявъ церковь подъ свою защиту, признавала за постановленіями

церковной власти общеправовое значеніе, съ другой стороны, сама стала издавать законы, касавшіеся церковной жизни, а также передавать вѣдомству церкви разныя отношенія, упорядочиваемыя ранѣе свѣтскимъ законодательствомъ. Возникшее отсюда накопленіе церковныхъ правовыхъ постановленій вызвало необходимость появленія соотвѣтственныхъ сборниковъ сперва хронологическаго а потомъ и систематическаго характера. Въ VI в. появляются своды церковно-свѣтскихъ постановленій, получившіе наименованіе Номоканоновъ (nomos-законъ, canon-правило).

Древнѣйшій Номоканонъ, долгое время приписываемый патріарху Іоанну Схоластику, состоитъ изъ 50 титуловъ (отдѣловъ), дѣлящихся на главы; матеріалъ этого Номоканона почерпнутъ изъ двухъ сборниковъ: одного—канонического содержанія и другого сборника свѣтскихъ законовъ по церковнымъ дѣламъ. Второй позднѣйшій Номоканонъ, состоящій изъ 14 титуловъ и составленный неизвѣстнымъ авторомъ, относится къ VII в.

Послѣдненазванный Номоканонъ не дошелъ до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, но лишь въ позднѣйшей отъ IX в. обработкѣ знаменитаго патріарха Фотія. Номоканонъ въ 14 титулахъ фотіевской редакціи пользовался въ Византіи большимъ уваженіемъ и въ послѣдующее время подвергался толкованіямъ многихъ ученыхъ юристовъ: Зонары, Вальсамона, Аристина и др.

§ 4. Кормчія книги.

Въ виду зависимости нашей молодой церкви въ первое время послѣ принятія христіанства отъ Константинопольской она должна была подчиняться тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя дѣйствовали въ греческой церкви. Отсюда можно заключить, что въ указанную эпоху греческіе номоканоны являлись у насъ источниками дѣйствовавшаго права наряду со сборниками свѣтскаго византійскаго права, Эклогой и

Прохирономъ, въ которыхъ первые представители русскаго духовенства греческаго происхожденія могли искать отвѣты на вопросы, не разрѣшаемые номоканонами.

Однако, довольно рано вмѣстѣ съ греческими подлинниками вышеуказанныхъ законодательныхъ сборниковъ начали примѣняться у насъ и ихъ славянскіе переводы. Полагаютъ, что Номоканонъ въ 50 титулахъ въ болгарскомъ переводѣ былъ извѣстенъ на Руси до оффиціальнаго принятія ею христіанства. Можно предположить затѣмъ, что Номоканонъ въ до-фотіевской редакціи началъ у насъ обращаться въ эпоху княженія Ярослава I, и, наконецъ, фотіевская редакція съ толкованіями византійскихъ юристовъ стала извѣстна на Руси съ конца XIII в., когда митрополитъ Кириллъ получилъ этотъ номоканонъ въ славянскомъ сербскомъ переводѣ изъ Болгаріи.

Греческіе номоканоны въ славянскомъ переводѣ стали называться у насъ съ конца XIII Кормчими книгами. Древнія русскія кормчія сохранились до нашего времени во множествѣ списковъ различнаго состава. Нѣкоторые списки заключаютъ въ себѣ лишь переводы на славянскій языкъ полныхъ и сокращенныхъ греческихъ номоканоновъ; въ другихъ спискахъ находятся переводные номоканоны вмѣстѣ съ греческими свѣтскими законодательными сборниками, выборками изъ нихъ, выборками изъ Пятикнижія, уставами русскихъ князей, соборными постановленіями русской церкви и иными различными древнерусскими правовыми памятниками. Въ число сборниковъ свѣтскаго византійскаго права входятъ: „Эклога“, „Прохиронъ“ (въ славянскомъ переводѣ «Градскіе законы») а также славянскіе выборки главнымъ образомъ изъ Эклоги, извѣстныя подъ именемъ «Закона суднаго людямъ». Съ точки зрѣнія содержанія рукописныя кормчія главнымъ образомъ дѣлятся на 2 фамиліи «рязанскую» и «софійскую» по мѣсту нахожденія ихъ древнѣйшихъ списковъ въ Рязанскомъ соборѣ и въ церкви св. Софіи въ Новгородѣ. Въ основу «рязанской кормчей» по-

ложенъ Фотіевъ Номоканонъ, при чемъ въ ней заключаются лишь источники греческаго происхожденія; повидимому, это есть копія вышеупомянутой кирилловской кормчей [1]); основаніемъ Софійской кормчей является до-фотіевскій номоканонъ; въ общее же содержаніе этой кормчеи входятъ и памятники русскаго правотворчества. Кормчая книга была напечатана для общаго употребленія при Патріархѣ Никонѣ въ 1653 г.; въ 1787 г. послѣдовало Екатерининское изданіе Кормчей, переизданной при Александрѣ I въ 1804, 1816 г. Въ основаніе печатной кормчей положена рязанская редакція, но съ различными измѣненіями и дополненіями.

Независимо отъ кормчихъ на Руси обращался еще сборникъ византійскихъ правоположеній, но въ славянской обработкѣ. Это, такъ называемыя, «книги законныя», составленныя неизвѣстнымъ авторомъ изъ различныхъ съ нѣкоторыми измѣненіями выписокъ изъ «Прохирона» и «Эклоги» и вышеупомянутаго добавленія къ Эклогѣ «Византійскаго Земледѣльческаго устава». «Земледѣльческій законъ» содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся различныхъ преступленій, главнымъ образомъ нарушающихъ имущественныя права сельскаго населенія.

§ 5. Русскіе церковные уставы.

Однимъ изъ важныхъ источниковъ права въ разсматриваемую эпоху являлись судебныя рѣшенія и правительственныя распоряженія князей, вначалѣ исходившія въ устной формѣ, а впослѣдствіи облекаемыя и въ форму письменную. Такія рѣшенія и постановленія носили наименованіе уставовъ, суда, уроковъ, законовъ. Такъ, лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Св. думалъ съ дружиною «объ уставѣ земленѣмъ»; въ «Русской правдѣ» упоминается «судъ Ярославовыхъ

[1]) Въ ней нѣтъ «Закона суднаго людямъ».

дѣтей»; въ «Русской же правдѣ» встрѣчаемъ указаніе на «урокъ Ярославль», а также на «вирные законы», существовавшіе при томъ же князѣ. Отдѣльные акты правотворческой дѣятельности князей собирались вмѣстѣ, и такимъ путемъ получались правовые сборники различнаго свѣтскаго и церковнаго характера. Къ свѣтскимъ относится «Русская правда», къ церковнымъ,—такъ называемые, церковные уставы.

Возникновеніе церковныхъ уставовъ какъ въ смыслѣ отдѣльныхъ княжескихъ постановленій по церковнымъ дѣламъ, такъ и составленныхъ изъ нихъ сборниковъ обусловливалось необходимостью опредѣлить кругъ правъ и предѣлы власти церковныхъ учрежденій въ государственномъ бытѣ того времени.

До насъ дошло 6 сборниковъ подобнаго рода. Одинъ изъ нихъ приписывается Владиміру Св.; одинъ—Ярославу I; два—Новгородскому князю Всеволоду-Гавріилу (отъ 1125—1136 и отъ 1135 г.), одинъ—новгородскому же князю Святославу Олеговичу отъ 1137 г. и одинъ—смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу отъ 1150 г.

Церковные уставы сохранились въ спискахъ позднѣйшаго времени; изъ нихъ древнѣйшій восходитъ къ концу XIII в.; это есть именно списокъ, приписываемый Владиміру Св., найденный въ рукописной Кормчей новгородской Софійской библіотеки. Относительно подлинности всѣхъ поименованныхъ уставовъ, за исключеніемъ устава кн. Ростислава, возникали и возникаютъ болѣе или менѣе основательныя сомнѣнія, касающіяся прежде всего вопроса о принадлежности уставовъ въ смыслѣ происхожденія поименованнымъ выше князьямъ. Въ наукѣ вопросъ этотъ еще не рѣшенъ окончательно въ ту или другую сторону. Во всякомъ случаѣ даже защитники подлинности не отрицаютъ того обстоятельства, что списки уставовъ дошли до насъ съ крупными искаженіями первоначальнаго текста.

Собственно говоря, однако, для исторіи русскаго права

вопросъ о происхожденіи разсматриваемыхъ памятниковъ въ ихъ цѣломъ отъ тѣхъ князей, которымъ они приписываются, не имѣетъ такого значенія, которое подрывало бы юридическую важность самихъ сборниковъ. Пусть это будутъ частные сборники, въ основу которыхъ легли княжескія постановленія; важно то, что церковные уставы и во главѣ ихъ Уставъ Владиміра Св. являются правовыми памятниками перваго періода исторіи русскаго права. Если заподозрѣвается принадлежность Владимірова Устава названному князю, то древность самого памятника не подвергается никакому сомнѣнію.

Самъ сомнѣвающійся въ подлинности Владимірова Устава нашъ историографъ Карамзинъ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ древность слога Устава и находитъ, что онъ написанъ не позже XIII в. Дѣйствительно, съ половины XIII в. начинается непрерывный рядъ списковъ Владимірова Устава, а распространенность ихъ въ указанную эпоху предполагаетъ болѣе раннее составленіе и существованіе памятника; такое предположеніе подтверждается и содержаніемъ Устава, согласнымъ съ приписываемыми ему условіями происхожденія его въ концѣ X или началѣ XI в.

Церковный Уставъ Владиміра дошелъ до насъ въ множествѣ списковъ, которые могутъ быть сведены къ двумъ разрядамъ: краткому и пространному; повидимому, краткій списокъ болѣе близокъ къ подлиннику, и потому его слѣдуетъ признать древнѣйшимъ; въ этой редакціи кстати нѣтъ и упоминанія о патріархѣ Фотіи, отъ коего, согласно другимъ спискамъ, якобы Владиміръ принялъ христіанство, что является исторической несообразностью.

Что касается содержанія Владимірова Устава, то онъ опредѣляетъ финансовыя преимущества церкви (десятину), а также личную и предметную подсудность области церковнаго епископскаго суда. Въ Уставѣ между прочимъ указаны источники, изъ которыхъ якобы составитель памятника черпалъ правовой матеріалъ: «То все далъ есмь

по первыхъ царевъ уряженью и по вселенскихъ св. отецъ семи соборовъ»...

Ссылка эта на названные источники имѣетъ однако лишь общій характеръ. Кругъ вѣдомства русской церкви по Уставу былъ гораздо шире, чѣмъ то существовало въ Византіи по греко-римскимъ законамъ. Составитель устава, создавая свои правоположенія, руководствовался повидимому лишь аналогіей съ византійскимъ законодательствомъ. Что касается предметной подсудности по разсматриваемому Уставу, то она охватывала: 1) дѣла о преступленіяхъ противъ церкви и вѣры; 2) о прелюбодѣяніи; 3) о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ словомъ; 4) дѣла семейнаго характера, о заключеніи брака, о разводѣ, о наслѣдованіи. Личная подсудность опредѣлялось принадлежностью къ кругу перечисляемыхъ Уставомъ «церковныхъ людей», къ которымъ относились не только церковно- и священно-служители, но и различные разряды людей, состоявшихъ подъ покровительствомъ церкви.

Второй—тоже искаженный уставъ, приписываемый Ярославу, сохранился въ различныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ концу XIV—началу XV в.; въ смыслѣ принадлежности его Ярославу онъ наводитъ на еще бо̀льшія сомнѣнія, нежѐли Уставъ Владиміра. Въ общемъ этотъ сборникъ дополняетъ и развиваетъ правовые положенія, содержащіяся во Владиміровомъ Уставѣ.

Въ различной мѣрѣ основываются на Владиміровомъ Уставѣ и дополняютъ его остальные памятники того же рода, въ отличіе отъ уставовъ Владиміра и Ярослава, имѣвшіе мѣстное значеніе.

§ 6. Русская правда.

Нѣкоторое время къ княжескимъ уставамъ относили также впервые открытый историкомъ Татищевымъ въ одномъ изъ списковъ Новгородской лѣтописи юридическій

сборникъ, именуемый «Русской правдою». Впослѣдствіи въ различныхъ лѣтописяхъ, кормчихъ и особыхъ сборникахъ «Мѣрилахъ праведныхъ» былъ найденъ еще цѣлый рядъ списковъ названнаго памятника, изъ которыхъ многіе напечатаны: одни полностью, другіе—въ варіантахъ.

Въ древности «Русской правды», какъ источника права, никто не сомнѣвается; сомнѣніе вызываетъ лишь вопросъ объ оффиціальномъ характерѣ этого памятника, о принадлежности его, какъ цѣлаго, къ уставной дѣятельности Ярослава I и его преемниковъ.

Обиліе имѣющихся списковъ «Русской правды» вызвало необходимость ихъ классификаціи. Одна изъ первыхъ такихъ попытокъ принадлежитъ бывшему въ началѣ прошлаго столѣтія профессоромъ Дерптскаго университета Тобину, который раздѣлилъ ему извѣстные списки Правды на 2 редакціи; краткую — древнѣйшую и пространную — позднѣйшую. Немного позднѣе вслѣдъ за Тобинымъ въ 1846 г. предложилъ свое дѣленіе извѣстный Калачевъ, имѣвшій въ рукахъ большое количество списковъ Правды и насчитавшій четыре ея редакціи въ зависимости отъ тѣхъ памятниковъ письменности, въ которыхъ найдены списки Правды. Противъ дѣленія, предложеннаго Калачевымъ, было однако выставлено то соображеніе, что мѣстонахожденіе Правды въ томъ или другомъ памятникѣ еще не рѣшаетъ вопроса о внутреннемъ содержаніи списка; но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователями было признано дѣленіе Правды на двѣ редакціи недостаточнымъ, такъ какъ Калачевымъ были указаны списки, не имѣвшіеся въ виду Тобинымъ. Вслѣдствіе этого, къ двумъ редакціямъ Тобина краткой (списокъ Академическій) и пространной (Синодальный, Троицкій), была присоединена третья — сокращеніе изъ пространной (списокъ кн. Оболенскаго).

Троичное дѣленіе было принято въ наукѣ, и большинствомъ историковъ права принимается до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время въ 1904 г. нынѣ покойный проф. Сер-

гѣевичъ предложилъ четвертую классификацію Правды, покоющуюся, однако, на иныхъ, нежели у Калачева, основаніяхъ. Въ особую новую редакцію Сергѣевичъ выдѣлилъ не какіе-либо особые списки Р. Правды, а дѣлитъ на 2 редакціи списки краткіе, относимые большинствомъ издателей къ первой редакціи. Однако, такое дѣленіе, какъ то правильно указалъ проф. Дьяконовъ, является въ свою очередь произвольнымъ, такъ какъ части краткой «Правды» говорятъ вовсе не объ одномъ и томъ же, но лишь въ разныхъ редакціяхъ, а взаимно дополняютъ другъ друга. Это—два памятника, соединенные въ одной редакціи, а не двѣ редакціи одного и того же памятника.

Согласно съ мнѣніемъ Тобина, первая (краткая) редакція «Правды» въ настоящее время признается древнѣйшей. На древность этой редакціи, между прочимъ, указываетъ сохранившееся въ ней широкое право мести, какъ общаго наказанія, наименованіе денегъ «скотомъ», Въ позднѣйшихъ спискахъ указанія на право мести въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣняются, а выраженіе «скотъ» замѣняется словомъ «куны». Какъ было указано выше, первая редакція въ свою очередь не представляетъ собою по происхожденію полнаго единства. Повидимому, это 2 самостоятельныхъ разновременныхъ памятника, составившихъ 2 части древнѣйшей Р. Правды. Первая часть, первыя 17 статей этой Правды (Академическаго списка, названнаго такъ потому, что Татищевъ, открывшій въ 1738 г. названный списокъ, представилъ его въ Академію наукъ) были написаны при Ярославѣ въ первой половинѣ XI в.; вторая часть, остальныя статьи (за исключеніемъ 42), относится ко второй половинѣ XI в., къ эпохѣ княженія сыновей Ярослава.

Позднѣйшіе списки Правды постепенно дополнялись и перерабатывались съ теченіемъ времени.

Что касается оффиціальнаго характера Р. Правды въ смыслѣ принадлежности ея къ плодамъ законодательной

дѣятельности Ярослава и его преемниковъ, то таковая оффиціальность ея въ настоящее время болѣе не признается. По мнѣнію большинства изслѣдователей то, что именуется списками Р. Правды, является не чѣмъ инымъ, какъ сборниками положеній древняго русскаго права, составленными частными лицами, но находившими примѣненіе въ юридической жизни въ силу своихъ внутреннихъ достоинствъ. Заголовки, стоящіе впереди первыхъ 17 ст. краткаго списка «Правда Роьская», затѣмъ второй заголовокъ передъ остальными статьями (второй частью: «Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ») никого болѣе не обманываютъ. Уставы въ видѣ распоряженій и судебныхъ рѣшеній князей входятъ въ составъ краткой Правды, но лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ наравнѣ съ другими матеріалами. На это указываетъ самая форма, въ образѣ которой названные «уставы» внесены въ текстъ Правды. Они выражены не въ первомъ лицѣ, какъ того нужно было бы ожидать, если бы «Правду» давали сами князья, а въ третьемъ лицѣ: «то ти урокъ Ярославль», «тако уставилъ Изяславъ». Нельзя полагаться также и на свидѣтельство лѣтописца относительно того, что Р. Правду «далъ» новгородцамъ, помогавшимъ ему въ борьбѣ со Святополкомъ, Ярославъ. Съ одной стороны въ древнѣйшемъ спискѣ новгородской лѣтописи нѣтъ ни самой «Правды», ни упоминовенія о дарованіи ея Ярославомъ, а съ другой стороны самое пожалованіе этого памятника въ награду представляется непонятнымъ потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ льготъ, преимуществъ, могущихъ служить предметомъ награды.

Повидимому, утвержденіе лѣтописца, будто бы Р. Правду «далъ» Ярославъ представляетъ собою его личную и притомъ ошибочную догадку.

Что касается источниковъ Р. Правды, то въ число ихъ входятъ древне-русскій обычай, княжескія судебныя рѣшенія, княжескія отдѣльныя велѣнія и косвенно византійское

право. Въ качествѣ княжескихъ уставовъ упоминается въ Правдѣ «урокъ Ярославль» о пошлинахъ въ пользу вирника, «уставъ» Изяслава о вирѣ за голову конюшаго, всѣхъ трехъ Ярославичей объ отмѣнѣ мести, уставъ Вл. Мономаха о процентахъ (Списокъ Троицкій); изъ византійскаго права, повидимому, внесена статья объ отвѣтственности господина за преступленія, совершенныя его рабомъ.

Различныя теоріи о происхожденіи Р. Правды путемъ заимствованія изъ скандинавскаго, германскаго или римскаго права представляются остроумными догадками, не имѣющими однако подъ собою прочной основы и зиждущимися на сходствѣ нѣкоторыхъ правовыхъ положеній. Сходство это объясняется однако не заимствованіемъ, а общностью условій первобытной жизни различныхъ народовъ.

Наконецъ, переходя къ обзору содержанія Р. Правды необходимо прежде всего сказать, что оно становится тѣмъ богаче, чѣмъ позднѣе по времени составленъ тотъ или другой списокъ. Древнѣйшій списокъ состоитъ главнымъ образомъ изъ перечисленія различнаго вида преступленій и нѣсколькихъ статей процессуальныхъ. Въ спискахъ пространныхъ имѣются постановленія, касающіяся какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго права; въ спискахъ третьей фамиліи, сходныхъ по содержанію со второй, нѣтъ однако важныхъ статей о «закупѣ».

§ 7. Вѣчевыя постановленія.

а) Общія замѣчанія о Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ.

Въ число предметовъ вѣдомства древне-русскаго вѣча между прочимъ входило законодательство, состоявшее главнымъ образомъ въ подтвержденіи сложившихся обычаевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и княжескихъ уставовъ.

До насъ дошли лишь два памятника вѣчевого законода-

тельства—Псковская и Новгородская судныя грамоты. Собственно говоря, по времени своего составленія обѣ грамоты относятся не къ первому, а ко второму принятому нами періоду исторіи русскаго права, такъ какъ оффиціальное ихъ происхожденіе связано съ концомъ XIV или половиной XV в. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣніе обѣихъ грамотъ вмѣстѣ съ памятниками перваго періода имѣетъ свои оправданія.

Прежде всего названныя грамоты суть плоды дѣятельности вѣчевыхъ собраній, нормальныхъ государственныхъ установленій перваго періода, а затѣмъ содержаніе грамотъ представляетъ собою записанные псковскіе обычаи и вообще «старину и пошлину», происхожденіе которыхъ гораздо древнѣе того времени, къ которому могутъ быть отнесены и тотъ и другой памятникъ оффиціально. Независимо отъ этого и самыя правовыя нормы, заключающіяся въ обѣихъ грамотахъ, вообще по существу ближе къ праву древнѣйшему, предшествовавшему эпохѣ московскаго правотворчества.

б) Псковская судная грамота, согласно предисловію къ ней, издана всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ въ лѣто 6905 (въ 1397 г.) по благословенію поповъ всѣхъ пяти соборовъ. Но въ этихъ строкахъ заключается серьезное противорѣчіе. Соборами въ Псковѣ назывались церковныя общины изъ духовенства нѣсколькихъ церквей съ особымъ управленіемъ и выборнымъ представительствомъ — «поповскими старостами». Пятый таковой соборъ возникъ въ Псковѣ позже 1397 года, именно въ 1462 г.; между тѣмъ какъ предисловіе упоминаетъ о пятомъ соборѣ подъ 1397. Точно также предисловіе говоритъ, что грамота «выписана изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ княжъ Константиновы грамоты». Между тѣмъ княземъ Константиномъ можетъ быть признанъ только Константинъ Дмитріевичъ, княжившій въ Псковѣ въ 1407 г. т. е. позже 1397 г.

Нѣкоторые (Сергѣевичъ) считаютъ отнесеніе грамоты къ 1397 г. ошибкой переписчика; другіе (Владимірскій-Бу-

дановъ) находятъ возможнымъ примирить противорѣчіе при помощи того соображенія, что сводъ псковскихъ узаконеній составлялся не одинъ разъ, при чемъ первоначальная его редакція можетъ относиться и къ 1397 г.,; позднѣе же происходили добавленія и измѣненія грамоты по разнымъ поводамъ. Въ 1397 г. Псковъ по договору съ Новгородомъ достигъ полной независимости,; это должно было отразиться на его внутреннемъ законодательствѣ, что и положило начало Псковской грамотѣ. Вызываетъ далѣе сомнѣніе вопросъ, кто былъ упоминаемый грамотою великій князь Александръ. Одни видятъ въ немъ Александра Михайловича Тверского, княжившаго въ Псковѣ въ началѣ XIV в., другіе — Александра Невскаго, княжившаго тамъ же въ половинѣ XIII в. Какъ бы то ни было, упоминаніе грамотой при этихъ условіяхъ имени князя Александра не противорѣчитъ отнесенію ея возникновенія къ 1397 г. Что же касается измѣненій грамоты, то они могли прежде всего произойти по слѣдующему поводу: Константинъ Дмитріевичъ далъ псковичамъ свою грамоту. Данная имъ грамота вслѣдствіе нарушенія ею псковской старины была однако отмѣнена съ благословенія митрополита Фотія въ 1416 г. Между тѣмъ кромѣ неугодной псковичамъ «новизны» княжъ-Константинова грамота могла содержать и «старину». Ея отмѣна по указанной причинѣ была способна послужить поводомъ къ пересмотру Псковской Грамоты въ пятнадцатомъ вѣкѣ послѣ 1416 г. съ дополненіемъ памятника непротиворѣчившими старинѣ уставами Константина Дмитріевича. Кромѣ того П. Грамота могла быть дополнена еще разъ послѣ 1462 г., чѣмъ при сохраненіи основного текста памятника и объясняется ссылка на «пятый соборъ».

Въ подлинности П. Грамоты сомнѣній не возникаетъ. Она была найдена въ 1847 г. въ частной библіотекѣ г. Одессы. Источники памятника указаны въ предисловіи къ нему: это уставы князей Александра и Константина и псковскіе обычаи—«пошлины».

Содержаніе грамоты, весьма богатое, посвящено главнымъ образомъ вопросамъ гражданскаго права и процесса, но имѣются статьи и уголовно-правового характера, при чемъ въ послѣднихъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ «Русской правдѣ», проступаетъ взглядъ на государственное значеніе преступленія.

Предлагаемое различными учеными дѣленіе П. Грамоты на части, въ большей или меньшей степени искусственно. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно предположить, что послѣднія приписки къ основному тексту грамоты начинаются съ 108 ст., въ которой говорится: «А которой странѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А котора строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, то та строка волно выписать вонъ изъ грамоты».

в) Новгородская грамота дошла до насъ въ неполномъ видѣ. Сомнѣній въ подлинности ея нѣтъ. Повидимому она была составлена въ половинѣ XV вѣка «всѣми пятью концами, всѣмъ государемъ Великимъ Новгородомъ на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ». Во второй половинѣ того же вѣка Н. Грамота по завоеваніи Новгорода в. к. Иваномъ III была переписана на имя названнаго князя. Причинами вызвавшими къ жизни разсматриваемый памятникъ, нужно предположить, явились внутреннія неурядицы, порожденныя борьбой партій и угнетенія богатыми и сильными низшихъ классовъ.

Источниками грамоты является прежде всего новгородская старина-обычай: «А намѣстникомъ великаго князя и тіуномъ пересудъ свой вѣдать по старинѣ», гласитъ 3 статья. Изъ лѣтописныхъ данныхъ можно заключить, что содержаніе свое грамота черпала изъ предшествовавшихъ вѣчевыхъ постановленій и договорныхъ грамотъ съ князьями.

Содержаніе дошедшаго до насъ отрывка грамоты посвящено процессуальному праву: судоустройству и судопроизводству.

ГЛАВА II.

Государственное право.

§ 1. Предварительныя замѣчанія.

Общественныя соединенія, насколько мы наблюдаемъ ихъ въ исторіи и въ современномъ быту, зиждутся на психической основѣ. Общественныя группы связываются воедино духовной общностью входящихъ въ ихъ составъ отдѣльныхъ лицъ-индивидовъ, при чемъ факты подчиненія и господства должны быть относимы къ тѣмъ же явленіямъ психическаго характера. Простѣйшія общественныя соединенія слагаются въ свою очередь въ болѣе крупныя союзы, въ общества въ широкомъ смыслѣ слова. Поэтому общество можно опредѣлить какъ совокупность проявляющихся во внѣшнемъ мірѣ психическихъ связей между людьми (Еллинекъ [1]). Разсматриваемое съ указанной точки зрѣнія общество не имѣетъ собственнаго субстанціональнаго бытія внѣ входящихъ въ него отдѣльныхъ человѣческихъ единицъ и внѣ нашего представленія о ихъ массовомъ сложномъ психическомъ единствѣ.

На основѣ общества возникаетъ государство. Онъ подобно обществу относится къ разряду массово-психическихъ явленій. Оно представляется особаго рода сочетаніемъ воль множества образующихъ общество людей. Это есть общество, разсматриваемое въ его особомъ состояніи признанія властвованія общественнаго союза какъ цѣлаго надъ входящими въ его составъ отдѣльными частями. Отсюда отличительнымъ признакомъ общества въ государственномъ состояніи является существованіе признанной принудительной власти, которая въ свою очередь есть не что иное какъ явленіе производное отъ готовности участниковъ государственнаго общенія повиноваться его авторитетнымъ

[1]) Общее ученіе о государствѣ.

велѣніямъ. Степени таковой авторитетности союза, степени силы государственной власти, не одинаковы въ различныхъ обществахъ, наблюдаемыхъ исторіей на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Начинаясь слабыми проявленіями, государство въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ зависимости отъ различныхъ причинъ крѣпнетъ и слагается въ могущественныя державы; въ иныхъ случаяхъ пріобрѣтенное могущество разрушается, и государство погибаетъ.

Государство обладаетъ правовымъ характеромъ. По существу своему возникновеніе государства есть общественный фактъ, но за такимъ фактомъ мы признаемъ юридическое значеніе; мы связываемъ съ наличностью государства различныя юридическія послѣдствія; его появленіе мы признаемъ за поводъ къ примѣненію юридическихъ нормъ.

Существованіе государства предполагаетъ населеніе, т. е. наличность общественныхъ группъ и вообще общественныхъ массъ, способныхъ объединяться идеей общаго подчиненія власти союза, затѣмъ власть, т. е. наличность факта самого объединенія на указанной идеѣ и, наконецъ, территорію — наличности нѣкотораго земельнаго пространства, въ предѣлахъ котораго власть осуществляетъ свои права надъ населеніемъ.

Послѣдній признакъ, однако, не является существеннымъ для опредѣленія государства, въ особенности въ древней исторіи развитія государственной жизни, такъ какъ предѣлы власти государственнаго союза главнымъ образомъ очерчиваются кругомъ лицъ, готовыхъ ей повиноваться, иначе говоря, кругомъ лицъ, въ средѣ которыхъ возникаетъ особое массово-психическое явленіе повиновенія государственному союзу какъ цѣлому. Недаромъ исторіи извѣстны государственныя состоянія у кочевыхъ народовъ, не имѣвшихъ опредѣленной постоянной территоріи.

Государственное единство всякаго общественнаго союза, его власть, нуждаются въ проявленіи этого единства въ образѣ единой воли. Конечно, таковой волей можетъ быть

только воля членовъ государственнаго единенія—человѣческая воля. Участникъ или участники государственнаго союза, выражающіе волю послѣдняго, должны быть разсматриваемы какъ орудія воли государства, какъ государственные органы.

Всѣ отрасли права въ современномъ государствѣ въ различной мѣрѣ опираются на его защиту. Въ исторіи, однако, это явленіе образуется постепенно. Долгое время, такъ называемое частное право, т. е. взаимныя правовыя отношенія между отдѣльными участниками государственнаго общенія находятъ себѣ защиту внѣ покровительства государства; они защищаются или личными силами индивидовъ или силами отдѣльныхъ группъ, въ составъ которыхъ входятъ данныя частныя лица. По этой причинѣ, если въ настоящее время вопросъ о раздѣленіи всего права на двѣ области—государственное въ широкомъ смыслѣ слова (публичное) и частное имѣетъ главнымъ образомъ теоретическій интересъ, то для древности въ этомъ вопросѣ скрывалось и практическое значеніе. Въ древнемъ государствѣ различныя отрасли права лишь постепенно, въ связи съ развитіемъ государственной власти, получаютъ государственную окраску и притомъ однѣ — въ большей, другія—въ меньшей мѣрѣ.

Само собой разумѣется, что прежде всего государственный характеръ пріобрѣтаетъ устройство самого государства и его органовъ; совокупность относящихся сюда нормъ образуетъ государственное право въ тѣсномъ смыслѣ слова; затѣмъ государственную окраску получаютъ различныя проявленія дѣятельности органовъ государственной власти, направленныя къ осуществленію государственной воли въ разнообразныхъ направленіяхъ. Смотря по содержанію своему нормы этой дѣятельности получаютъ наименованіе права управленія (административнаго права), уголовнаго права и судопроизводства (гражданскаго и уголовнаго); право церкви (церковное право), посколько оно получаетъ признаніе и защиту со

стороны государства является точно также отраслью государственнаго права.

Позднѣе другихъ начинаетъ на себѣ испытывать вліяніе государственной власти частное – гражданское право, которое даже въ настоящее время сохраняетъ за усмотрѣніемъ и волей частнаго лица большую свободу, нежели остальныя отрасли права.

§ 2. Основныя черты древне-русскаго государства.

Съ вѣроятностью можно предположить, что образованію древне-русскаго государства, или точнѣе, древне-русскихъ государствъ предшествовало сложеніе древнѣйшаго населенія въ общественныя соединенія, основывавшіяся на кровной (родовой), экономической и иной взаимной связи ихъ членовъ. Эти предположенія, однако, не въ ихъ совокупности а въ отдѣльности нѣкоторыми изслѣдователями были положены въ основу положительныхъ теорій для объясненія древне-русскихъ общественныхъ состояній перваго періода исторіи русскаго права.

Такъ Эверсъ [1]) полагалъ, что русскіе славяне до Рюрика образовывали лишь родовые союзы, съ Рюрика же начинается русское государство.

Мысль о существованіи родового быта, зерно которой находится уже у Карамзина, получила подробное и даровитое развитіе въ трудахъ нашего извѣстнаго историка Соловьева [2]). Основаніемъ названной теоріи послужили, между прочимъ, различныя мѣста начальной лѣтописи, упоминающія о древнемъ бытѣ славянъ. Напримѣръ: «Поля-

[1]) Древнѣйшее русское право 1835 г., переводъ Платонова. Тоже самое повторилъ Рейцъ во введеніи къ „Опыту исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ (переводъ Морошкина) 1836 г.

[2]) Исторія Россіи, т. I, гл. III.

номъ, живущимъ особѣ и володѣющимъ роды свои... и живяху каждо со своимъ родомъ»... «И вста родъ на родъ», говорится въ другомъ мѣстѣ того же памятника. Противники этой теоріи основательно указываютъ, что слово «родъ» въ лѣтописи встрѣчается не только въ смыслѣ родовыхъ соединеній, но также употребляется для обозначенія общины, народа, племени. Въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній представители теоріи родового быта ссылались далѣе на свидѣтельства византійскихъ писателей VI и VII в. о славянахъ и на историческую аналогію, согласно которой общежитіе всѣхъ народовъ начинается естественными кровными родовыми союзами.

Противниками родовой теоріи явились московскіе ученые, извѣстные подъ именемъ славянофиловъ. Тѣми первобытными общественными соединеніями, на которыхъ создалось древне-русское государство, славянофилы считали не родовые союзы а общества совладѣльцевъ земельныхъ участковъ—общины. Славянофильская школа (И. Д. Бѣляевъ [1]), К. С. Аксаковъ [2]), Лешковъ [3]) и др. совсѣмъ не искали опоры для своихъ выводовъ въ текстахъ лѣтописей, но исходили изъ общихъ историческихъ соображеній и фактовъ позднѣйшей общественности. Необходимо замѣтить также, что писатели этого на правленія пользовались кромѣ того терминомъ общины весьма широко, расширяя его даже до понятія государства.

Какъ родовая, такъ и общинная теорія представляютъ собою по существу своему лишь болѣе или менѣе остроумныя догадки, не дающія никакого коренного разрѣшенія вопроса, которое впрочемъ при состояніи источ-

---

[1]) Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. 1850 г. (Времен. общ. истор. кн. 8).

[2]) Полное собраніе сочиненій, т. I: «О древнемъ бытѣ русскихъ славянъ вообще и русскихъ въ особенности».

[3]) Общинный бытъ древней Руси. Ж. М. Н. П., 1855 г., № 11. ср. Русскій народъ и государство.

никовъ и невозможно. Съ другой стороны родовая и общинная теоріи не исключаютъ допустимости существованія древне-русскихъ государственныхъ союзовъ въ дорюриковскую эпоху. Если подъ именемъ государственнаго состоянія понимать объединеніе различныхъ общественныхъ группъ общей принудительной властью, то нахожденіе въ его составѣ какъ родовыхъ, такъ и экономическихъ и иныхъ союзовъ не противорѣчитъ понятію государства. Съ этой точки зрѣнія, если бы въ древне-русскихъ общественныхъ соединеніяхъ, при наличности въ томъ или другомъ изъ нихъ общей принудительной власти, мы могли бы на основаніи источниковъ наблюдать существованіе явленій родового или общиннаго быта, это обстоятельство нисколько не подрывало бы государственнаго значенія названныхъ соединеній.

Главнѣйшій источникъ, изъ котораго мы черпаемъ наши свѣдѣнія объ общественныхъ отношеніяхъ древней Руси— «Начальная лѣтопись» помимо свойствъ относительной достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ вообще очень слабо освѣщаетъ древнѣйшую эпоху русскаго общественнаго быта. Это обстоятельство даетъ пищу различнымъ болѣе или менѣе допустимымъ догадкамъ и предположеніямъ, въ число которыхъ входитъ и теорія исключительнаго господства родового быта до призванія князей. Съ той же степенью вѣроятности можно предположить, что въ эту эпоху русско-славянскія племена уже знали государственныя состоянія. Такъ, согласно лѣтописи, когда хозары напали на полянъ и потребовали дани, поляне «сдумали» и дали «отъ дыма мечъ». Возможность такого обязательнаго самообложенія уже свидѣтельствуетъ о существованіи у полянъ единой вѣчевой власти, принудительной для меньшинства. Помимо этого единичнаго примѣра, нужно имѣть въ виду, что племена, перечисляемыя лѣтописцемъ, уже вообще представляли собою въ большей или меньшей мѣрѣ организованныя общественныя тѣла съ принудительною властью въ лицѣ вѣча и князя: «Новгородци бо изначала, и смоляне и кыяне и поло-

чане и вся власти, яко же на думу на вѣча сходятся; на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ» говоритъ Лаврентьевская лѣтопись. Сказочный Кій княжилъ «въ роду своемъ» потомственно надъ кіевлянами, вступалъ въ дипломатическія сношенія съ иноземнымъ властителемъ и, слѣдовательно, являлся представителемъ государственной власти.

Со времени призванія князей свидѣтельства лѣтописи не оставляютъ сомнѣнія о государственномъ характерѣ славяно-русскихъ племенныхъ и междуплеменныхъ союзовъ, о которыхъ упоминаетъ названный источникъ. Рюрикъ по смерти Синеуса и Трувора соединилъ подъ своей властью новгородскихъ славянъ, Кривичей, Мерю, Весь и Мурому. «Посла насъ деревская земля», говорятъ отъ имени племени какъ единаго цѣлаго древляне Ольгѣ, предлагая ей выйти замужъ за представителя ихъ власти князя Мала. Олегъ и другіе князья заключаютъ международные договоры съ византійскими царями отъ имени Руси, какъ нѣкотораго цѣлаго, въ составъ котораго входятъ различныя племена или ихъ части.

Но если государственный характеръ славяно-русскихъ общественныхъ соединеній въ разсматриваемую эпоху несомнѣненъ, то съ другой стороны необходимо замѣтить, что первому періоду остается неизвѣстной идея единаго «Русскаго государства». При Рюрикѣ южныя племена не входятъ въ составъ подвластнаго ему сѣвернаго новгородскаго государства. Олегъ принудилъ къ вассальной зависимости древлянъ, полянъ, радимичей; стремился подчинить угличей и тиверцевъ, но при Игорѣ и Ольгѣ эти племена опять отстаиваютъ свою самостоятельность. Святославъ покорилъ остававшихся независимыми вятичей, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлилъ принадлежавшія ему владѣнія между своими сыновьями. Владиміръ Св., послѣ уничтоженія независимости Полоцка, присоединенія братнихъ удѣловъ и завоеванія Червонной Руси силой вещей ставшій во главѣ

единаго славяно-русскаго государства, раздробилъ его на нѣсколько самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ. Ярославъ и его преемники продолжаютъ это дробленіе далѣе. Возможно, что въ представленіи князей, начиная со Святослава, государственная территорія являлась какъ бы княжескимъ родовымъ имуществомъ; но съ другой стороны населеніе, насколько оно признавало допустимымъ фактъ распоряженія его судьбою въ связи съ занимаемой имъ территоріей, сообщало этимъ дробленіямъ значеніе возникновенія новыхъ или возрожденія старыхъ государственныхъ соединеній.

Древнее населеніе не было юридически прикрѣплено къ мѣсту своего жительства, и, слѣдовательно, судьба его лишь фактически связывалась съ дробимой территоріей. Но при этомъ необходимо замѣтить, что иногда сами интересы населенія, самое его массовое настроеніе въ связи съ стремленіемъ къ политической самостоятельности, могли совпадать съ дробленіемъ болѣе крупныхъ государственныхъ соединеній; иногда же населеніе даже при желаніи не было въ состояніи сопротивляться волѣ князей, дѣлившихъ территорію, въ силу военнаго превосходства послѣднихъ. Какъ бы то ни было, въ итогѣ все-таки получалось явленіе подчиненія опредѣленной власти и образованіе такимъ путемъ самостоятельнаго государственнаго соединенія. Въ случаѣ возможности населеніе въ качествѣ состава отдѣльныхъ политическихъ союзовъ неоднократно оказывало противодѣйствіе распоряженіямъ князей, дробившихъ свои удѣлы какъ частное имущесво между наслѣдниками или добивавшихся власти въ силу такихъ же частноправныхъ правопритязаній. Такъ, волею старшихъ городовъ было сохранено единство Ростовской волости, объединенной подъ властью Андрея Боголюбскаго, сына Юрія Долгорукаго, хотя Юрій имѣлъ намѣреніе раздѣлить княжество между двумя другими сыновьями (Михаиломъ и Всеволодомъ). Въ 1146 г. кіевляне, противясь наслѣдственному переходу изъ подъ власти князя Всеволода къ брату его Игорю, пригласили къ

себѣ княземъ Изяслава Мстиславича, говоря: «ты нашъ князь, поѣди, Ольговичевъ не хочемъ быть аки въ задничи».

Нашей древности было извѣстно множество единовременно сосуществующихъ главнымъ образомъ небольшихъ государствъ. Эти политическія тѣла именовались волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей.

Описавъ погребеніе Олега, лѣтописецъ говоритъ: «и прія власть его Ярополкъ». Волость впрочемъ употреблялась и для обозначенія административнаго дѣленія государства. Въ приведенномъ текстѣ рѣчь идетъ однако о государствѣ. Новгородцы обязали тверского князя въ Бѣжицахъ селъ не держать «и по всей волости Новгородской».

Центральными пунктами древне-русскихъ государствъ являлись города и пригороды. Городъ, вначалѣ вѣроятно просто лишь огороженное укрѣпленное мѣсто, съ теченіемъ времени превратился въ средоточіе государства-волости, въ его столицу. Отъ него получала обыкновенно наименованіе и вся волость. Такъ получились волости: Новгородская, Смоленская, Кіевская, Полоцая, Черниговская и проч. Прочія поселенія зависѣли отъ «города» и назывались «пригородами». Подчиненное положеніе пригородовъ въ отношеніи городовъ выражено лѣтописцемъ въ слѣдующемъ текстѣ: «на что старшіи (города) сдумаютъ, на томъ же и пригороди станутъ». Зависимость пригорода отъ города однако не являлась ненарушимой. При благопріятныхъ условіяхъ, съ пріобрѣтеніемъ достаточныхъ силъ пригородъ могъ стать равнымъ городу. Такъ, Псковъ, пригородъ Новгорода, къ половинѣ XIV в. сталъ самостоятельнымъ государствомъ.

Городамъ и пригородамъ принадлежали большія или меньшія земельныя пространства; это обстоятельство дало основаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ волостямъ обозначать себя именемъ своей части—«землями». Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ волости-государства употребили слово «земля» древлянскіе послы, заявившіе Ольгѣ: «Посла ны Деревска земля». «А изъ своего города въ чужю землю своду нѣтутъ», го-

воритъ Р. Правда. Однако «земля» встрѣчается въ источникахъ и въ смыслѣ географическаго термина; такъ, упоминается о «Русской землѣ», какъ о совокупности различныхъ княженій; то же географическое значеніе придавалось наименованію «Двинская земля».

Древнерусскія государства не могли обходиться безъ князей. Согласно наименованію этихъ представителей власти «волости» и «земли» именуются также княженіями. Образованіе новыхъ государствъ при помощи выдѣленія ихъ частей князьями въ пользу своихъ дѣтей породило наименованіе «удѣловъ». Древне-русскія государства назывались еще «отчинами», при чемъ этимъ именемъ обозначалось княженіе, въ которомъ властвовалъ отецъ того или другого князя или княгини. Въ этомъ смыслѣ Полоцкое княженіе именуется отчиной Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Рогволода.

Подвластную волость князь отъ времени до времени объѣзжалъ съ цѣлью производства суда и сбора дани. Это дало основаніе именовать волость также уѣздомъ; «уѣздъ» употреблялся однако и для обозначенія административнаго дѣленія.

Въ виду постояннаго возникновенія новыхъ волостей и возстановленія старыхъ въ связи съ общей неопредѣленностью объема государственныхъ территорій того времени въ отношеніи разсматриваемой эпохи очень трудно говорить о какихъ либо точныхъ и устойчивыхъ границахъ государственныхъ владѣній. Вполнѣ естественно также, что тогдашнія государства при постоянномъ измѣненіи состава ихъ населенія не могли удержать первоначальнаго, вѣроятно, болѣе чистаго племенного характера.

§ 3. Населеніе свободное.

а) Общія замѣчанія.

Государство въ качествѣ сложнаго явленія общественности предполагаетъ большую или меньшую сложность со-

става объединеннаго имъ населенія. Этнографическія различія, поскольку они не обладаютъ юридическимъ характеромъ, не входятъ въ область исторіи права, но правовыя подлежатъ ея ближайшему разсмотрѣнію.

Древнѣйшее и наиболѣе крупное дѣленіе населенія древне-русскихъ государствъ выражалось въ состояніи свободы и несвободы (рабства).

б) Разряды свободнаго населенія.

Древнѣйшей Россіи не было извѣстно сословное различіе слоевъ населенія. До образованія единаго Московскаго государства въ смыслѣ правового положенія отдѣльные классы отличались другъ отъ друга высшей или низшей степенью личнаго достоинства ихъ членовъ, а не совокупностью принадлежавшихъ имъ правъ и обязанностей.

Для обозначенія всей массы свободнаго населенія въ его цѣломъ источники пользуются выраженіями: «л ю д і е» «м у ж и». Въ договорѣ Игоря съ греками послы говорятъ отъ имени всѣхъ людей «Русскія земля» (за исключеніемъ лицъ княжескаго рода). То же самое разумѣетъ подъ словомъ «люди» Р. Правда: «Оже убьютъ татя, а люди будутъ видѣли связанъ». Лѣтописецъ говоритъ о кіевлянахъ, осажденныхъ Печенѣгами: «изнемогаху людіе гладомъ»... Въ томъ же широкомъ смыслѣ въ качествѣ свободнаго человѣка понимаетъ Р. Правда мужа: «А се же холопъ ударитъ свободна мужа». Въ тѣхъ случаяхъ, когда источники желаютъ отличить отдѣльные разряды свободныхъ людей-мужей, они прибавляютъ къ послѣднимъ общимъ выраженіемъ опредѣленія: «лучшіе», «старѣйшіе», «вячшіе», «большіе», «нарочитые», также «молодшіе», «меньшіе», «мезинніи» (μέσοιἄνδρες — люди средняго положенія), «простые» «черные».

Указанные разряды классы населенія въ источникахъ обладаютъ и своими особыми наименованіями: высшіе изъ нихъ именуются «б о я р а м и», «с т а р ц а м и» «о г н и щ а-

нами», «вельможами» «княжьими мужами»; низшіе обозначаются словами, «чернь» «простая чадь», «смерды»; средніе—«житьими людьми», «гостями», «купцами».

в) Высшіе классы.

«Земскіе бояре». Искусственное, не встрѣчающееся въ источникахъ, наименованіе земскихъ бояръ въ противоположность «княжескимъ» прилагается нѣкоторыми историками къ «лучшимъ людямъ» изъ среды коренного мѣстнаго населенія древне-русскихъ государствъ. Въ число «земскихъ бояръ» входятъ «старѣйшины», «старцы гражданскіе», «огнищане». Этотъ разрядъ бояръ представлялъ собою крупныхъ рабовладѣльцевъ и землѣвладѣльцевъ.

Съ XII в. земскіе бояре сливаютъ въ одно цѣлое съ «княжескими боярами» подъ общимъ названіемъ «княжихъ мужей» въ качествѣ высшаго рабо-и землевладѣльческаго класса.

Княжескіе бояре—княжьи мужи—старшіе дружинники ближайшіе сподвижники и помощники князя въ дѣлахъ государственнаго управленія. Въ составъ княжеской дружины входили какъ различные инородцы-пришлецы, такъ и выходцы изъ различныхъ отдѣльныхъ русскихъ княженій. «Княжьи мужи» въ виду ихъ близости къ князю въ области ихъ личныхъ правъ защищались отъ нарушенія тѣлесной прикосновенности и блага жизни двойными штрафами съ виновнаго въ таковыхъ нарушеніяхъ.

Младшіе дружинники. Въ составъ ихъ входили представители низшей государственной и придворной службы; древнее общее наименованіе для этихъ лицъ «гридь»—«гриди»; позднѣе это названіе смѣнилось выраженіями; «отроки», «дѣтскіе», «пасынки», «дворяне», «дѣти боярскіе»; среди нихъ имѣлись мелкіе собственники.

Служба какъ старшихъ, такъ и младшихъ дружениковъ

являлась вольной и основывалась на свободномъ соглашеніи и взаимномъ довѣріи. Въ случаѣ неудовольства съ одной или другой сторонъ—«рядъ» могъ быть безвозбранно расторгнутъ. Дворцовая-дворовая служба представляла для слугъ болѣе стѣсненій, т. к. несеніе нѣкоторыхъ должностей превращало взявшаго эту должность свободнаго человѣка въ несвободнаго въ холопа («тіунство безъ ряду или ключа къ себѣ привяжетъ» Р. П.). Повышеніе изъ младшихъ дружинниковъ въ старшіе зависѣло отъ князя. Владиміра Св. возвелъ во санъ боярина простого кожемяку, побѣдившаго въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря.

По примѣру князей бояре обладали своими дружинами.

г) Средніе классы.

Хотя въ древней Россіи торговля не представляла собою чьего либо преимущественнаго права, и ею занимались даже князья, тѣмъ не менѣе издавна сложился особый классъ, въ особенности занимавшійся торовыми дѣлами. Предчтавители этого класса именовались «гостями» и «купцами». Упоминаніе о гостяхъ и купцахъ встрѣчается уже въ договорѣ Игоря съ греками 945, гдѣ они значатся рядомъ съ послами, что свидѣтельствуетъ объ ихъ относительно высокомъ значеніи. Повидимому, слово «гость» (der Gast) вначалѣ означало иноземныхъ торговцевъ, купцы—мѣстныхъ, но впослѣдствіе оба термина слились въ одномъ понятіи купца.

Кромѣ посольствъ купцы участвовали вмѣстѣ съ боярами въ различныхъ общественныхъ дѣлахъ, нерѣдко выступали въ качествѣ воиновъ. Купцы владѣли недвижимостями; за убійство купца Р. Правда налагала такое же взысканіе (40 гривенъ), какъ и за убіеніе княжескаго чиновника.

Въ Новгородѣ купцы образовывали особыя корпораціи-сотни. Независимо отъ этого на существованіе особой купеческой организаціи въ Новгородѣ указываетъ Уставная

грамота Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данная церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ. Эта церковь являлась патрональною церковью новгородскаго рынка торгующихъ классовъ и получила отъ Всеволода на свое «строеніе» доходъ отъ взвѣшиванья воска. Для разбора возникавшихъ по поводу сбора вощаной пошлины дѣлъ княземъ былъ образованъ особый совѣтъ изъ трехъ старостъ отъ «житьихъ людей», тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцовъ. Эти купеческіе старосты выбирались однако не всѣмъ купечествомъ, а только «пошлымъ»—потомственнымъ-стариннымъ. Для того, чтобы «вкупиться» въ Ивановское пошлое купечество нужно было внести обществу крупную сумму въ 50 гривенъ серебра.

Въ Новгородѣ и въ Псковѣ наиболѣе зажиточные горожане носили наименованіе «житьихъ людей».

д) Низшіе классы.

Въ разсматриваемую эпоху городское населеніе, въ особенности въ низшихъ его слояхъ, не выдѣлялось еще изъ сельскаго.

Низшіе разряды населенія именовались «черными», «молодшими людьми», «смердами». Слово «смердъ» употреблялось въ различныхъ значеніяхъ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ слово «смердъ» значило вообще свободный человѣкъ внѣ круга князей и духовенства, подданный того или другого князя; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ смердъ есть простолюдинъ, занимающійся обработкой земли на собственномъ или арендномъ правѣ. Въ качествѣ подданныхъ смердами назвалъ воевода Святослава Янъ Вышатичъ двухъ волхвовъ, убивавшихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей на Бѣлоозерѣ во время голода въ Ростовской волости: «выдайте волхва, яко смерда еста моего князя». (Лавр. 1071 г.). То обстоятельство, что смердъ свободный человѣкъ удостовѣряется платимой имъ князю вмѣстѣ съ прочими свободными «продажей» (уголовнымъ штрафомъ). Въ качествѣ свободнаго

человѣка смерда нельзя было наказывать безъ приказа подлежащей власти.

Смердъ обладалъ собственностью и притомъ сельской по преимуществу. Русская Правда говоритъ о конѣ смерда, лѣтописи и о конѣ и о пашнѣ. Смерды платили дань князю («смердъ потягнетъ въ свой погостъ»); они носили оружіе и входили въ составъ войска. При всемъ этомъ смердъ принадлежалъ къ низшимъ классамъ; за его «муку» (самовольное наказаніе) взыскивалось 3 гривны, тогда какъ за муку представителя высшаго класса отъ 12 гривенъ.

По Псковской судной грамотѣ смерды, въ качествѣ арендаторовъ жившіе на частно-владѣльческихъ земляхъ, именовались «изорниками» (землепашцы), «огородниками» и «кочетниками» (арендаторы рыбныхъ ловель).

е) Свободные-зависимые.

З а к у п ы. «Закупъ» свободный, но зависимый человѣкъ. Можно предположить, что закупъ тотъ же смердъ, работавшій въ чужихъ имѣніяхъ на условіяхъ найма—наймитомъ. Такъ объясняетъ закупничество Сергѣевичъ. Есть также теорія, понимающая подъ закупничествомъ институтъ займа (Владимірскій-Будановъ), обезпеченный при этомъ самозалогомъ залогодателя (Ясинскій. Закупы Р. Правды въ «Сборникѣ статей въ честь Владимірскаго-Буданова»). Доводы сторонниковъ послѣдняго взгляда подробно разобраны проф. Удинцевымъ, который въ своей «Исторіи займа» возвращается къ воззрѣнію Сергѣевича.

Закупы дѣлились на 1) «ролейныхъ» (ролья—пашня), занимавшихся земледѣліемъ и получавшихъ отъ хозяина орудія и плату за работу 2) «дворовыхъ», жившихъ во дворѣ хозяина для нуждъ, повидимому, домашняго хозяйства.

То обстоятельство, что закупъ получалъ отъ хозяина живыя и мертвыя орудія видно изъ той статьи Р. Правды, гдѣ упоминается объ отвѣтственности закупа за нанесен-

ный имъ хозяину имущественный ущербъ (70 ст. Кар. см.). За «погубленную» рабочую лошадь («свойскій» испорченное «вейскій» отъ слова «весь» — деревня — деревенскій конь) закупъ не платитъ, но за борону и за плугъ отвѣчаетъ. Закупы были люди свободные, они имѣли свое собственное имущество «отарицу», поэтому могли нести имущественную отвѣтственность, заключать договоры, предъявлять искъ противъ нанимателя; были въ правѣ выступать свидѣтелями по небольшимъ дѣламъ. Хозяинъ («господинъ») обладалъ въ отношеніи закупа дисциплинарной властью, могъ его наказывать, но только за дѣйствительную вину, иначе онъ платилъ штрафъ, какъ за обиду свободнаго. Во свою очередь, если закупъ тайно бѣжалъ отъ господина, то превращался въ полнаго холопа (обельнаго). Свободное состояніе закупа особо подтверждается указаннымъ положеніемъ Р. Правды, предусматривающимъ возможность превращенія закупа въ раба.

Изгои. Изгои, по господствующему воззрѣнію, это свободные, но бѣдные жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи способовъ существованія и потому нуждающіеся въ особомъ покровительствѣ, которое имъ оказывала церковь (Сергѣевичъ). Нѣкоторые изъ нихъ попадали въ зависимость, садясь на владѣльческую землю. То, что изгой свободный человѣкъ, явствуетъ изъ 1 ст. Р. Правды, назначающей за убійство его тѣ же 40 гривенъ, какъ и за цѣлый рядъ другихъ свободныхъ людей. Съ другой стороны на бѣдственное положеніе изгоевъ указываетъ Уставъ церковный князя Всеволода, гдѣ среди церковныхъ людей «богадѣльныхъ» упоминаются: 1) не умѣющій грамотѣ поповскій сынъ; 2) выкупившійся изъ холопства холопъ; 3) несостоятельный купецъ и 4) осиротѣвшій князь. Это все были люди, выбитые изъ житейской колеи. Въ связи съ изгоемъ — выкупившимся холопомъ, памятники называютъ «изгойствомъ» выкупъ, платимый холопомъ при выходѣ на свободу.

Что касается этимологическаго происхожденія слова, то было предложено съ одной стороны производство его отъ славянскихъ словъ «изъ гоить» — изжить (Калачовъ), съ другой стороны—отъ латышскаго izi-иду, iz gois—вышедшій. Сергѣевичъ допускаетъ послѣднее корнесловіе. Изгой—это вообще вышедшій изъ своего круга. Но возможно также предположить, что изгой Русской Правды не тожествененъ съ изгоями Всеволодова устава, представляя собою выходца но не изъ своего классоваго круга, а изъ чужой земли—чужеземца,—въ родѣ Варяга или колбяга, вслѣдствіе чего за голову его Р. Правда и устанавливала штрафъ въ 40 гривенъ наряду съ «русиномъ» и «словениномъ», подчеркивая его равноправіе.

Дубенскій, комментируя слово «изгой» изъ Русской Правды, говоритъ слѣдующее: «изгои жители волости, находившейся между Псковской областью и Лифляндіей. Карамзинъ относитъ ихъ къ Латышамъ или Чудскому племени» (Русскія достопамятности, ч. 2 стр. 20). Изгоями называлась одна изъ частей древняго Новгорода, можетъ быть потому, что здѣсь жили изгои—выходцы-чужеземцы. См. Уставъ Ярослава о мостахъ въ Новгородѣ. (Влад. Будановъ, Хрестоматія, вып. I Р. Правда по кар. списку ст. 134).

§ 4. Несвободные.

Для обозначенія несвободныхъ, источники употребляютъ различныя наименованія, касающіяся въ своемъ разнообразіи однако только несвободныхъ мужского пола. Таковые именовались: «холопы», «холопы одерноватые», «холопы обельные», «челядь», «сироты», въ концѣ разсматриваемаго періода «люди» обыкновенно съ указаніемъ на ихъ принадлежность кому нибудь. Несвободной женщинѣ присвоивалось одно наименованіе «раба».

Памятники застаютъ холопство уже вполнѣ сложившимся институтомъ, и потому происхожденіе его относится ко временамъ доисторическимъ.

«Русская Правда», сообщающая наиболѣе свѣдѣній о юридическомъ положеніи холоповъ, высказываетъ ясное стремленіе приравнять ихъ къ вещи. По Р. Правдѣ за безвинное убійство чужого холопа князю уплачивалось не «вира», какъ за отнятіе жизни свободнаго человѣка, а лишь «продажа»—штрафъ за имущественное право нарушеніе, при чемъ кромѣ того рабовладѣльцу причитался «урокъ»—вознагражденіе за убытокъ.

Убійство раба, происшедшее по его винѣ, не наказывалось, какъ дѣяніе правомѣрное. За холопа, совершившаго кражу, отвѣчаетъ его хозяинъ, платящій однако также лишь «урокъ» — частноправное вознагражденіе потерпѣвшему, а не «продажу», т. к. самое дѣяніе совершено не имъ, а лицомъ несвободнымъ—не субъектомъ права. Не наказывалось убійство собственнаго раба. При бѣгствѣ холопа хозяинъ дѣлалъ о томъ публичную заявку и, если въ теченіе 3-хъ дней никто не приводилъ раба, могъ взять его у всякаго, хотя бы и добросовѣстнаго владѣльца. Если кто либо послѣ публичной заявки о бѣгствѣ раба (послѣ «заклича», «заповѣди»), зная о томъ, тѣмъ не менѣе все-таки давалъ бѣглецу хлѣба или указывалъ ему дорогу, онъ долженъ былъ платить хозяину («господину») стоимость раба или рабы.

Однако самой Р. Правдѣ не удалось провести во всей полнотѣ воззрѣніе на холопа какъ на вещь. По Р. Правдѣ съ разрѣшенія хозяина холопъ можетъ имѣть свое имущество, заниматься торговлей и промыслами, хотя и въ этихъ случаяхъ, по Р. Правдѣ, за долги раба отвѣчалъ хозяинъ и потому онъ же по существу являлся юридическимъ субъектомъ холопьяго имущества. Что же касается договора Смоленска съ нѣмцами 1229 г., то имъ предусматривается возможность вполнѣ самостоятельнаго совершенія договора займа между «нѣмчиномъ» и княжьимъ холопомъ и право наслѣдованія послѣ него, какъ по смерти свободнаго человѣка. Сама Р. Правда далѣе дѣлаетъ изъ

общаго правила о недопущеніи холоповъ къ свидѣтельству на судѣ исключеніе въ пользу «боярскаго тіуна», принимаемаго въ случаяхъ крайности въ качествѣ «послуха».

На смягченіе суровыхъ условій рабства въ древней Руси оказывала смягчающее вліяніе церковь, въ своихъ поученіяхъ порицавшая суровое отношеніе къ холопамъ рабовладѣльцевъ, «не знавшихъ» «человѣческаго естества» (Епископъ Серапіонъ). Подъ воздѣйствіемъ церкви происходитъ смягченіе прежде всего въ области семейныхъ отношеній. Такъ, по Русской Правдѣ позднѣйшаго времени (Карамзинскій списокъ) дѣти, прижитыя хозяиномъ отъ рабыни, послѣ смерти отца получали вмѣстѣ съ матерью свободу, но безъ права наслѣдованія въ отцовскомъ имуществѣ. Любопытно, что еще въ дохристіанскую эпоху Владиміру Св. его происхожденіе отъ рабыни не помѣшало занять княжескій столъ. Точно также любопытно указаніе церковнаго устава Всеволода Гавріила, что дѣтямъ, прижитымъ отъ незаконной жены точно такъ же какъ и отъ рабы («робичичамъ») полагалась послѣ смерти отца «указная часть». Согласно договору Новгорода съ нѣмцами 1195 г. раба признавалась объектомъ «обиды», при чемъ высшая степень этой обиды—обезчещенье влекло за собой освобожденіе потерпѣвшей изъ-подъ власти господина.

Что касается способовъ возникновенія холопства, то Р. Правда изъ нихъ предусматриваетъ слѣдующіе: 1) продажа себя въ рабство; 1) вступленіе въ бракъ съ рабой безъ особаго договора съ господиномъ невѣсты о сохраненіи личной свободы женихомъ; 3) принятіе безъ такового же договора должности тіуна или ключника; 3) тайное бѣгство закупа или совершеніе имъ кражи у своего хозяина; 5) несостоятельность всякая, если она касается неторговаго человѣка и злостная несостоятельность торговая [1]); 6) происхожденіе отъ рабы. Не упоминаетъ Р.

[1]) Впрочемъ, вопросъ объ установленіи долгового рабства встрѣчаетъ возраженія; объ этомъ см. ниже въ отдѣлѣ Гражданскаго права, а также у Удинцева «Исторія займа», стр. 136 и слѣд.

Правда объ обильномъ источникѣ рабства плѣнѣ, о чемъ имѣются многочисленныя указанія въ памятникахъ. Такъ Лѣтопись говоритъ: «Ольга овыхъ (плѣнныхъ древлянъ) изби, а другихъ работѣ предастъ (отдала въ рабство) мужемъ своимъ». Плѣнники, «полоняники», являлись важнымъ предметомъ торговли, какъ о томъ свидѣтельствуютъ договоры русскихъ съ греками.

Холопы дѣлились на разряды; отъ обыкновенныхъ рабовъ—«рядовичей» отличались «реместенники»—ремесленники; выше ихъ цѣнились, «ключники», «тіуны», завѣдывавшіе различными отраслями хозяйства (тіуны сельскіе, ратайны, огнищные, конюшіе и т. п.).

Освобожденіе рабовъ на волю дѣлилось на обязательное и добровольное. Обязательному освобожденію подлежали вышеупомянутые «робочичи» съ матерями и обезчещенныя рабыни (по договору съ нѣмцами); добровольное освобожденіе зависѣло отъ соглашенія между хозяиномъ и холопомъ о выкупѣ послѣдняго и отъ одностороннихъ завѣщательныхъ распоряженій объ отпускѣ рабовъ на волю на поминъ души [1]).

§ 5. Власть.

а) Предварительныя замѣчанія.

Власть вообще представляетъ собою психическую силу, обусловленную добровольнымъ или принудительнымъ подчиненіемъ подвластныхъ властвующему. Государственная власть обладаетъ принудительнымъ характеромъ и выражается въ подчиненіи подданныхъ носителю власти государственнаго союза.

Власть какъ психическая сила, какъ явленіе особаго порядка, представляетъ собою предметъ пользованія ею, распоряженія, со стороны опредѣленныхъ отдѣльныхъ лицъ

---

[1]) «Задушные люди» Церковнаго устава Св. Владиміра.

или ихъ совокупности. Такіе распорядители властью именуются ея носителями. Въ отношеніи государственной власти различаютъ ея верховныхъ носителей и подчиненныхъ. Дѣятельность носителей власти на пользу благосостоянія государственнаго союза распадается на 3 важнѣйшія отрасли: 1) законодательство, 2) управленіе въ широкомъ смыслѣ и 3) судъ, какъ управленіе въ особомъ смыслѣ. Законодательство предполагаетъ созданіе или закрѣпленіе наиболѣе общихъ основныхъ нормъ права, изъ которыхъ остальныя, творимыя незаконодательными органами власти, вытекаютъ какъ слѣдствіе изъ посылокъ; управленіе заключается въ осуществленіи различныхъ задачъ государства; судъ сводится къ поддержанію въ средѣ государственнаго союза правового порядка путемъ защиты и возстановленія нарушенныхъ правъ.

Осуществленіе государственной власти предполагаетъ не только существованіе носителей таковой, но и ихъ извѣстное соотношеніе и организацію. Эта организація въ свою очередь въ свойственныхъ ей различіяхъ обусловливаетъ происхожденіе различныхъ типовъ государствъ.

Важнѣйшее формальное различіе между государствами сводится къ раздѣленію ихъ на монархіи и республики или народоправства. Въ существенныхъ чертахъ сущность монархіи сводится къ безотвѣтственному распоряженію верховной властью одного лица, тогда какъ въ республикахъ верховнымъ безотвѣтственнымъ носителемъ власти является совокупность полномочныхъ участниковъ государственнаго союза.

Указанное общее различіе не исчерпываетъ, однако, вопроса и не устраняетъ возможности существованія многообразныхъ разновидностей обоихъ основныхъ типовъ. Такъ, если въ монархіи верховный носитель власти въ распоряженіи ею не стѣсненъ никакими внѣшне обязательными для него нормами или соучастіемъ какихъ либо учрежденій, получается неограниченная монархія; въ противномъ случаѣ

говорятъ о монархіи конституціонной, представительной, вѣчевой. Далѣе, если въ республикѣ верховная власть осуществляется всей массой уполномоченнаго къ властвованію населенія, на лицо имѣется непосредственная республика; если же означенное осуществленіе верховной власти ввѣряется и опредѣленнымъ представителямъ, возникаетъ представительное народоправство, представительная республика.

Любопытнымъ явленіемъ въ области государственной жизни представляется сочетаніе началъ единоличнаго монархическаго управленія съ участіемъ въ осуществленіи правъ распоряженія верховной властью всей массы полномочныхъ гражданъ. Съ такимъ явленіемъ мы сталкиваемся въ нашей древности, которой извѣстенъ своеобразный типъ, такъ называемой, вѣчевой монархіи, въ которой рядомъ съ княземъ къ распоряженію верховной властью было причастно и собраніе полномочныхъ гражданъ — вѣче. Въ зависимости отъ различія мѣстныхъ и временныхъ историческихъ условій оба указанные элемента не во всѣхъ древне-русскихъ государствахъ находились въ одинаковомъ соотношеніи. Въ однихъ случаяхъ преимущество получало монархическое начало, въ другихъ—народное демократическое; но требованіе наличности обоихъ элементовъ наблюдается неизмѣнно.

б) Организація верховной власти въ древней Россіи.

а) Вѣче. Слово «вѣче» въ древнихъ памятникахъ употребляется въ различныхъ смыслахъ; нерѣдко подъ нимъ понимается всякое сборище, толпа, тайное совѣщаніе; по преимуществу же вѣче означаетъ собраніе полномочныхъ гражданъ, представляющее собою органъ государственной власти. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ «вѣче» является исконнымъ и устойчивымъ учрежденіемъ древне-русскаго государства. «Новгородцы бо изначала, и смоляне, и кыяне и вся

власти, якоже на думу, на вѣча сходятся», говоритъ Лаврентьевская лѣтопись (1176 г.). Древнѣйшее указаніе на созывъ и дѣятельность вѣча содержится въ той же Лаврентьевской лѣтописи, гдѣ подъ 997 г. описывается осада Бѣлгорода пѣченегами и совѣщанія населенія по этому поводу. Прямыхъ свидѣтельствъ о наличности вѣчевыхъ собраній не имѣется для всѣхъ княженій; тѣмъ не менѣе повсемѣстное существованіе этого учрежденія не подлежитъ сомнѣнію. Профессоромъ Сергѣевичемъ въ пользу указаннаго положенія собраны по источникамъ многочисленныя косвенныя указанія, которыя могутъ еще болѣе увеличиться въ числѣ при дальнѣйшемъ подробномъ изслѣдованіи соотвѣтственныхъ текстовъ лѣтописей.

Въ древне-русскихъ государствахъ, состоявшихъ изъ городовъ съ пригородами, важнѣйшимъ и рѣшающимъ значеніемъ обладали вѣча главныхъ городовъ; при нормальныхъ условіяхъ пригородныя вѣчевыя собранія не располагали политической властью и рѣшали лишь дѣла мѣстнаго внутренняго управленія: «На что же старшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ» (Лавр. л).

Вѣча главныхъ городовъ состояли изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ, свободныхъ и не подчиненныхъ отцовской власти. Кіевское вѣче въ 1147 г. отказалось воевать противъ Юрія Долгорукаго, «а на Ольговичей пойдемъ и съ дѣтьми», сказали кіевляне, отвѣчая за сыновей, способныхъ носить оружіе. Жители пригорода имѣли право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ. Вѣче созывалось по мѣрѣ подобности какъ самими гражданами, такъ равно и княземъ или инымъ какимъ либо органомъ власти (посадникомъ). Созывъ вѣча обыкновенно происходилъ или при помощи вѣчевого колокола или особыхъ глашатаевъ (бирючей, подвойскихъ), въ роли которыхъ, однако, могли явиться и обыкновенные граждане. Вѣча могли собираться, гдѣ угодно, на площадяхъ городовъ, пригородовъ, за ихъ стѣнами и даже въ открытомъ полѣ, если вѣче происходило на по-

ходѣ. Въ городахъ существовали для этой цѣли излюбленныя мѣста безъ всякаго, однако, обязательнаго значенія.

Въ составъ вѣча изъ уполномоченныхъ къ тому входили желающіе. Строгаго порядка обсужденія дѣлъ на вѣча не существовало; обыкновенно при мирныхъ условіяхъ соблюдался нѣкоторый порядокъ въ ходѣ преній. Собраніе открывалъ князь, посадникъ или вообще лицо, созвавшее вѣче; пренія велись шумно; большинство, если таковое было достаточно сильно, принуждало меньшинство къ «одиначеству», къ принятію мнѣнія подавляющаго большинства. Никакого голосованія, въ смыслѣ рѣшенія вопроса по численному большинству голосовъ, не существовало. Если меньшинство чувствовало себя достаточно сильнымъ, оно не отказывалось отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ, пока не достигалось единодушнаго согласія. Когда въ 1218 г. въ Новгородѣ возникла рознь между сторонниками и противниками посадника Твердислова, усобица продолжалась цѣлую недѣлю, пока наконецъ «сошлись братья всѣ единодушно». Если меньшинство было принуждено къ «одиначеству» насильно, оно нерѣдко пользовалось удобнымъ случаемъ возобновить свои притязанія, что подрывало въ значительной мѣрѣ устойчивость вѣчевыхъ постановленій, основанныхъ на принудительномъ соглашеніи. Если вѣче приходило къ свободному единодушному рѣшенію, его постановленіе въ важнѣйшихъ случаяхъ облекалось въ письменную форму, вѣчевую грамоту.

При борьбѣ партій вѣче могло раздѣлиться на нѣсколько собраній, пребывавшихъ въ различныхъ мѣстахъ и созываемыхъ разнообразными способами. Это обстоятельство подало поводъ къ мнѣнію будто бы существовали законныя вѣча (Неволинъ. Полн. собр. соч. томъ VI) и незаконныя, правильныя и неправильныя (Влад. Будановъ. Обзоръ).

Въ основу законности или правильности вѣча названные ученые полагали—Неволинъ: созывъ вѣчевого собранія кнѣземъ или посадникомъ и пребываніе его на заранѣе

опредѣленномъ обычномъ мѣстѣ; въ отношеніи необходимости созыва «нормальнаго» вѣча на законномъ мѣстѣ къ этому мнѣнію примыкаетъ и Влад. Будановъ. Мнѣнія эти однако произвольны. Проф. Сергѣевичъ доказалъ, что вопросы о законности и незаконности вѣчевыхъ собраній чужды правосознанію древней эпохи, и что факты противорѣчатъ указаннымъ теоретическимъ соображеніямъ: князь и посадникъ могли не присутствовать въ городѣ, когда возникала мысль о необходимости созыва вѣча, вѣча собирались противъ князя и посадника, и, наконецъ, сами князья признавали вѣчевыя собранія таковыми въ случаяхъ образованія ихъ внѣ обычныхъ мѣстъ (въ Кіевѣ у «Туровой божницы»).

Предметы вѣдомства вѣча не ограничивались одной какой либо областью: въ него входили и законодательство, и управленіе и судъ. Особой функціей вѣчевыхъ собраній было приглашеніе въ извѣстныхъ случаяхъ князя, заключеніе договора съ нимъ, а также удаленіе его въ случаяхъ коренного разномыслія съ населеніемъ или недовольства княжескимъ управленіемъ.

Что касается избранія князя, то о немъ упоминается въ лѣтописи уже подъ 862 годомъ, когда произошло призваніе новгородцами варяжскихъ князей: въ 970 г. новгородцы же требовали у Святослава Кіевскаго себѣ князя, говоря: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ себѣ князя»; въ 1112 г. Кіевляне по постановленію вѣча усиленно призывали къ себѣ Владиміра Мономаха. Призваніе князя закрѣплялось вѣчевымъ «рядомъ» съ нимъ. О необходимости такого ряда можно заключить изъ нижеслѣдующаго факта. Князю Ростиславу, уже избранному Кіевлянами, бояре не совѣтуютъ идти войной на Черниговъ, до заключенія договора съ Кіевскимъ вѣчемъ.

До насъ не дошло текстовъ древнѣйшихъ договоровъ народа съ призываемыми князьями. Самые древніе тексты не восходятъ далѣе второй половины XIII в. и всѣ при-

надлежатъ одному Новгороду. Проф. Сергѣевичъ высказалъ мнѣніе, будто бы въ основныхъ чертахъ новгородскіе договоры съ князьями могутъ служить вообще образцомъ подобнаго рода соглашеній, что, однако, является лишь предположеніемъ. По новгородскимъ грамотамъ, сажаемые на столъ князья не должны были править и судить безъ выборнаго посадника, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнявшаго князя, не могли смѣщать безъ вины правительственныхъ лицъ—управителей волостей, назначаемыхъ обязательно изъ мужей новгородскихъ; князь, княгиня и ихъ служилые люди не имѣли права пріобрѣтенія недвижимостей во владѣніяхъ Новгорода; князья обязывались соблюдать пошлину, старину и проч.

Отъ законодательной дѣятельности вѣча сохранились двѣ знаменитыя судныя грамоты Псковская и Новгородская.

Въ области управленія вѣче играло большую роль во внѣшнихъ сношеніяхъ древне-русскихъ государствъ съ иноземными. Такъ, вѣче принимало участіе въ заключеніи договора Игоря съ греками въ 945 г., Новгорода съ князьями и съ нѣмцами и т. п.; вѣче рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ: «Мирися, любо промышляй о собѣ», говорили осажденные Владимірцы князю Михаилу. Въ области общаго внутренняго управленія вѣчу принадлежало право участія въ назначеніи и смѣнѣ посадниковъ, тіуновъ; оно устанавливало чрезвычайные военные налоги.

Судъ вѣчемъ производился лишь въ важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ, главнымъ образомъ при обвиненіи князей и посадниковъ. Въ 1136 и 1270 гг. новгородское вѣче производило форменный судъ надъ своими князьями съ составленіемъ письменнаго приговора; въ 1141 г. новгородцы на вѣче судили и казнили за измѣну посадника Якуна.

Къ началу XIV в. вѣчевыя собранія во всѣхъ княжествахъ кромѣ Новгорода и Пскова, гдѣ они продержались до XVI в., стали прекращать свое существованіе. Этому способствовалъ рядъ причинъ. Прежде всего съ возникно-

веніемъ татарскаго ига монархическая власть въ лицѣ хановъ перестала силою вещей нуждаться въ вѣчевыхъ собраніяхъ; этимъ данъ былъ примѣръ и образецъ князьямъ, которымъ отнынѣ приходилось считаться не съ населеніемъ, какъ политической силой, а съ ханами, верховными повелителями покореннаго народа. Къ этому присоединились и внутреннія условія: непосредственное осуществленіе населеніемъ права участія въ государственномъ управленіи было возможно лишь въ сравнительно небольшихъ государствахъ волостяхъ. Съ расширеніемъ территоріи населенію волости вообще фактически становилось все труднѣе и труднѣе принимать участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ главнаго города; отдѣльные пригороды стремились къ самостоятельности и достигали ея. Московское же государство постепенно поглотило мелкія и крупныя княжества и, на своихъ громадныхъ пространствахъ подготовило путь къ новому виду участія населенія въ государственныхъ дѣлахъ черезъ представителей.

а) Князь. Князь является неизбѣжнымъ соучастникомъ въ обладаніи верховной властью въ древне-русскомъ государствѣ на ряду съ вѣчемъ. Существованіе его столь же исконно, какъ и существованіе самихъ народныхъ собраній. Изъ сосуществованія обоихъ установленій, изъ необходимости для князя считаться съ вѣчемъ, въ которомъ онъ находилъ или могущественную опору своимъ начинаніямъ или серьезнаго противника, могущаго лишить его стола, явствуетъ, что древне-русская княжеская власть была ограниченной. Мнѣніе, будто бы русскіе князья съ самыхъ первыхъ временъ являлись неограниченными монархами (С. М. Соловьевъ), представляется ошибочнымъ. Въ подтвержденіе приведеннаго мнѣнія приводятся выраженія изъ источниковъ: «и бысть (такой то князь) самовластецъ въ Русской землѣ», или свидѣтельства о томъ, что князь сѣлъ въ томъ или иномъ городѣ «на всей его волѣ». Въ противоположность этому проф. Сергѣевичъ убѣди-

тельно доказалъ, что пониманіе приведенныхъ выраженій въ смыслѣ свидѣтельства о неограниченности князей не соотвѣтствуетъ фактамъ и точному значенію цитируемыхъ мѣстъ источниковъ.

Выраженіе «самовластецъ» касается Ярослава Мудраго и Андрея Боголюбскаго, которые подъ конецъ оказались едиными представителями княжеской власти, первый въ Приднѣпровьи, другой въ Ростовѣ и Суздалѣ.

Единодержавіе Ярослава получилось вслѣдствіе смерти послѣдняго соперника Мстислава; Боголюбскій самъ прогналъ братьевъ и племянниковъ. Отъ установленія такого единодержавія—«самовластія» не измѣнились однако отношенія обоихъ монарховъ къ населенію, къ вѣчу и его правамъ, простиравшимся вплоть до смѣщенія неугодныхъ князей. Столь же ошибочно пониманіе принятія князя «на всей его волѣ», въ качествѣ неограниченнаго распорядителя властью. Изъ того обстоятельства, что князья заключали «рядъ» съ вѣчемъ явствуетъ, что вѣче могло принимать или не принимать всѣхъ условій приглашаемаго князя. Если условія княжескія принимались, князь садился на столъ «на всей своей волѣ». Въ противномъ случаѣ онъ принималъ власть на всей волѣ народа, какъ то сдѣлалъ Игорь изъ рода князей Черниговскихъ, сѣвшій, по словамъ лѣтописи, «на всей волѣ кіевлянъ».

Князь тѣмъ крѣпче сидѣлъ на своемъ столѣ, чѣмъ тѣснѣе было его «одиначество» съ народомъ, вѣчемъ, и обратно. Не даромъ одинъ изъ могущественныхъ князей Владиміръ Св. не рѣшился принять христіанства, не посовѣтовавшись съ боярами, старцами градскими и всѣми людьми. Владиміръ Мономахъ и его родъ пользовались у кіевлянъ особою любовью за то, что они всегда стремились пребывать въ единеніи съ народомъ. Ярославъ Мудрый со слезами на глазахъ просилъ у Новгородцевъ, въ содѣйствіи которыхъ нуждался, прощенія за избіеніе нарочитыхъ мужей новгородскихъ.

«Вѣче и князь, говоритъ проф. Сергѣевичъ, стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе». При отсутствіи такового возникала борьба, при чемъ князь въ этой борьбѣ опирался нерѣдко не только на свои силы, на свою дружину, но и на сочувствующія ему народныя вѣчевыя партіи. Если исходъ столкновенія оказывался въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ столѣ, при чемъ противники несли нерѣдко очень жестокую кару; если же перевѣсъ получала партія вѣча, противная князю, послѣдній долженъ былъ покинуть княженіе. Такъ, когда Изяславъ не согласился съ кіевскимъ вѣчемъ, желавшимъ продолжать войну съ Половцами, былъ освобожденъ изъ заключенія и посаженъ на столъ Полоцкій князь Всеславъ; Изяславъ же былъ принужденъ къ бѣгству.

Случаи смѣщенія и изгнанія князей происходили въ Новгородѣ, въ Смоленскѣ, въ Владимірѣ и др. городахъ. Однако, какъ бы далеко не заходили столкновенія князя съ народомъ, принципъ необходимости княжескаго управленія оставался непоколебимымъ. Боролись не противъ принципа, а противъ отдѣльныхъ личностей, оказавшихся по мнѣнію народа не на высотѣ положенія.

Даже самое недовольство отдѣльнымъ княземъ не имѣло своимъ предметомъ нанесеніе какого либо зла его личности, какъ таковой. Если смѣщаемый князь иногда лишался свободы, то это происходило, по мнѣнію проф. Сергѣевича, въ цѣляхъ предупредительныхъ для того, чтобы обезпечить спокойный пріѣздъ новаго князя и помѣшать устраненному проявлять противодѣйствіе и группировать единомышленниковъ. Что же касается имущества удаляемаго князя и его приверженцевъ, то оно не пользовалось неприкосновенностью. Такъ, кіевляне разграбили пожитки бѣжавшаго Изяслава.

Кругъ вѣдомства князей сводился къ слѣдующему. Князь

прежде всего являлся постоянно дѣйствующимъ органомъ верховной власти въ противоположность вѣчу, собиравшемуся лишь отъ времени до времени въ исключительныхъ случаяхъ для рѣшенія и обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ. На рукахъ князя такимъ образомъ оставались дѣла текущаго внутренняго управленія: заботы о поддержаніи внутренняго порядка и благоустройства, судъ, охраненіе внѣшней безопасности, отраженіе врага. Князья принимали участіе также и въ правотворчествѣ. Если во внѣшнихъ отношеніяхъ города нуждались въ князьяхъ какъ въ опытныхъ военачальникахъ, то съ другой стороны въ вопросахъ внутренняго управленія важное значеніе имѣлъ личный княжескій судъ. Кіевляне, въ 1146 г. жалуясь на злоупотребленіе княжескихъ чиновниковъ, указываетъ проф. Владимірскій-Будановъ, требуютъ отъ князя не уступки судебной власти въ свою пользу, а именно производства суда княземъ лично: «если кому изъ насъ будетъ обида, то ты самъ суди». Въ своемъ Поученіи, изображая какъ бы идеалъ князя, Владиміръ Мономахъ предлагаетъ каждое утро «думать съ дружиной и людей оправливати» (судить). Въ укоръ великому Кіевскому князю Всеволоду Гавріиловичу лѣтописецъ ставитъ въ вину то, что состарившись, онъ пересталъ заниматься дѣлами и вотъ: «начаша тіуны грабити, людей продавати, сему Всеволоду не вѣдущу», и «до людей не стала доходить княжья правда», т. е. князь пересталъ и самъ судить и надзирать за тіунами. Независимая княжеская власть была необходима среди борьбы сильныхъ и слабыхъ. «Всего же паче убогихъ не забывайте», говоритъ тотъ же Владиміръ Мономахъ», и вдовицу оправдите сами, а не давайте сильнымъ погубити человѣка». Въ Псковѣ и Новгородѣ смерды находились подъ особымъ покровительствомъ князей.

Правотворчество князей выражалось или въ созданіи новыхъ нормъ при помощи отдѣльныхъ распоряженій и су-

дебныхъ рѣшеній, или въ закрѣпленіи нормъ обычнаго права въ утвержденіи правоположеній заимствованныхъ.

Послѣднимъ путемъ къ намъ проникало между прочимъ византійское право; именно, черезъ посредство княжескихъ Уставовъ; слѣды княжескихъ судебныхъ рѣшеній и распоряженій мы наблюдаемъ въ «Русской Правдѣ». Таковъ «Урокъ Ярославль о поклонахъ вирныхъ», т. е. о сборахъ въ пользу вирника. Князья рубили города, т. е. строили крѣпости, сажали вмѣсто себя въ нихъ для суда и управленія своихъ мужей-посадниковъ, вначалѣ сами не только опредѣляли, но и сбирали подати и дани съ населенія: Ольга ѣздила по землѣ Древлянской: «устанавляющи уроки и дани»; въ Новгородской области она установила: «По Мстѣ погосты и дани, по Лузѣ—оброки и дани».

Въ вопросѣ о занятіи князьями столовъ не существовало общаго единообразнаго для всѣхъ случаевъ рѣшенія. Примѣнялось: 1) избраніе князя народомъ; 2) наслѣдованіе княжеской власти въ отдѣльныхъ волостяхъ (начало отчины) въ силу установившагося обычая; 3) наслѣдованіе вслѣдствіе завѣщательнаго распоряженія; 4) пріобрѣтеніе столовъ путемъ личной энергіи и усилій отдѣльныхъ представителей Рюрикова дома; 5) имѣло наконецъ свою долю вліянія начало старшинства князей и княжескихъ столовъ. Такимъ образомъ, княжеская Россія не знала одного незыблемаго точнаго порядка престолозанятія, которое являлось итогомъ многихъ сталкивавшихся между собою стремленій и силъ. С. М. Соловьевымъ была выставлена въ данномъ вопросѣ теорія нѣкотораго преобладающаго основного начала, извѣстная подъ именемъ «лѣствичнаго восхожденія». Названный историкъ проводилъ ту мысль, что князья владѣли русской землей сообща, не раздѣляясь. Старшій въ родѣ владѣлъ старшимъ (лучшимъ) княжествомъ; другіе князья владѣли другими столами согласно личному старшинству и достоинствамъ самихъ столовъ. Такимъ путемъ получалась какъ бы лѣстница князей

и княженій, и за смертью кого либо изъ старшихъ остальные соотвѣтственно указаннымъ началамъ родового и стольнаго старшинства послѣдовательно передвигались по ступенямъ лѣстницы княженій. При такихъ условіяхъ должно было существовать законное вѣчное передвиженіе князей со стола на столъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Теорія эта однако вызываетъ большія сомнѣнія. Самъ Соловьевъ признавалъ, что выставленное имъ начало «передвижки» князей допускало массу исключеній въ пользу занятія столовъ различными иными способами. Проф. же Сергѣевичъ привелъ рядъ существенныхъ возраженій, указавъ между прочимъ, что самое представленіе о «лѣствичномъ восхожденіи» Соловьевъ взялъ изъ позднѣйшей Никоновской лѣтописи XVI в. Составитель этой лѣтописи, описывая давно прошедшія событія, повидимому заинтересовался порядкомъ замѣщенія столовъ, и передавая ихъ съ чужихъ словъ (со словъ старой Ипатьевской лѣтописи), личныя догадки о «лѣствичномъ восхожденіи» вложилъ въ уста дѣйствовавшихъ историческихъ лицъ. Соловьевъ, какъ было выше указано, въ основаніе своей теоріи положилъ текстъ Никоновской, а не Ипатьевской лѣтописи и подкрѣпилъ ее общими сужденіями о родовомъ бытѣ, продолжавшемъ якобы дѣйствовать въ княжеской средѣ; факты, однако говорятъ противъ построеній знаменитаго историка. Въ самомъ дѣлѣ до смерти Ярослава Мудраго, послѣдовавшей въ 1054 г., не выработалось никакой правильности въ столопреемствѣ. Рюрику наслѣдовалъ племянникъ, а не сынъ Игорь; за малолѣтствомъ Святослава княжила Ольга; Святославъ раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями, начавшими усобицы послѣ смерти отца, при чемъ старшій Святополкъ былъ изгнанъ изъ Кіева Ярославомъ, младшимъ братомъ. Послѣ смерти Ярослава усобицы не прекращались, и взаимныя отношенія князей въ преемствѣ столовъ еще болѣе запутались; братья боролись съ братьями, дяди съ племянниками. Въ этой борьбѣ прежде всего приходилось

считаться не съ семейными притязаніями князей, а съ желаніемъ народа имѣть притязующее по тѣмъ или другимъ основаніямъ лицо своимъ княземъ, а также съ нравственными и матеріальными силами соперниковъ. Возможно допустить, что у князей Рюрикова дома въ ихъ средѣ существовали нѣкоторыя представленія частноправнаго характера о правѣ наслѣдованія лучшихъ столовъ въ порядкѣ родового старшинства, но эти представленія наталкивались на такія препятствія, въ томъ числѣ и на самостоятельныя воззрѣнія въ средѣ населенія княжества, которыя заставляли идти по равнодѣйствующей различныхъ силъ.

Взаимныя отношенія сидѣвшихъ на столахъ князей обусловливались ихъ полной независимостью какъ владѣтельныхъ самостоятельныхъ государей. Предположеніе, будто бы во главѣ всѣхъ князей стоялъ одинъ великій князь, которому всѣ остальные были подчинены, ошибочно. Это предположеніе, тѣсно связанное съ теоріей родового быта, должно раздѣлить ея судьбу.

Въ виду независимости князей взаимныя отношенія ихъ были построены на началахъ международнаго права, на соглашеніяхъ. Князья находились между собою или въ мирѣ или въ состояніи войны. «Миръ стоитъ до рати, рать стоитъ до мира», говорили они въ эту эпоху или: «урядимся либо войной, либо миромъ». Въ договоры вступали князья-суверены, вышедшіе изъ-подъ отеческой власти. Князья сыновья играли роль намѣстниковъ въ отцовской волости, если имъ поручалась такая должность. За исключеніемъ указаннаго случая занимавшіе столы князья имѣли право вступать во взаимныя соглашенія на условіяхъ полнаго равенства независимо отъ степеней родства, ихъ соединяющихъ. Для достиженія совмѣстныхъ дѣйствій нѣсколькихъ князей собирались княжескіе съѣзды или «думы», однако безъ всякой обязательности прибытія на таковыя. Равнымъ образомъ самые съѣзды происходили внѣ заранѣе установленныхъ постоянныхъ сроковъ, по различнымъ по-

водамъ, при различномъ составѣ. Источники не даютъ свѣдѣній о какомъ либо съѣздѣ, на которомъ участвовали бы князья всѣхъ русскихъ княжествъ. Постановленія съѣздовъ являлись обязательными для участниковъ постольку, поскольку они сами принимали эти постановленія добровольно; желающій былъ вправѣ свободно покинуть съѣздъ въ любую минуту. Княжескіе договоры заключались не только князьями лично, но и черезъ представителей.

Что касается содержанія междукняжескихъ договоровъ разсматриваемой эпохи, то оно главнымъ образомъ сводится къ обезпеченію неприкосновенности владѣній договаривающихся сторонъ, взаимной военной помощи, доброжелательства, единенія. Судя по сохранившимся договорамъ московской эпохи, усматривая въ нихъ черты болѣе ранняго времени, можно предположить, что великіе князья говаривали себѣ почетныя преимущества старѣйшинства, право распоряженія военными силами младшихъ князей, брали на себя обязанность держать этихъ младшихъ въ «братствѣ и чести», т. е. на условіяхъ фактическаго полнаго равенства при формальномъ старѣйшинствѣ и т. п.

Князь, не желавшій пребывать въ договорныхъ отношеніяхъ, могъ порвать ихъ, «сложить съ себя крестное цѣлованіе», и освободиться отъ всѣхъ принятыхъ обязательствъ.

При указанныхъ обстоятельствахъ не можетъ быть рѣчи о какой либо, такъ называемой, федеративной организаціи въ средѣ древне-русскихъ княжествъ. Федерація, историческое явленіе болѣе поздняго времени, предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ общихъ органовъ управленія состоящихъ въ федераціи государствъ. Древне-русскія же соглашенія князей этимъ признакомъ не располагали. Вслѣдствіе этого предположеніе, высказанное Костомаровымъ («Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси»), будто бы русскія княжества начали образовывать постоянный союзъ на федеративномъ началѣ представляется обобщеніемъ, не соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей.

§ 6. Органы подчиненнаго управленія.

а) Высшіе органы подчиненнаго управленія. Къ высшимъ органамъ подчиненнаго управленія въ разсматриваемую эпоху принадлежали совѣтъ князя (княжеская дума), намѣстники, посадники, тысяцкіе, и особые правительственные совѣты въ Новгородѣ и Псковѣ.

Что касается воззрѣній ученыхъ на княжескую думу, то въ этомъ отношеніи между видными представителями науки исторіи русскаго права имѣется разногласіе. Проф. Владимірскій-Будановъ [1]) полагаетъ, что княжескій совѣтъ являлся постояннымъ учрежденіемъ, и что совѣщаніе съ нимъ представлялось обязательнымъ для князя, власть котораго такимъ образомъ ограничивалась думой. Сергѣевичъ же (Лекціи и изслѣдованія, изд. 1910 г., стр. 266 и сл.) проводилъ ту мысль, что княжеская (боярская дума, разсматриваемаго времени) вовсе не была учрежденіемъ, а лишь актомъ «думанья» князя, дѣйствіемъ совѣтыванья его съ людьми, которымъ онъ довѣрялъ. Проф. Дьяконовъ примыкаетъ къ Владимірскому-Буданову [2]), проф. А. Н. Филипповъ [3]) склоняется болѣе на сторону Сергѣевича, полагая, что свободный актъ «думанья» путемъ повторенія постепенно превращался въ постоянное учрежденіе совѣщательнаго характера: если при этомъ княжеская дума, по мнѣнію г. Филиппова и имѣла нѣкоторыя черты причастности къ верховной власти, то во всякомъ случаѣ эти черты въ разсматриваемую эпоху были весьма слабы по сравненію съ политическимъ значеніемъ вѣча.

Повидимому, мнѣніе проф. Филиппова является наиболѣе близкимъ истинѣ. Дѣйствительно, источники сообщаютъ

---

[1]) Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 1888 г., стр. 43. 46.

[2]) Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 1907 г., стр. 163.

[3]) Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I, изд. 1914 г., стр. 196 и слѣд.

факты, когда князь не считалъ для себя обязательнымъ непремѣнное думанье со старшей дружиной. Если съ другой стороны приводится рядъ случаевъ, когда князья «думали» со старшими дружинниками или, пренебрегая ихъ совѣтомъ, натыкались на непріятности и неудачи, то такое обстоятельство еще не рѣшаетъ вопроса въ пользу взгляда г. Владимірскаго-Буданова. При вольной службѣ, дружинниковъ, при вліятельности старшихъ изъ нихъ, князю фактически приходилось считаться съ дорожившей своимъ мнѣніемъ старшей дружиной, безъ юридической однако къ тому обязанности. Вопросъ непремѣннаго совѣтыванья съ старшей дружиною поэтому относился, повидимому болѣе къ области политики, чѣмъ къ праву. По указанной причинѣ Владиміръ Мономахъ, совѣтовавшій князьямъ по утрамъ думать съ дружиной, былъ любимъ народомъ, заинтересованнымъ въ томъ, чтобы у князя были опытные и благоразумные совѣтники. Болѣе обособленное положеніе дружины въ качествѣ княжескаго совѣта сохранялось въ древне-русскихъ княжествахъ до тѣхъ поръ, пока дружина переѣзжала съ княземъ изъ одной земли въ другую. Позднѣе княжеская дума, по указанію г. Владимірскаго-Буданова, становится ближе къ вѣчу и вмѣстѣ съ нимъ рѣшаетъ общіе вопросы. Можно даже предположить, что дружина въ извѣстныхъ случаяхъ непосредственно входила въ составъ вѣча, какъ его часть, и въ этомъ видѣ или дѣйствовала заодно съ большинствомъ вѣча или образовывала одну изъ политическихъ его партій, расходясь съ большинствомъ и поддерживая князя. Къ послѣднимъ случаямъ относятся, повидимому, приводимыя помянутымъ авторомъ примѣры расхожденія дружины съ вѣчемъ и присоединеніе ея къ взглядамъ князя. Между прочимъ въ доказательство обязательности совѣта со старшей думой г. Владимірскій-Будановъ ссылается на выводы, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно сдѣлать изъ приводимыхъ словъ участниковъ событій. Такъ, въ 1170 г. Мстиславъ Кіевскій, обиженный несправедливымъ

подозрѣніемъ въ дурномъ замыслѣ, якобы таимомъ имъ противъ князей Давида и Рюрика, передалъ вопросъ на разсмотрѣніе дружины, которая будтобы выразила свое заключеніе въ слѣдующей формѣ: «тобѣ безъ насъ нельзя того было замыслити, ни сотворити». Въ другомъ случаѣ въ 1169 г. князь Владиміръ Мстиславичъ задумалъ нарушить клятву къ кіевскому князю Мстиславу и сообщилъ о томъ двумъ боярамъ. Дружина по этому поводу заявила: «о собѣ княже замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ: мы того не вѣдали». Владиміръ въ отвѣтъ на это, посмотрѣвъ на своихъ «дѣтскихъ», сказалъ: «а се будутъ мои бояре». Рѣшивъ осуществить свою мысль помимо старшей дружины, Владиміръ отправился за помощью къ берендѣямъ. Но тѣ, увидавъ его одного «безъ мужей» заявили: «се ѣздиши одинъ, и безъ мужей своихъ, а насъ прельстивъ»... И начали пускать въ него стрѣлы.

Оба примѣра, однако, не являются вполнѣ убѣдительными. Прежде всего историческая критика вообще заставляетъ съ большой осторожностью относиться къ рѣчамъ, приводимымъ лѣтописцемъ. Если даже допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему могли быть извѣстны подлинныя слова дѣйствовавшихъ лицъ, то съ другой стороны далеко не объективный составитель лѣтописи могъ влагать въ чужія уста и такія рѣчи, которыя болѣе всего соотвѣтствовали его личнымъ воззрѣніямъ человѣка болѣе поздняго времени. Независимо отъ этого въ первомъ случаѣ въ приведенномъ примѣрѣ дружина является не въ роли думы, а свободно избраннаго третейскаго судьи по поводу несправедливаго якобы обвиненія Мстислава въ замыслѣ измѣнически лишить двухъ другихъ князей свободы. Второй же примѣръ прямо указываетъ, что князь считалъ себя вправѣ совѣтываться не только съ боярами, но и съ младшими дружинниками, а неуспѣхъ его у берендѣевъ могъ быть явленіемъ чисто фактическимъ, за которымъ нельзя признавать никакого правового значенія. Про Владиміра Галиц-

каго лѣтописецъ въ противность мнѣнію проф. Влад.-Буданова прямо сообщаетъ, что онъ «думы не любяшетъ съ мужми своими». Старшей дружинѣ не нравилось, что князь кромѣ того позволялъ себѣ всякія злоупотребленія, но она молчала, пока Романъ Мстиславичъ не началъ ее подстрекать противъ князя. (Ипатьев. 1188 г.).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда князь считалъ нужнымъ совѣтываться съ вліятельными людьми, въ составъ совѣта входили главнымъ образомъ старшіе дружинники; до сліянія «старцевъ градскихъ» съ княжьими мужами къ совѣщанію призывались упомянутые старцы; не исключалось и участіе представителей высшаго духовенства (по совѣщанію съ епископами Владиміръ Св. отвергъ виры и сталъ казнить разбойниковъ смертью). Неопредѣленный составъ княжескаго совѣта не обладалъ опредѣленностью и въ отношеніи своей численности; онъ могъ состоять изъ нѣсколькихъ человѣкъ или нѣсколькихъ десятковъ лицъ. При составленіи «Русской Правды» Ярославичами участвовали всего 3 совѣтника, при дополненіи означеннаго памятника Владиміромъ Мономахомъ ихъ было 6. Въ Новгородѣ число думцевъ возрастало до нѣсколькихъ сотенъ.

На разсмотрѣніе думы поступали всякіе вопросы, подлежавшіе вѣдѣнію князя въ тѣхъ случахъ, когда онъ считалъ желательнымъ располагать тѣмъ или другимъ совѣтомъ.

Посадниками назывались довѣренныя лица князя, посаженныя въ различныхъ мѣстностяхъ для управленія и суда. Посадники существовали со времени призванія варяжскихъ князей. Уже Рюрикъ, оставшись послѣ смерти братьевъ единодержавнымъ властителемъ, началъ раздавать волости въ управленіе мужамъ своимъ. Ольга «посадила» своихъ мужей въ завоеванныхъ областяхъ. Обыкновенно насильственное занятіе чужой волости влекло за собой посаженіе туда княжескаго посадника. При добровольномъ же присоединеніи волость сама брала себѣ у князя посад-

ника какъ бы въ знакъ покорности новой власти. Князь назначалъ посадниковъ по своему усмотрѣнію изъ своихъ дѣтей, родственниковъ, старшихъ и младшихъ дружинниковъ.

Исключеніемъ изъ общаго правила о назначеніи посадниковъ исключительно княземъ является съ XIII вѣка то обстоятельство, что въ Новгородѣ съ указаннаго времени посадникъ превращается въ высшаго сановника, избираемаго вѣчемъ и вполнѣ независимаго отъ князя. Прежнихъ посадниковъ въ Новгородѣ съ начала XIII в. замѣняетъ намѣстникъ князя, а съ XIV в. намѣстники уже повсюду вытѣсняютъ прежнихъ княжескихъ посадниковъ. Выборный новгородскій посадникъ является такимъ образомъ органомъ народнаго самоуправленія. Онъ былъ первымъ гражданскимъ сановникомъ вольнаго города. Первоначально новгородскіе посадники избирались пожизненно, а затѣмъ на срокъ, но неопредѣленный; смѣнить его можно было лишь по суду за преступленіе. Посадникъ обыкновенно открывалъ вѣче и закрывалъ его, предлагалъ дѣла на обсужденіе, выполнялъ постановленія вѣча, представлялъ Новгородъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, заботился о поддержаніи внутренняго порядка, отправлялъ свой особенный судъ, участвовалъ въ назначеніи княземъ мужей по новгородскимъ волостямъ и въ судѣ князя надъ новгородцами. Новгородскій посадникъ во время отправленія своей должности именовался степеннымъ, оставившій должность—старымъ. Посадники избирались обыкновенно изъ старыхъ боярскихъ родовъ Новгорода. Во Псковѣ имѣлось 2 посадника.

Тысяцкіе. Именемъ тысяцкихъ именовались въ древнѣйшее время княжескіе посадники, но рядомъ съ таковыми существовали тысяцкіе, какъ предводители народнаго ополченія, противополагавшіеся княжескимъ воеводамъ. Новгородскій тысяцкій, избираемый народомъ, являлся однако не только военной властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣстителемъ посадника на вѣчѣ; онъ участво-

валъ вмѣстѣ со старостами новгородскихъ купцовъ въ судѣ по торговымъ дѣламъ, засѣдалъ въ особомъ новгородскомъ правительственномъ совѣтѣ.

Во Псковѣ тысяцкаго не было. Въ подчиненіи у тысяцкаго находились сотскіе и десятскіе, состоявшіе представителями ополченія.

Особенностью Новгородско-псковскаго высшаго управленія являлось существованіе особаго правительственнаго совѣта—«малаго вѣча». Въ составъ послѣдняго входили Новгородскій архіепископъ, княжскій намѣстникъ, «степенные» посадникъ и тысяцкій, «старые» посадники и тысяцкіе, старосты новгородскихъ «концовъ» и представители боярскихъ родовъ. На маломъ вѣчѣ подготовлялись дѣла, подлежавшія обсужденію большого вѣча, и такимъ путемъ названному совѣту представлялась возможность сильнаго вліянія на дѣла народныхъ собраній. Существовавшій во Псковѣ правительственный совѣтъ игралъ въ общемъ здѣсь ту же роль, что и въ Новгородѣ.

Низшіе Органы подчиненнаго управленія.

Князья обыкновенно лично правили и производили судъ въ стольномъ городѣ, но какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ имъ не хватало физической возможности выполнять всю эту дѣятельность въ полной мѣрѣ своими собственными силами. Поэтому, кромѣ помощниковъ высшаго разряда: посадниковъ, намѣстниковъ, доля управленія и суда передавалась въ руки болѣе низко стоявшихъ лицъ.

Къ таковымъ прежде всего относились тіуны (тивуны), которые, впрочемъ, являлись помощниками не только князей, но также посадниковъ и намѣстниковъ. Понятіе тіуна обнимало довольно широкое число должностныхъ лицъ. Прежде всего подъ этимъ именемъ понимались различные люди, служившіе въ княжескихъ селахъ и дворахъ и завѣдывавшіе частнымъ хозяйствомъ князей. Нерѣдко

тіуны были не кѣмъ инымъ, какъ холопами; по общему правилу даже принятіе должности тіунской свободнымъ человѣкомъ, безъ особой оговорки, влекло за собой переходъ въ рабство. Въ виду разнообразія поручаемыхъ тіунамъ хозяйственныхъ должностей они получали различныя наименованія: «тіунъ огнищный», завѣдывавшій рабами, «тіунъ дворскій», завѣдывавшій домовымъ хозяйствомъ, «тіунъ конюшій», «тіунъ ратайный-сельскій», завѣдывавшій земледѣльцами, сидѣвшими на владѣльческихъ земляхъ. Несмотря, однако, на то, что тіуны по основному характеру своихъ обязанностей вначалѣ завѣдывали частными хозяйственными дѣлами князя и бояръ, имъ вручались и судебныя полномочія и присваивалось значеніе государственныхъ чиновниковъ. Это объясняется тѣмъ, что вначалѣ въ разсматриваемую эпоху государственное управленіе не строго отличалось отъ частнаго хозяйства князя. Тіуны замѣняли въ судѣ князя и посадниковъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе не могли или не хотѣли сами осуществлять судебную дѣятельность. Населеніе, однако, тяготилось тіунскимъ судомъ вслѣдствіе связанныхъ съ нимъ злоупотребленій.

Для сбора налоговъ и пошлинъ, послѣ того какъ князья перестали сбирать таковые сами и выѣзжать для этой цѣли «на полюдіе», назначались особые «данщики»; для сбора судебныхъ пошлинъ существовали «вирники», бравшіе виры, мечники, взымавшіе пошлины за испытаніе желѣзомъ; пятенщики собирали налогъ за пятненіе лошадей; мытники, приставлялись къ различнымъ видамъ торговыхъ сборовъ, между прочимъ къ провозу товаровъ черезъ «мытные заставы». Существовали выборные люди для разверстки прямыхъ податей и естественныхъ повинностей между членами обложенной общины. Участіе выборныхъ въ судѣ является лишь предположеніемъ.

§ 7. Административное дѣленіе древне-русскихъ государствъ.

Главнѣйшимъ подраздѣленіемъ княжествъ разсматриваемой эпохи являются волости, понятіе, которое нужно отличать отъ словъ «волость» въ значеніи цѣлаго государства.

О волостяхъ какъ административномъ дѣленіи княжествъ имѣются извѣстія отъ очень раннихъ временъ. Уже Рюрикъ раздавалъ волости своимъ мужамъ; во всѣхъ договорныхъ съ князьями новгородскихъ грамотахъ предписывается князю новгородскія волости «держать» новгородскими же, а не своими мужами. О городахъ и пригородахъ упоминалось выше (см. стр. 58). Волости подраздѣлялись на сотни, погосты, потуги, верви. Сотни, которыя не должно представлять себѣ какъ дѣйствительныя арифметическія величины, являлись однимъ изъ древнѣйшихъ дѣленій волостей въ связи съ потребностями военнаго и финансоваго управленія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ сотни приравнивались къ цѣлымъ волостямъ.

Погостъ есть терминъ административнаго дѣленія сѣверной Руси: Новгородской, Псковской, Суздальской и Смоленской земель. Въ южныхъ княжествахъ дѣленіе это не встрѣчается. Происхожденіе погостовъ доисторическое; полагаютъ (Неволинъ и др.), что это были мѣста общественныхъ богослуженій дохристіанской эпохи и торговли. Со временемъ погосты превратились въ податные округа съ опредѣленными ихъ центрами. Позднѣе къ нимъ приноровилось церковное дѣленіе. Новгородскіе потуги, повидимому, являлись тѣмъ же, что и погосты; это податной округъ, къ которому «тянули» смерды въ качествѣ сельскаго населенія. Что касается верви, то полная сущность ея трудно поддается опредѣленію; административное же значеніе явствуетъ изъ того, что она должна была выдавать преступника или въ разной мѣрѣ отвѣчать за него.

Нѣкоторые изслѣдователи (Погодинъ) слово «вервь» сближали съ норманскимъ терминомъ hwarf—округъ; другіе (Соловьевъ) производили его отъ слова веревка, какъ единицы земельной мѣры; наконецъ, третьи (Леонтовичъ) проводили параллель между вервью и южно-славянскимъ свободнымъ союзомъ семейнаго характера—задругой. Всѣ эти догадки остаются однако лишь опытами въ области болѣе и менѣе остроумныхъ предположеній.

§ 8. Отдѣльныя отрасли управленія и производство суда.

а) Общія замѣчанія. Въ древне-русскомъ государствѣ разсматриваемаго періода правительственная дѣятельность вообще еще была развита слабо и притомъ весьма неравномѣрно въ отношеніи отдѣльныхъ ея отраслей. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи поддержанія порядка органы государства, вовсе не спеціализировавшіеся въ данномъ направленіи, выступали лишь въ исключительныхъ случаяхъ и дѣйствовали при этомъ исключительными мѣрами. Напримѣръ: Янъ Вышайтчъ воевода Черниговскаго князя Святослава Ярославича, посланный за данью въ Бѣлозерскую землю, засталъ тамъ крупные безпорядки, производимые волхвами въ связи съ возникшимъ въ этой области голодомъ. Бѣлозерцы не хотѣли выдавать волхвовъ, пока Янъ не пригрозилъ, что онъ со своими отроками не уѣдетъ съ Бѣла-озера цѣлый годъ и такимъ образомъ введетъ населеніе въ большіе убытки по прокорму присланныхъ должностныхъ лицъ. При наличной возможности неповинующіеся приводились къ послушанію и жестокими мѣрами. Владимировъ тысяцкій Путята вводилъ христіанство среди новгородцевъ мечемъ, а Добрыня—огнемъ. При всемъ томъ въ 1147 г., ни князь, ни тысяцкій не могли защитить кн. Игоря отъ убіенія.

Князья, въ области народно-хозяйственной, стремились

по силѣ возможности обезпечить безопасность по путямъ сообщенія, для чего предпринимались походы противъ внѣшнихъ враговъ, а изъ заключенныхъ договоровъ съ греками явствуетъ, что правительство обязывалось охранять движеніе по воднымъ путямъ. Въ Русской Правдѣ имѣются указанія на постоянныя заботы о замощеніи улицъ, о возведеніи мостовъ, проложеніи путей,—на «уроки мостовные». Къ Русской Правдѣ присоединена даже особая приписка «о городскихъ мостахъ» (ст. 134, Карамзинскій сп.)— о замощеніи В. Новгорода. Владиміръ Св., Ярославъ Мудрый и др. князья принимали мѣры къ распространенію народнаго просвѣщенія. Общественное призрѣніе находилось въ завѣдываніи церкви, но отчасти также входило въ область личной благотворительности князей. Чисто государственнымъ характеромъ обладали военная финансовая и судопроизводственная отрасли управленія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ являлись наиболѣе развитыми. Что касается военныхъ силъ, то онѣ слагались изъ княжеской дружины и народнаго ополченія. Дружина содержалась за счетъ князя и военной добычи, а также ставилась на прокормъ по пригородамъ и селамъ. Во время военныхъ дѣйствій на чужой землѣ примѣнялись реквизиціи—«зажитье». Въ составъ войскъ нерѣдко входили иноземныя дружины наемниковъ варяговъ и иныхъ различныхъ союзниковъ.

б) Финансовое управленіе. Вначалѣ управленіе доходами государственными не отличалось отъ личныхъ доходовъ князя, но зато и личныя его средства шли на государственные потребности, прежде всего на военныя. Въ извѣстной степени на отдѣльные виды доходовъ содержались различные чиновники. Княжеско-государственные доходы заключались помимо поступленій отъ княжескихъ недвижимыхъ имуществъ и доходныхъ статей въ полученіи дани, пошлинъ и отправленіи личныхъ повинностей населеніемъ.

Слово «дань» сперва означало сборы съ зависимыхъ

племенъ въ видѣ контрибуціи, выплачиваемой періодически. «Не хощю тяжки дани возложити», говорила Ольга побѣжденнымъ Древлянамъ. Позднѣе съ XI в. наименованіе «дань» было окончательно присвоено внутреннимъ податямъ, при чемъ подъ этимъ словомъ подразумѣвались различные виды налоговъ, въ томъ числѣ и «пошлины», т. е. такіе налоги, которые пошли изстари. Кромѣ налоговъ, падавшихъ на всѣхъ плательщиковъ безъ исключенія, существовали особые, уплачиваемые при соприкосновеніи отдѣльныхъ лицъ съ органами власти или при производствѣ особыхъ промысловъ.

Налоги, падавшіе на землю, имѣли въ виду участки, обрабатываемые силою одного домохозяина. Единицами земельнаго обложенія служили «дымъ» (дворъ) и «рало» (орудіе земледѣлія), какъ внѣшніе признаки земельнаго хозяйства. Правительство исчисляло на сѣверѣ поземельную дань по погостамъ, а распредѣленіе по «дымамъ» производилось самимъ населеніемъ. Данью облагались лишь тяглые домохозяева; безземельные бобыли—«истужники» платили по силѣ возможности; въ число дани входило «полюдіе», въ XII в. означавшее кормы данщикамъ, посылаемымъ князьями. Города облагались не данью, а «погородіемъ» (Влад.-Будан.).

Налогомъ общаго характера являлась введенная татарами поголовная подать, но она не входила въ составъ княжеско-государственнаго хозяйства.

Къ налогамъ, поступавшимъ при соприкосновеніи населенія съ правительственными органами по поводу разныхъ особыхъ услугъ или инымъ поводамъ, между прочимъ, принадлежали сборы за взвѣшиванье и измѣреніе товаровъ: «вѣсчее», «помѣрное». По введеніи христіанства эти сборы были всецѣло переданы церкви, но потомъ опять взяты въ казенное управленіе и только частично остались привилегіей церковныхъ установленій.

Затѣмъ идетъ «мытъ» (нѣм. Maut), сборъ при перевозкѣ товаровъ черезъ особые заставы на путяхъ сообще-

нія; «пятно» сборъ при продажѣ лошадей; «поплашное» при торговлѣ лѣсомъ; «поштучное» при торговлѣ мясомъ; «гостинная дань» и «торговое»—при доставленіи иноземнымъ купцамъ мѣстъ для склада товаровъ и вообще за устройство рынковъ; «корчмита», сбираемая за право содержанія корчемъ. Вообще торговля являлась однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Затѣмъ шли судебныя пошлины: «виры» за убійство свободныхъ людей, «продажи»—денежные пени за разныя преступленія кромѣ убійства, «уроки ротные» за приведеніе къ присягѣ—«ротѣ» и «уроки» за совершеніе актовъ различнаго характера (укрѣпленіе въ холопствѣ, продажа земли), уроки желѣзные за испытаніе желѣзомъ; помимо судебныхъ существовали уроки «городніи» чиновнику за наблюденіе при постройкѣ города, «мостовніе» и т. п. Къ налогамъ нужно отнести «кормы»—прокормленіе различныхъ должностныхъ лицъ.

Подати платились различными предметами, всякимъ сырьемъ и деньгами. Изъ сырья давались: медъ, зерновой хлѣбъ, соль, звѣриныя шкуры, домашнія животныя и ихъ мясо; хлѣбъ и вообще съѣстные припасы шли главнымъ образомъ для прокормленія чиновниковъ, тогда какъ остальное сырье являлось способомъ уплаты налоговъ лишь въ древнѣйшее время, а позднѣе постепенно переводилось на деньги.

Что касается денегъ (танка, слово, по мнѣнію А. К. Маркова, заимствованное въ татарскомъ языкѣ изъ нарѣчій Индіи), то Псковская Суд. Грамота уже пользуется терминомъ «деньги» въ общемъ значеніи этого слова, равно какъ выраженіями «серебро», «пѣнязи»; кромѣ того въ нашихъ памятникахъ упоминаются: «куны», «рѣзаны», «векши», «бѣлки», «ногаты», «гривны» просто, «гривны кунъ», «гривны серебра и золота». Въ Р. Правдѣ слово «куна» употребляется для обозначенія родового понятія денегъ, но кромѣ того оно обладаетъ и

спеціальнымъ значеніемъ. Говоря о кунахъ вообще, Р. Правда упоминаетъ также о нѣсколькихъ кунахъ, которыя являлись мелкими денежными единицами, образовывавшими денежную единицу высшаго наименованія «гривну кунъ». Гривна кунъ равнялась 20 ногатамъ, 1 ногата = $2^1/_2$ рѣзанамъ. Отношеніе «векшъ» къ кунной системѣ не ясно.

Вначалѣ куны были вѣроятно мѣхами — мѣновой цѣнностью, а потомъ превратились въ денежную. Дань мѣхами платилась еще въ XII в. «Рѣзаны» могли быть отрѣзками арабскихъ монетъ; ходили и другіе иностранные деньги. Радимичи платили дань хозарамъ по «щелягу» (шиллингу?). Гривны серебра были серебряными слитками; разрубленныя гривны дали названіе рублю; различались по вѣсу и формѣ гривны новгородскія и кіевскія. (Подробности см. Марковъ, Русская нумизматика).

Къ личнымъ повинностямъ относился «повозъ» доставленіе средствъ для передвиженія для княжескихъ дружинъ и чиновниковъ, построеніе городовъ, постройка и починка мостовъ.

§ 9. Производство суда (судопроизводство).

а) Общія замѣчанія. Подъ именемъ судопроизводства понимается примѣненіе совокупности юридическихъ нормъ, соблюдаемыхъ при возстановленіи и вообще защитѣ нарушеннаго права. Судопроизводство предполагаетъ существованіе судоустройства, т. е. опредѣленныхъ лицъ и учрежденій, примѣняющихъ судопроизводственныя правила. Въ древнѣйшую эпоху защита нарушенныхъ правъ является личнымъ дѣломъ потерпѣвшихъ и выливается въ форму самосуда, самоуправства, достигающаго высшаго напряженія въ видѣ кровавой мести. Съ развитіемъ же силы и крѣпости государственнаго союза этотъ самосудъ начинаетъ вытѣсняться соотвѣтственнымъ вмѣшательствомъ органовъ власти. Въ періодъ Русской Правды въ судѣ принимаютъ уча-

стіе князь и его различные чиновники. Согласно ст. 38 Акад. списка задержаннаго до свѣта татя ведутъ на «княжъ дворъ», который и является такимъ образомъ мѣстомъ судебнаго разбирательства. По Псковской С. грамотѣ судъ происходитъ «у князя на сѣнехъ». Въ Псковѣ князь образовывалъ судебную коллегію съ посадникомъ и сотскими. Имѣются указанія на подобный же порядокъ и для Новгорода (см. Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 358). Эта коллегія именовалась г о с п о́ д о ю. Различные другіе чиновники производили судъ въ кругѣ своего вѣдомства единолично. Въ Новгородѣ, вслѣдствіе неясности закона или запутанности обстоятельствъ дѣла единоличный судья могъ перенести вопросъ на разсмотрѣніе особой коллегіи, состоявшей изъ представителей общинъ (концовъ города), судей, назначенныхъ сторонами и княжескихъ чиновниковъ. Такой переносъ дѣла именовался «д о к л а д ъ». Вопросъ о правѣ пересмотра рѣшеній судебныхъ органовъ представляется неяснымъ. Новгородская судная грамота предусматриваетъ пересмотръ постановленій выборныхъ органовъ великокняжескими намѣстниками — п е р е с у д ъ. Кромѣ судей памятникамъ извѣстны различные вспомогательные органы судебной власти. Р. Правда упоминаетъ о «емцѣ», поимщикѣ преступника; «емецъ» впрочемъ могъ быть и частнымъ человѣкомъ; далѣе мы встрѣчаемъ вышеупомянутыхъ «м е ч н и к а», «в и р н и к а», помощника сего послѣдняго «м е т е л ь н и к а». Псковская судная грамота въ этомъ случаѣ говоритъ о «д в о р я н а х ъ», «п р и с т а в а х ъ» и «п о д в о й с к и х ъ», вызывавшихъ въ судъ, о «п о д в е р н и к а х ъ», наблюдавшихъ за порядкомъ въ судѣ, о д ь я к а х ъ—писцахъ.

Несмотря на существованіе нарочитыхъ органовъ суда, веденіе процесса долгое время не находилось всецѣло въ ихъ рукахъ. Стороны или ихъ представители сами проявляли главную руководящую дѣятельность. Онѣ вызывали свидѣтелей, условливались о нѣкоторыхъ видахъ

доказательства — испытанія желѣзомъ, а также сами нерѣдко выполняли «правду» — постановленіе суда. Позднѣйшее различіе между судопроизводствомъ гражданскимъ и уголовнымъ въ разсматриваемую эпоху отсутствовало. Обѣ стороны, тяжущіеся, безразлично называются «истцами», всякое дѣло — тяжа-тяжба. На судѣ присутствовать могли только «истцы», они же «сутяжники» или «суперники». Являться на разбирательство съ друзьями, могущими физически или духовно вліять на судей, воспрещалось. Въ этомъ смыслѣ Псковская Суд. Грам. возбраняетъ ходить на судъ «помочью», а Новгородская—дѣлать «наводку».

Церковный, «владычный», «святительскій» судъ существовалъ особо, но были случаи, когда епископъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ; такой судъ назывался «вопчимъ» или «смѣстнымъ».

б) Подготовительныя къ суду дѣйствія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда противной сторонѣ было невыгодно не являться въ судъ, сутяжники заключали между собой договоръ о предметѣ спора и срокахъ явки къ разбирательству. Обыкновенно неявка одной изъ сторонъ къ назначенному сроку влекла за собой право для другой на полученіе «безсудной грамоты», т. е. заочнаго благопріятнаго рѣшенія. Заключеніе упомянутаго договора, согласно Псковской суд. гр., облегчалось участіемъ приставовъ и подвойскихъ, которые за особую плату, получивъ отъ суда вмѣстѣ съ обвинителемъ «позывницу», опредѣляли срокъ явки привлекаемаго къ суду. При грубыхъ правонарушеніяхъ не могло быть рѣчи о договорѣ явки обвиняемаго; съ разрѣшенія органовъ власти въ этихъ случаяхъ его позволялось привести силою подъ страхомъ однако отвѣтственности за связаніе человѣка «безъ вины». Явка къ сроку могла быть обезпечена поручительствомъ.

в) Судебныя доказательства. Древне-русскій судъ представлялся борьбой сторонъ передъ судьею, при

чемъ каждая сторона имѣла право въ доказательство истинности своихъ требованій или утвержденія ссылаться на различные факты, обладающіе доказательной силой. Къ такимъ фактамъ, судебнымъ доказательствамъ, принадлежали: 1) собственное признаніе; 2) присяга; 3) поединокъ; 4) свидѣтели и послухи; 5) ордаліи или судъ Божій; 6) различные внѣшніе признаки и 7) сводъ.

Признаніе. О существованіи судебнаго признанія имѣется косвенное указаніе въ Р. Правдѣ ст. 14 Акад.: «Аже гдѣ взыщетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати начнетъ, то идти ему на изводъ передъ 12 человѣкъ». Обратно, слѣдовательно, собственное признаніе считалось достаточнымъ доказательствомъ для рѣшенія дѣла.

Присяга. Подъ присягой разумѣется подкрѣпленіе истинности показанія призваніемъ имени Божія. Этотъ видъ доказательствъ существовалъ у насъ еще до принятія христіанства. Въ договорѣ Олега съ греками русскіе язычники клялись Перуномъ. Такая клятва называлась «рота». Различаются присяга дополнительная и очистительная. Р. Правдѣ и Псковской грамотѣ (ст. 102) извѣстны и та и другая. Первая предоставлялась требующей сторонѣ обыкновенно при отсутствіи другихъ доказательствъ и въ небольшихъ искахъ; вторая — отвѣтчику точно также при отсутствіи другихъ доказательствъ, если при томъ онъ внушалъ довѣріе (Р. Пр. ст. 46 тр.). Отказъ отъ присяги влекъ за собой обвиненіе. Новгородской судной грамотѣ извѣстна присяга обѣихъ тяжущихся сторонъ въ удостовѣреніе ихъ утвержденій (ст. 14.).

Поединокъ. Подъ судебнымъ поединкомъ понимается рѣшеніе спора тяжущихся сторонъ посредствомъ физической борьбы между ними. Въ основѣ лежитъ мысль, что за праваго само божество. Русская правда поединка не предусматриваетъ, но есть указаніе, что въ XIII в. таковой уже существовалъ. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава русскому запрещается звать нѣмца на судебный

поединокъ на русской землѣ и обратно. Поединокъ назывался поле: въ качествѣ общаго судебнаго доказательства онъ упоминается Псковской грамотой. Женщины противъ мужчинъ, старые, увѣчные, дѣти, монахи могли за себя выставлять на поединокъ наемныхъ борцовъ—«наймитовъ».

Поле примѣнялось въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, между прочимъ при спорахъ о земельной собственности при представленіи обѣими сторонами равносильныхъ письменныхъ актовъ.

Свидѣтели и послухи. Свидѣтелями называются такія лица, которыя удостовѣряютъ какія либо обстоятельства дѣла на основаніи того, что они восприняли своими личными чувствами. Р. Правда именуетъ свидѣтелей видоками. Къ свидѣтельству вообще широко допускались всѣ свободные люди за исключеніемъ закуповъ, ограниченныхъ въ этомъ отношеніи правомъ свидѣтельствовать только въ малыхъ тяжбахъ; въ крайнемъ случаѣ допускалось даже свидѣтельство рабовъ—боярскихъ тіуновъ-ключниковъ; кромѣ того по Новгородской с. грам. холопъ могъ свидѣтельствовать противъ холопа. Свидѣтели давали показанія подъ присягой. Отъ свидѣтелей видоковъ Р. Правды нужно отличать упоминаемыхъ ею послуховъ; хотя терминологія названнаго памятника въ данномъ случаѣ не выдержана, но тѣмъ не менѣе подъ послухомъ нужно разумѣть лицъ, дававшихъ показанія о доброй славѣ обвиняемаго. На различіе между видоками и послухами указываетъ то обстоятельство, что при «поклепной вирѣ»—обвиненіи не подтверждаемомъ очевидцами, 7 послуховъ могли «свести виру», освободить отъ обвиненія. Несомнѣнно, что такое опредѣленное число не имѣло въ виду свидѣтелей, численность которыхъ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и заранѣе предусмотрѣно быть не можетъ.

Ордаліи. Ордаліи представляютъ собою судъ при болѣе, съ точки зрѣнія эпохи, непосредственномъ участіи

Божества въ спорномъ дѣлѣ, нежели при принесеніи присяги, нарушеніе которой должно вообще вызывать гнѣвъ Божій, могущій однако проявиться и не во время судебнаго разбирательства. Сущность ордалій наоборотъ заключалась въ томъ, что тяжущіеся въ надеждѣ на Божью помощь въ правомъ дѣлѣ соглашались медленно произвести какое либо такое дѣйствіе, которое по тогдашнимъ воззрѣніямъ, безъ непосредственнаго божескаго вмѣшательства являлось бы вреднымъ, гибельнымъ или даже вообще невозможнымъ для нихъ. Таковыя дѣйствія состояли между прочимъ въ держаніи голыми руками раскаленнаго желѣза, въ опусканіи руки въ кипятокъ и т. п. Рус. Правда упоминаетъ испытаніе и желѣзомъ и водою; изъ 82 ст. Троиц. списка явствуетъ, что испытаніе перваго рода производилось прикосновеніемъ къ раскаленному желѣзу, что же касается испытанія водою, то объ образѣ его примѣненія въ названномъ памятникѣ указаній не содержится. Испытанію подвергался обвиняемый, не бывшій въ состояніи опровергнуть обвиненіе другими способами. Повидимому, въ эпоху Р. Правды (ст. 17 Тр.) къ ордаліямъ прибѣгали въ, такъ называемыхъ, «поклепныхъ» искахъ, опиравшихъ на одно голое утвержденіе обвинителя. Съ другой стороны несомнѣнно, что къ желѣзу обращались и при недостаточности приводимыхъ обвинительныхъ доказательствъ, когда на сторонѣ обвиняемаго свидѣтелемъ былъ холопъ, а не свободный человѣкъ (ст. 81 Тр.). Отсюда можно заключить что древнерусскія ордаліи имѣли значеніе очистительной присяги съ той особенностью, что допускались въ болѣе цѣнныхъ искахъ, нежели присяга. Такъ, при убійствахъ и другихъ искахъ цѣною до полугривны золота примѣнялось испытаніе желѣзомъ, въ дѣлахъ до двухъ гривенъ—испытаніе водой, ниже допускалась присяга (ст. 17 Тр.).

Различные внѣшніе признаки.

Къ подобнаго рода признакамъ относились всякіе внѣшніе сохранившіеся слѣды происшедшаго событія. Р. Правда предусматриваетъ синяки, кровоподтеки, раны и т. п. Такіе признаки именовались «знаменіемъ». Если возникало обвиненіе въ кражѣ или убійствѣ, то уликой являлась вещь, найденная въ домѣ обвиняемаго, или трупъ—«голова». Подобныя вещественныя доказательства назывались «лицомъ». Отыскиваніе скрывшагося преступника по оставленнымъ имъ внѣшнимъ уликамъ носило названіе «гоненія слѣда».

Сводъ. Подъ именемъ «свода» въ Р. Правдѣ разумѣлся особый видъ доказательства, подобный очной ставкѣ съ нѣкоторыми, однако, особенностями. Сущность «свода» заключалось въ томъ, что если собственникъ украденной вещи находилъ ее у кого либо, а держатель таковой утверждалъ, что онъ эту вещь пріобрѣлъ добросовѣстно (напримѣръ, купилъ), то оба отправлялись къ тому третьему лицу, отъ кого получилъ вещь держатель. Третье лицо въ свою очередь обязано было указать, изъ чьихъ рукъ предметъ попалъ къ нему. Съ нѣкоторыми ограниченіями это повторялось до тѣхъ поръ, пока не находился похититель, или временный держатель не могъ дать удовлетворительныхъ свѣдѣній о способѣ пріобрѣтенія имъ данной вещи.

Пользованію «сводомъ» обыкновенно предшествовало объявленіе на торговой площади о случившейся пропажѣ — «закличь». Въ теченіе трехъ дней добросовѣстные держатели вещи должны были вернуть ее хозяину. По истеченіи трехъ дней послѣ «заклича» всякое лицо, въ рукахъ котораго оказывался похищенный предметъ, признавался воромъ. Если же собственникъ находилъ у кого либо свою вещь до истеченія трехдневнаго срока или «закличь» не былъ вообще сдѣланъ, начинался сводъ. Собственникъ шелъ въ своемъ городѣ до конца свода, а въ чужомъ лишь до

третьяго (32 ст. Кар.) Третій держатель былъ обязанъ уплатить потерпѣвшему стоимость вещи, а самъ могъ вести сводъ далѣе. Равнымъ образомъ даже въ своемъ городѣ собственникъ имѣлъ право вести дѣло лишь до 3-го свода, если предметомъ кражи являлся холопъ. «Сводъ подъ именемъ «извода» извѣстенъ Псковской суд. гр. Приговоръ по дѣлу вначалѣ выражался въ словесной формѣ, къ концу же перваго періода получаетъ форму грамоты «правой» и «безсудной», при заочномъ рѣшеніи.

ГЛАВА III.

Уголовное право.

§ 1. Общія замѣчанія.

Теорія права въ настоящее время дѣлитъ сознательныя человѣческія дѣянія на согласныя съ юридическими нормами—правомѣрныя и несогласныя—или правонарушенія. Въ свою очередь одни изъ правонарушеній влекутъ за собой лишь возстановленіе нарушеннаго права, другія—сопровождаются помимо возстановленія нарушеннаго права еще внѣшнимъ выраженіемъ неодобренія со стороны общественнаго союза; эти носятъ техническое названіе преступленій. Различные виды внѣшняго выраженія общественнаго неодобренія называются наказаніемъ—карой. Совокупность правовыхъ нормъ, защищаемыхъ угрозой наказанія отъ правонарушенія, именуется уголовнымъ правомъ.

Преступленіе. Современное уголовное право субъектомъ преступленія признаетъ всякаго вполнѣ душевноразвитого и здороваго человѣка. Эти душевныя, между прочимъ зависящія и отъ возраста, условія способности быть субъектомъ преступленія носятъ техническое названіе вмѣняемости. Вмѣняемость предполагаетъ у преступ-

ника наличность злой воли, сознательно направленной на нарушеніе нормы уголовнаго права. Степень напряженности этой воли, однако, можетъ быть неодинаковой. Преступныя дѣянія дѣлятся на неосторожныя и умышленныя. Неосторожныя дѣянія являются слѣдствіемъ самонадѣянности, небрежности, неосмотрительности. Умышленныя имѣютъ свой отличительный признакъ въ томъ, что правонарушеніе было прямой цѣлью виновника. Различаютъ 2 вида умышленныхъ преступленій: просто умышленныя и предумышленныя. Въ первомъ случаѣ человѣкъ совершаетъ преступленіе подъ вліяніемъ внезапно явившейся мысли; въ второмъ—онъ заранѣе обдумываетъ, взвѣшиваетъ условія задуманнаго дѣянія. Умышленное преступленіе въ его родовомъ понятіи въ смыслѣ степени напряженія злой воли въ ея внѣшнемъ выраженіи можетъ состоять въ слѣдующихъ моментахъ:

1) Приготовленіи, поставленіи себя въ возможность совершить преступленіе; 2) покушеніи, началѣ исполненія; 3) выполненіе преступленія.

Злой замыселъ, непроявившійся въ указанныхъ выше моментахъ, именуется голымъ умысломъ.

При разсмотрѣніи внѣшней стороны преступленія принимаются также во вниманіе различныя сопровождающія преступное дѣяніе обстоятельства, наличность которыхъ или смягчаетъ наказаніе или совершенно устраняетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, повышаетъ его. Къ обстоятельствамъ устраняющимъ отвѣтственность относится состояніе необходимой обороны, когда человѣкъ, защищаясь отъ неправомѣрнаго нападенія, имѣетъ право безнаказано убить нападающаго, и состояніе крайней необходимости, когда для спасенія своей жизни или какого либо высшаго блага, человѣкъ является вынужденнымъ нарушить чужое право, напримѣръ—крадетъ, чтобы не умереть съ голоду.

Къ обстоятельствамъ, смягчающимъ вину, относятся различныя состоянія сильнаго душевнаго возбуж-

денія, «аффекты», и тому подобное, въ зависимости отъ взгляда на этотъ предметъ законодателя. Отъ послѣдней указанной причины зависитъ также признаніе судомъ обстоятельствъ, вину усиливающихъ.

Что касается субъектовъ преступленія, которыми, по современнымъ воззрѣніямъ, могутъ быть только люди, то ихъ можетъ быть одинъ или нѣсколько, причемъ и самая степень участія нѣсколькихъ въ выполненіи преступнаго дѣянія допускаетъ различія. Стеченіе нѣсколькихъ совиновниковъ именуется соучастіемъ; совиновники называются соучастниками. Въ средѣ соучастниковъ различаютъ главныхъ виновниковъ и второстепенныхъ-пособниковъ. Среди главныхъ виновниковъ особое значеніе придаютъ интеллектуальнымъ виновникамъ, задумывающимъ преступленіе и научающимъ выполнителей замысла — физическихъ виновниковъ. Подъ пособниками разумѣются такія лица, которыя, не совершая самого преступнаго дѣянія, содѣйствовали его выполненію: стояли на стражѣ и т. п. Отъ пособниковъ отличаются прикосновенные: укрыватели преступниковъ и предметовъ, добываемыхъ преступленіемъ, недоносители о совершившемся уже преступномъ дѣяніи, попустители, не воспрепятствовавшіе его выполненію.

Многообразныя преступленія условно могутъ быть по внѣшнимъ признакамъ разбиты на нѣсколько группъ. Обыкновенно дѣлятъ преступныя дѣянія на преступленія противъ: 1) личности; 2) семейства и половой нравственности; 3) церкви; 4) государства въ цѣломъ и порядка управленія.

Наказаніе. Въ древнѣйшее время возстановленіе нарушеннаго права и наказаніе виновнаго опредѣлялось усмотрѣніемъ частнаго потерпѣвшаго лица; съ усиленіемъ государственной власти опредѣленіе и осуществленіе наказанія переходитъ въ руки органовъ власти. Согласно современнымъ воззрѣніямъ наказаніе должно быть: 1) индивидуально, т. е. по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны

падать своей тяжестью на одного лишь преступника, не касаясь членовъ его семьи; 2) равно для всѣхъ внѣ зависимости отъ сословныхъ, имущественныхъ или иныхъ условій, въ которыхъ находится виновный; 3) *не мучительно* внѣ условій необходимости, *не увѣчаще*; 4) по возможности, на случай судебной ошибки, *отмѣнимо и вознаградимо* и 5) *дѣлимо*, т. е. приспособляемо къ особымъ оттѣнкамъ виновности.

Съ точки зрѣнія внѣшней формы его мѣры и даже существа опредѣленія наказаній законодатель можетъ: 1) предоставить судьѣ полное усмотрѣніе—это будутъ *безусловно неопредѣленныя наказанія*, 2) указать ему точно степень подлежащаго наложенію наказанія — *безусловно опредѣленныя наказанія* и 3) указать предѣлы, въ которыхъ судья можетъ свободно двигаться при опредѣленіи кары—*относительно опредѣленныя наказанія*.

§ 2. Преступленіе по древнѣйшему русскому праву.

Источниками для изученія русскаго уголовнаго права древнѣйшаго періода является Р. Правда, церковные уставы, отчасти лѣтописи, различные памятники церковно-историческаго характера и договоры съ нѣмцами въ виду культурной близости обѣихъ сторонъ и родственности правовыхъ воззрѣній; что же касается содержанія русско-греческихъ договоровъ, то оно имѣло болѣе исключительное значеніе какъ въ смыслѣ случаевъ его примѣненія, такъ и въ отношеніи происхожденія и существа нормъ. Свѣдѣнія объ уголовномъ правѣ греко-русскихъ договоровъ смотри у Владимірскаго-Буданова—«Обзоръ исторіи русскаго права», Сергѣевича «Лекціи и изслѣдованія» (приложеніе) и Самоквасова «Древнее русское право». Что касается уголовнаго права Р. Правды, то оно не различаетъ престу-

пленія отъ правонарушенія вообще. Для нея всякое правонарушеніе является «обидой», при чемъ обида всегда мыслится какъ нанесеніе матеріальнаго или иного вреда отдѣльному частному лицу и требуетъ наказанія. Съ этой точки зрѣнія убійство не отличалось отъ неплатежа долга, нося вмѣстѣ съ послѣднимъ одинаковый характеръ «обиды» и предполагая наличность человѣка, непосредственно чувствующаго обиду, какъ нарушеніе личнаго блага.

Выражаясь языкомъ современной теоріи права, въ представленіи составителя Р. Правды понятія нарушенія правовой нормы—объективнаго права не отдѣлялось отъ нарушенія чьего-либо правомочія какъ содержанія субъективнаго права. Оба момента при правонарушеніи неразрывно совпадали. Раздѣленіе этихъ понятій въ русскомъ правѣ возникаетъ лишь съ укорененіемъ христіанскихъ воззрѣній, предусматривавшихъ охраняемые наказаніемъ запреты опредѣленныхъ дѣяній внѣ зависимости отъ причиненія какому либо отдѣльному лицу вещественнаго или нравственнаго ущерба, напримѣръ, никому не «обидное» въ матеріальномъ смыслѣ, моленіе у воды. Взглядъ на преступленіе Р. Правды принято называть матеріальнымъ; вышеуказанное нововведеніе христіанской эпохи именуется формальнымъ воззрѣніемъ.

Послѣдній взглядъ нашелъ свое выраженіе уже въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава; развитіе его, однако, относится ко второму періоду.

Что касается вмѣненія, то для наличности его въ Р. Правдѣ мы не находимъ требованія общихъ признаковъ душевной развитости и здоровья, но за то вмѣсто этого Р. Правда устраняетъ изъ числа лицъ, могущихъ быть субъектами преступленія, цѣлый разрядъ населенія внѣ всякой зависимости отъ душевныхъ свойствъ и состояній. Этотъ разрядъ—холопы. За правонарушенія, совершенныя холопами, отвѣчаютъ ихъ хозяева, которые или платятъ за причинившихъ обиду ра-

бовъ продажу, или отказываются отъ права на нихъ въ пользу потерпѣвшаго.

«Оже будутъ холопи тати... ихъ же князь продажею не казнитъ, зане же суть не свободни, то двоичи платить истцу за обиду». (Ст. 43. Кар.).

Моменты наличности сознанія неправоты поступка и воли въ извѣстной мѣрѣ предусматриваются Р. Правдой. Такъ, добросовѣстный владѣлецъ утраченной вещи или бѣжавшаго холопа продолжаетъ быть таковымъ, если не знаетъ о потерѣ предмета или бѣгства даннаго раба. Но если собственникъ «заповѣдалъ», «сдѣлалъ закличь» о пропажѣ, о бѣгствѣ раба, то всякій, удерживающій послѣ этого у себя чужую собственность обращается въ преступника (ст. 29 и 27 Кар.). Злая воля правонарушителя предусматривается 98 ст. Р. Пр. (Кар.): «Кто пакощами (злонамѣренно) конь зарѣжетъ или скотину, то продажи 12 гривенъ». Между тѣмъ простое похищеніе скота наказывалось 3 гривнами, вчетверо ниже. Человѣкъ, мошеннически добывшій чужія деньги и скрывшійся изъ своего города, приравнивался вору (ст. 133 Кар.).

Въ отношеніи внѣшняго выраженія злой воли при выполненіи преступнаго замысла Р. Пр. знакомо отличіе покушенія отъ законченнаго преступленія: «Аже ли вынесъ мечъ, а не ударивъ, то гривна кунъ» (ст. 20 Кар.); за ударъ же мечемъ полагалось 12 гривенъ. Р. Правда различаетъ затѣмъ степени напряженія злой воли, а также знаетъ обстоятельства, усиливающія и ослабляющія отвѣтственность въ зависимости отъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій. Такъ, убійство въ «свадѣ» (ссорѣ) наказывалось легче, нежели убійство, совершенное въ разбоѣ, всегда предполагавшемъ умышленность (ст. 3 и 5 Кар.).

Убійство «на пиру» (въ состояніи опьяненія) приравнивалось убійству въ свадѣ и служило обстоятельствомъ, смягчающимъ вину; убійство, вызванное нанесеннымъ личнымъ оскорбленіемъ, совершенно освобождало отъ наказа-

нія въ виду связаннаго съ оскорбленіемъ сильнаго возбужденія: «Оже кто ударитъ батогомъ... не терпя ли противу тому тнетъ мечемъ, то вины въ томъ нѣтъ» (21 Кар.).

Повидимому, Р. Правдѣ извѣстно было понятіе о необходимой самообороне. Ночного вора можно было убить на мѣстѣ во время совершенія преступленія; но если его удавалось связать, то онъ подлежалъ приведенію «на княжъ дворъ» (38 Акад.).

Съ другой стороны наказаніе усиливалось, напримѣръ, при кражѣ предметовъ изъ закрытаго помѣщенія изъ «хлѣва», изъ клѣти въ противоположность болѣе слабой наказуемости за кражу скота «на полѣ». О повышенной наказуемости убійства въ разбоѣ упоминалось выше.

Что касается соучастія, то указаніе на него мы находимъ въ Р. Пр., но безъ внутреннихъ особыхъ различій: всѣ соучастники карались при кражѣ въ одинаковой мѣрѣ (38 Кар.).

Переходя къ вопросу об ъ отдѣльныхъ преступленіяхъ въ ихъ видовыхъ признакахъ, прежде всего останавливаемся на преступленіяхъ противъ личности. Къ таковымъ прежде всего относятся: а)—противъ жизни—убійство, имѣвшее въ виду только убіеніе свободнаго человѣка. Рабъ виновный, даже чужой, могъ быть убитъ безнаказанно; за убійство безвиннаго раба платилась продажа князю и возмѣщался убытокъ господину. Объ умыслѣ, отягчающихъ и уменьшающихъ вину наказаніяхъ при убійствѣ см. выше. Церковный уставъ Владиміра предусматриваетъ отравленіе—«зелійничество», какъ особый видъ убійства, но наказанія за него не указываетъ. Повышеннымъ двойнымъ наказаніямъ, двойной вирой, было обложено убійство огнищанъ, княжьихъ мужей, тіуновъ; за убійство огнищанина при защитѣ имъ хозяйскаго имущества виновный могъ быть безнаказанно убитъ на мѣстѣ (20 Акад. ср. 21, о конюхѣ у стада).

б) Преступленія противъ тѣлесной непри-

косновенности. Тѣлесныя поврежденія могутъ обладать различной степенью тяжести. Къ легчайшимъ относятся синяки, кровоподтеки, причиняемыя ударами руки или тупыхъ орудій; кровавыя раны, происходящія отъ ударовъ острымъ орудіемъ и, наконецъ, увѣчья, членовредительство, могущее быть причиненнымъ самыми различными способами. Р. Правдѣ извѣстны синяки и кровавыя раны: «Иже придетъ кровавъ мужъ на дворъ или синь... платити 3 гривны продажи». (24 Кар.). Въ данномъ случаѣ слѣдъ удара тупымъ орудіемъ приравнивается ранѣ. Однако, въ 21 ст. того же списка тупой ударъ батогомъ, чашей, рогомъ или тупой стороной меча облагается продажей въ 12 гривенъ и, слѣдовательно, карается тяжелѣе кровавой раны. Полагаютъ, что въ этихъ тупыхъ ударахъ помимо нарушенія тѣлесной неприкосновенности, человѣкомъ разсматриваемой эпохи особенно остро чувствовалось наносимое вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленіе, презрительное отношеніе къ потерпѣвшему. Нанесеніе увѣчья признавалось Р. Правдой тяжкимъ преступленіемъ. За болѣе тяжелыя увѣчья — поврежденіе руки, ноги, глаза, за отсѣченіе носа взималось полувирье, т. е. половина штрафа за убійство (22 Кар.); за болѣе легкія поврежденія, за выбитіе зуба, порваніе бороды и т. п.—12 гривенъ. Любопытную особенность предусматриваетъ договоръ новгородцевъ съ нѣмцами конца XII в. (1195 г.). За ударъ, нанесенный оружіемъ или коломъ мужчинѣ, платилось 6 гривенъ продажи, а за побои, нанесенные женщинѣ, 40 гривенъ. Очевидно и въ послѣднемъ случаѣ повышенно каралось именно оскорбленіе женщины, связанное съ нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности.

в) Преступленія противъ личной свободы. Въ Р. Правдѣ мы находимъ указаніе, что, если господинъ продастъ закупа въ полное холопство, то платитъ за обиду 12 гр. (Кар. 73). Вышеупомянутый договоръ Новгорода съ нѣмцами конца XII в. предусматриваетъ самоуправный арестъ, который, повидимому, имѣетъ въ виду и Р. Правда,

когда говоритъ: «оже утяжутъ въ мукѣ, а посидитъ у дворянина—8 ногатъ». (Кар. 135). Къ этому виду преступленій противъ личности нужно отнести угрозу нанесенія удара мечемъ: «аще вынетъ мечъ, а не тнетъ»... (Акад. 8).

г) Преступленія противъ чести могутъ состоять въ оскорбленіи словомъ и дѣйствіемъ. Первое неизвѣстно Р. Правдѣ, но упоминается въ Церковномъ уставѣ Владиміра: «уреканія три-бляднею, еретичествомъ и зеліи» (наименованіе отравителемъ?); въ Ярославовомъ уставѣ — неприличная брань чужихъ женъ. Оскорбленіе дѣйствіемъ въ большинствѣ случаевъ сливается съ нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности, и примѣры этому въ области древнѣйшаго русскаго права мы видѣли уже при ознакомленіи съ преступленіями послѣдняго рода. Но кромѣ того Р. Правдѣ извѣстно намѣренное толканіе: «аже попхнетъ мужъ мужа къ собѣ либо отъ собѣ». Въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1189 г. находимъ символическое оскорбленіе: сорваніе повойника съ головы чужой жены.

д) Преступленія противъ имущества прежде всего выражаются въ похищеніи такового, что̀ можетъ происходить путемъ кражи — тайнаго похищенія, грабежа и разбоя т. е., явнаго или насильственнаго захвата чужого имущества, при чемъ къ грабежу относятся болѣе легкіе, а къ разбою болѣе тяжкіе его виды. Отдѣльные случаи кражи и грабежа квалифицируются, т. е. наказываются, въ связи съ особыми условіями выполненія, въ повышенной мѣрѣ. Къ преступленіямъ противъ имущества затѣмъ относятся мошенничество — похищеніе чужого имущества посредствомъ обмана, присвоеніе, растрата, ростовщичество, злостная несостоятельность, нѣкоторые виды поврежденія имущества, напримѣръ, поджогъ.

Въ отношеніи похищенія имущества Р. Правда упоминаетъ только татьбу — кражу, указывая ея различныя категоріи; грабежъ, повидимому, здѣсь входитъ въ понятіе татьбы. Подъ именемъ разбоя, какъ было отмѣчено выше,

Р. Правда понимаетъ умышленное убійство. Псковская Суд. Гр. различаетъ кражу, грабежъ, разбой, находъ (насильственное завладѣніе недвижимостью) и облагаетъ два послѣднихъ преступленія высшимъ по сравненію съ татьбою наказаніемъ. Тяжесть кражъ опредѣляется по Р. Правдѣ условной цѣнностью предмета: напримѣръ, за раба, за бобра—платилось 12 гр. продажи, за рогатый скотъ, за пчелъ 3 гр., за нѣкоторыя вещи 60 кунъ [1]). Квалифицированной кражей по Р. Правдѣ кромѣ вышеуказаннаго похищенія раба и бобра являлась коневая татьба, (Кар. 31), т. е., повидимому, профессіональное похищеніе коней, караемое высшей мѣрой наказанія—изгнаніемъ и отнятіемъ всего имущества; простая кража коня наказывалась, какъ похищеніе рогатаго скота. Къ тѣмъ же видамъ татьбы по Р. Правдѣ относилась кража изъ закрытыхъ помѣщеній (хлѣва, клѣти, ямы—склада хлѣба). Псковская судн. гр. квалифицируетъ повтореніе преступленія: третья кража вела къ смерти наравнѣ съ кражей изъ крѣпости «кромской татьбой». Святотатство предусматривается церковными уставами.

Р. Правда не предусматриваетъ мошенничества, но она соединяетъ нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія съ ростовщичествомъ; именно ростовщикъ ничего не получаетъ изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи несостоятельнаго иногородца и идущихъ въ раздѣлъ кредиторамъ. (Кар. 69). Присвоеніе чужихъ денегъ приравнивалось татьбѣ (Кар. 133). Злостный несостоятельный должникъ по усмотрѣнію кредиторовъ могъ быть лишенъ правъ свободнаго человѣка и проданъ въ качествѣ холопа. (Кар. 68). Ср. стр. 126. За поджогъ полагалось по Р. Правдѣ изгнаніе и лишеніе имущества (Кар. 97), по Псков. гр.—смертная казнь. Въ виду отсутствія различія въ правовоззрѣніи эпохи между простымъ возстановленіемъ нарушеннаго права и наказаніемъ за правонарушительное дѣяніе въ Р. Правдѣ признаются преступленіями такія правонарушенія,

[1]) Иначе думаетъ Сергѣевичъ, Лекціи, изд. 1910 г. стр 429 и сл.

которыя мы считаемъ ни неподлежащими карѣ, а лишь влекущими вознагражденіе понесенныхъ потерпѣвшимъ убытковъ: таковы, напримѣръ, поврежденіе межевыхъ знаковъ, порча частнаго имущества—поврежденіе скота, деревьевъ, а также недозволенное пользованіе чужимъ имуществомъ («Аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не прошавъ его»), хотя, нужно замѣтить, недозволенное пользованіе чужимъ имуществомъ въ качествѣ легкаго преступленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстно и дѣйствующему законодательству. Любопытно, что по Р. Правдѣ должникъ, неправильно отрицавшій свой долгъ, долженъ былъ особо платить за это штрафъ «за обиду». (Кар. 44).

е) Преступленія противъ правъ семейственныхъ и половой нравственности. Къ таковымъ прежде всего принадлежатъ: 1) любодѣяніе и 2) прелюбодѣяніе; первое какъ: незаконное сожительство особы, состоящей въ бракѣ, съ лицомъ, несостоявшимъ въ ономъ; второе—какъ незаконное сожительство обѣихъ, состоящихъ въ бракѣ виновныхъ сторонъ. Явственные признаки этихъ преступленій можно у насъ замѣтить лишь со времени принятія христіанства, при чемъ преступленія этого рода вмѣстѣ со всѣми другими, касающимися семейственныхъ отношеній и нравственности, были отнесены въ вѣдомство церкви. Исключеніе составляетъ насиліе надъ женщинами, предусматриваемое въ договорахъ Новгорода и Смоленска съ нѣмцами. Ярославовъ уставъ наказываетъ похищеніе женщинъ и насиліе надъ ними, двоебрачіе, браки въ близкихъ степеняхъ родства, прелюбодѣяніе, злоупотребленіе со стороны родителей въ отношеніи брачной свободы ихъ дѣтей (препятствованіе браку или принужденіе къ нему), противуестественный порокъ. Эти преступленія облагались денежными взысканіями въ пользу церкви и нѣкоторымъ добавочнымъ штрафомъ въ пользу свѣтской власти.

ж) Преступленія противъ церкви возникли у насъ съ введеніемъ христіанства. Церковные уставы предусматриваютъ «зелійничество» (составленіе ядовъ),

«вѣдьство»—волшебство, моленіе въ рощахъ и у воды, ограбленіе труповъ, поврежденіе крестовъ, введеніе собакъ и птицъ въ церковь, употребленіе въ пищу звѣроядины—мяса задавленнаго звѣремъ животнаго—«зубояжа» [1]).

з) Преступленія противъ государства въ цѣломъ и противъ управленія. Въ Р. Правдѣ на политическія преступленія указаній не имѣется, но, судя по лѣтописямъ, уже съ XII ст. въ Новгородѣ существовало понятіе измѣны, дѣянія преступнаго со стороны новгородскихъ гражданъ и выборныхъ чиновниковъ (Владимірскій-Будановъ). Псковская суд. гр. назначала перевѣтнику—измѣннику смертную казнь. Что касается преступленій противъ порядка управленія, то по Р. Правдѣ запрещалось примѣненіе самоуправства въ отношеніи свободныхъ людей (смердовъ, огнищанъ—Кар. 89, 90) безъ разрѣшенія князя. Повидимому, это запрещеніе дѣйствовало тогда, когда обиженный отказывался отъ примѣненія мести и прибѣгалъ къ другимъ видамъ наказанія, нарушая при этомъ судебныя права князя.

Псковская суд. грамота запрещаетъ посадникамъ и судьямъ судить на вѣчѣ, брать взятки, вносить въ судебное рѣшеніе иныя соображенія, кромѣ справедливости («судити право»). И Новгородская и Псковская грамоты ограждаютъ порядокъ во время судопроизводства: Псковская упоминаетъ объ ударѣ, нанесенномъ одной изъ сторонъ другой «передъ господою на судѣ», за что полагалась князю продажа (111). Та же грамота грозитъ дыбой и штрафомъ за физическое или психическое давленіе на судѣ при помощи насильственнаго вопреки закону присутствованія въ мѣстѣ разбирательства друзей и родственниковъ тяжу-

---

[1]) «Зубояжа» въ качествѣ загадочнаго слова имѣетъ и иныя толкованія. См. Грибовскій. «Зубояжа, какъ преступленіе». Вѣстникъ Археологіи, издаваемой Петроград. Археолог. Институтомъ, вып. XVII г. 1906.

щихся (помочь). Въ томъ же смыслѣ Новг. грамота запрещаетъ «наводку».

§ 3. Наказаніе въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ.

Въ настоящее время право наказанія принадлежитъ государству, но древность знала другой порядокъ вещей. Вначалѣ наказаніе обладало вполнѣ частнымъ характеромъ въ томъ смыслѣ, что и выборъ средствъ кары и выполненіе ея всецѣло находится въ распоряженіи потерпѣвшаго.

Древнѣйшая форма наказанія есть самосудъ, месть, удовлетвореніе гнѣва, вызваннаго нарушеніемъ какихъ-либо благъ. Отсюда явствуетъ, что наказаніе имѣетъ психическую основу; стремленіе успокоить возмущенное чувство понесенной обиды, матеріальнаго или психическаго ущерба.

Существованіе мести, при осуществленіи которой тяжесть наказанія соразмѣряется не тяжестью преступленія, а съ настроеніемъ и душевными свойствами мстителя, становится постепенно тягостнымъ для крѣпнущаго государства. Сила государственнаго союза зависитъ отъ его внутренней устойчивости, которая нарушается усобицами, возникающими между отдѣльными лицами и ихъ группами по поводу примѣненія мести, вызывающей въ свою очередь отвѣтныя дѣйствія мщенія.

Это обстоятельство побуждаетъ носителей власти вмѣшиваться въ отношенія между обидчиками и мстителями. Съ другой стороны къ защитѣ и посредничеству власти начинаютъ прибѣгать тѣ изъ обиженныхъ, которые по тѣмъ или другимъ основаніямъ не желаютъ или не могутъ пользоваться правомъ мести. При этихъ условіяхъ возникаетъ наказаніе, налагаемое судебной властью, и самая месть уступаетъ мѣсто различнымъ инымъ взысканіямъ въ томъ числѣ и денежнымъ выкупамъ, которые, впрочемъ, могутъ существовать и при господствѣ мести, обладая вполнѣ част-

нымъ характеромъ и являясь итогомъ частнаго соглашенія между обидчикомъ и обиженнымъ.

Р. Правда упоминаетъ о мести въ нѣсколькихъ статьяхъ. О примѣненіи мести въ разсматриваемую эпоху свидѣтельствуютъ и лѣтописи. Маленькій Изяславъ, наученный матерью, грозилъ местью отцу князю Владиміру на случай убіенія Рогнѣды. Согласно Р. Правдѣ мстить можно не только за убійство, но и за другія преступленія: за нанесеніе ранъ, побоевъ (Акад. 2, 3). Мстить можно было за себя или за близкихъ родственниковъ. Первая статья Русской Правды даетъ перечисленіе мстителей-родственниковъ при совершеніи убійства, но перечисленіе это лишь примѣрное, а не исчерпывающее; мстили въ этомъ случаѣ мужчины: нисходящіе за восходящихъ и обратно, въ боковыхъ—племянники за дядей и за тетокъ, дяди за племянниковъ и племянницъ. Въ эпоху Р. Правды месть уже соединяется съ судебнымъ разбирательствомъ, предшествовавшимъ или послѣдующимъ за актомъ мщенія. Р. Правда упоминаетъ о послѣ-судебной мести. Такъ, статья 2 Акад. списка требуетъ, чтобы окровавленный явился въ судъ для удостовѣренія преступленія и уже только послѣ того, при желаніи, онъ могъ мстить. Согласно лѣтописи на Бѣлоозерѣ въ 1070 г. Янъ Вышатичъ, выяснивъ виновность волхвовъ-убійцъ, объявилъ рѣшеніе обиженнымъ: «мстите своихъ». Изъ этихъ примѣровъ видно, что месть, это исконное учрежденіе, вымираетъ постепенно и вначалѣ продолжаетъ жить рядомъ съ государственной судебной властью. Въ чемъ состояла въ разсматриваемое время месть? Повидимому въ томъ, что виновный предавался на волю произвола мстителя.

Наряду съ послѣ-судебной местью въ Р. Правдѣ упоминаются выкупы, денежная плата вмѣсто мести; этотъ выкупъ, налагаемый (Акад. 1) или въ опредѣленныхъ случаяхъ представляемый усмотрѣнію обиженнаго (Акад. 2) распадался на 2 части: штрафъ въ пользу князя и вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго. Выкупъ, шедшій князю

за убійство, именовался «вирой», за увѣчье—«полувирьемъ», за остальныя преступленія «продажей». Продажа извѣстна и Псковск. Суд. Гр. Потерпѣвшій при убійствѣ получалъ «головничество», въ остальныхъ случаяхъ—«урокъ». Вира не всегда взыскивалась только съ преступника, но иногда и съ общины—верви. Указанное участіе общины могло выражаться въ двухъ видахъ: 1) съ одной стороны вервь являлась нѣкоторымъ страховымъ обществомъ на случай совершенія преступленія членомъ верви убійства «на пиру» или «въ свадѣ». Съ этой цѣлью желающіе могли «вкладываться» въ «дикую (чужую) виру» и изъ складокъ сообща помогать провинившемуся сочлену уплачивать причитавшееся съ него денежное взысканіе; 2) съ другой—община обязательно платила виру, если мертвое тѣло оказывалось на ея территоріи, а община убійцу не искала или не хотѣла его выдать. Высота виры являлась величиной постоянной въ зависимости отъ личности пострадавшаго: средняя цифра за свободныхъ людей была 40 гривенъ, за особо привилегированныхъ 80, за женщину 20 гр.; постоянство замѣчается также въ опредѣленіи продажъ и нѣкоторыхъ уроковъ.

Какъ было указано выше, месть, являвшаяся вначалѣ единственной формой наказанія, постепенно вымирала. Несомнѣнно, что на вымираніе ея вліяло и принятіе христіанства. Какъ то явствуетъ изъ Р. Правды, месть существовала, какъ наказаніе правового характера, еще въ XI в.; а, можетъ быть, она продолжала свое существованіе и позднѣе.

На основаніи 2 ст. Р. Правды позднѣйшихъ списковъ полагаютъ, что право мести было окончательно уничтожено послѣ смерти Ярослава по взаимному соглашенію его сыновей: «По Ярославѣ совокупившеся сынове его... и отложиша убіеніе за голову, но кунами ее выкупати». Однако Сергѣевичъ возбуждаетъ по этому поводу сомнѣніе, утверждая, что значеніе текста далеко не безспорно, и что

подъ отложеніемъ убіенія за голову можно понимать равнымъ образомъ и отмѣну смертной казни. (Лекціи, изд. 1910 г., стр. 394 и слѣд.). И въ самомъ дѣлѣ, приведенный текстъ не представляетъ полной ясности. Если месть была отмѣнена сыновьями Ярослава, то почему же упраздненная статья о ней сохранилась и въ спискахъ древнѣйшихъ, и въ послѣдующихъ, тогда какъ примѣчаніе объ «отложеніи убіенія за голову» Ярославичами не содержится въ нѣкоторыхъ редакціяхъ, напримѣръ, въ спискѣ кн. Оболенскаго; почему, затѣмъ возникаетъ вопросъ, въ Академическомъ нѣтъ указанія на отмѣну убіенія за голову, хотя и упоминается объ «уставленіи правды» сыновьями Ярослава? Наконецъ, развѣ не легче было княжескимъ уставомъ отмѣнить примѣненіе смертной казни органами княжеской власти, нежели повелѣніемъ уничтожить вкоренившійся обычай?

Помимо убіенія преступника по праву мести, смертная казнь примѣнялась въ древнѣйшую эпоху въ отдѣльныхъ случаяхъ и представителями власти. Такъ, при Владимірѣ Св. подъ вліяніемъ духовенства смертная казнь была временно введена за умышленное убійство, но затѣмъ отмѣнена, и законодатель снова возвратился къ стародавнимъ вирамъ. Есть однако лѣтописныя свидѣтельства о примѣненіи казни и въ XII и XIII вв. Именно въ 1224 г. въ Новгородѣ сожгли 4-хъ волхвовъ. Смертная казнь, какъ государственное наказаніе, пролагала себѣ путь подъ воздѣйствіемъ заимствуемаго византійскаго права и усложнявшихся условій общественной жизни съ паденіемъ первобытныхъ патріархальныхъ нравовъ и усиленіемъ власти. Смертная казнь уже узаконена Псковской суд. програм., предусматривающей ее на случай третьей коневой и кромской [1]) татьбы, затѣмъ на случай измѣны и поджога. Есть извѣстіе, что во Псковѣ смертью наказывались также волшебники, именно въ 1411 г. были сожжены 11 вѣщихъ женокъ. (Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, т. II, стр. 98).

[1]) См. выше, стр. 98.

Повидимому, подъ вліяніемъ византійскаго права сложилось упоминаемое Р. Правдой наказаніе—«потокъ и разграбленіе». Подъ этимъ именемъ можно понимать различныя наказанія; такъ, нѣкоторые полагаютъ, что — потокъ это изгнаніе (Сергѣевичъ), а разграбленіе есть отнятіе (конфискація) всего имущества. Другіе подъ словомъ потокъ понимаютъ также лишеніе личныхъ правъ (см. См. Рус. достоп., т. II, стр. 24); къ послѣднему взгляду примыкаетъ Влад. Будановъ.

Древнерусское наказаніе конечно не отвѣчало многимъ требованіямъ, которыя въ настоящее время предъявляются къ государственной карѣ; между прочимъ оно не всегда было индивидуально. Такъ, на потокъ и разграбленіе виновный отдавался съ женой и дѣтьми. Потокъ и разграбленіе назначались за тягчайшія преступленія, за умышленное убійство въ томъ случаѣ, если община не выдавала виновнаго (Кар. 5), за поджогъ (К. 97), за коневую татьбу.

ГЛАВА IV.

Гражданское право.

§ 1. Общія замѣчанія.

Гражданское или частное право не имѣетъ такого нагляднаго отличительнаго признака въ видѣ слѣдующаго за правонарушенемъ наказанія, какъ право уголовное, являющееся отдѣломъ, такъ называемыхъ, публичныхъ правъ. Нарушеніе правилъ гражданскаго права влечетъ за собою возстановленіе нарушеннаго субъективнаго права, но это положеніе является слѣдствіемъ всѣхъ правонарушеній, допускающихъ возстановленіе нарушенныхъ правъ. То обстоятельство, что нарушеніе гражданскихъ правъ вызываетъ весьма часто имущественное вознагражденіе равнымъ образомъ не можетъ быть отличительнымъ признакомъ гра-

жданскаго права по той причинѣ, что имѣется рядъ гражданскихъ правъ, возстановленіе которыхъ при правонарушеніи не соединяется съ имущественнымъ вознагражденіемъ, такъ какъ само нарушенное право не имѣетъ въ указанныхъ случаяхъ имущественнаго матеріальнаго характера. Къ такого рода правамъ относятся многія юридическія отношенія изъ области, такъ называемаго, семейнаго права. Напримѣръ, требованіе совмѣстнаго жительства супруговъ, право воспитанія дѣтей невиновнымъ супругомъ при разводѣ и т. п.

Въ извѣстной мѣрѣ гражданское право можно опредѣлить какъ совокупность юридическихъ нормъ и отношеній, въ предѣлахъ которыхъ личности представляется наибольшій просторъ въ осуществленіи своихъ нуждъ и интересовъ. Предѣлы эти весьма условны и относительны и поддаются не столько теоретически-отвлеченному опредѣленію, сколько практическому выясненію того, что въ данный моментъ дѣйствующимъ правомъ отнесено къ области, такъ называемыхъ, гражданскихъ частныхъ правъ. Всякая болѣе или менѣе развитая правовая жизнь въ области гражданскаго права, какъ родового понятія, различаетъ его виды: права—семейственное наслѣдственное, вещное и обязательственное. Семейственное право имѣетъ въ виду отношенія, возникающія изъ брака лицъ, вступившихъ въ супружество, и отношенія, по общему правилу, рожденныхъ въ бракѣ дѣтей къ родителямъ, и обратно; наслѣдственное право въ области правъ гражданскихъ является какъ бы слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ остальныхъ условій союза семейственнаго, предполагающаго совмѣстное совокупными усиліями членовъ семейства накопленіе имущественныхъ цѣнностей; подъ вещнымъ правомъ разумѣется совокупность нормъ, предоставляющихъ отдѣльному лицу возможность свободнаго распоряженія вещественными объектами права, а обязательственное предусматриваетъ ту же свободу отдѣльнаго лица въ отношеніи объектовъ невещественныхъ—обя-

зательствъ, т. е., выполненія или невыполненія какихъ либо дѣйствій вслѣдствіе взаимныхъ о томъ соглашеній или другихъ основаній.

Особое вниманіе останавливаетъ на себѣ семейственное право, которое обнимаетъ собою совокупность нормъ, касающихся отношеній, вытекающихъ изъ семейнаго союза. Въ свою очередь подъ именемъ семейнаго союза мы разумѣемъ сложный, основанный на правѣ, союзъ супруговъ между собою и союзъ ихъ обоихъ въ качествѣ родителей съ дѣтьми. Супружескій союзъ вытекаетъ изъ такого сожительства мужчины и женщины, за которымъ при опредѣленныхъ условіяхъ признается юридическое значеніе; союзъ родителей и дѣтей основывается на прохожденіи вторыхъ отъ первыхъ, при чемъ за таковымъ происхожденіемъ равнымъ образомъ закрѣпляется сила юридическаго факта.

Къ физическому происхожденію юридически приравнивается принятіе супругами въ составъ семейства на правахъ дѣтей постороннихъ лицъ—усыновленіе.

Юридическимъ условіемъ, сообщающимъ сожительству мужчины и женщины правовой характеръ, является вступленіе въ бракъ, т. е. совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, соблюденіе извѣстныхъ формальностей, съ которыми связываются юридическія послѣдствія.

§ 2. Гражданское право древней Руси.

А. **Семейственное право.**

а) Союзъ мужа и жены. Съ извѣстной степенью достовѣрности можно предположить, что доисторической формой вступленія въ бракъ въ древней Руси было похищеніе женихомъ невѣсты, при чемъ послѣдняя покорялась своей участи и такимъ образомъ возникалъ какъ бы договоръ мирнаго сожительства. Въ эпоху, описываемую

нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ, у радимичей, вятичей и сѣверянъ похищеніе является лишь обрядомъ, удостовѣреніемъ соглашенія брачущихся сторонъ. Лѣтописецъ говорилъ: «схожахуся на игрища, на плясанія и ту умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто свѣщашеся».

Лѣтописецъ отрицаетъ за такой умычкой по соглашенію значеніе брака—«живяху какъ звѣри и браци не бываху у нихъ», но въ этихъ словахъ нужно видѣть личное осужденіе, непризнаніе по существу вполнѣ правовой формы языческаго брака, не соотвѣтствовавшаго воззрѣніемъ болѣе культурнаго и христіански настроеннаго человѣка.

О древлянахъ, отзываясь также отрицательно, лѣтописецъ сообщаетъ, что они умыкали дѣвицъ у воды. Можно думать, что и это было точно также обрядовое похищеніе, и что вода въ этомъ случаѣ играла даже роль нѣкотораго религіознаго священнаго начала. Изъ Посланія митрополита Іоанна конца XII в. видно, что еще и въ это время болота и колодцы являлись священнымъ мѣстомъ: «жрутъ бѣсомъ, болотомъ и колодеземъ». (Русскія достопамятности, т. I, стр. 94). Имѣются свидѣтельства о совершеніи браковъ у простонародія еще въ XII и XIII в.в. безъ церковнаго вѣнчанія простымъ плесканіемъ воды [1]). Брачные обычаи полянъ были ближе міровоззрѣнію лѣтописца; признавая за ними значеніе, онъ говоритъ: «не хожаше зять по невѣсту, по приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче». У полянъ, слѣдовательно, обрядъ похищенія уже вымеръ; родители или родственники сами приводили невѣсту въ домъ жениха, и эти приводимыя жены такъ и назывались водимыя — въ значеніи законныя въ отличіе отъ фактическихъ сожительницъ-наложницъ. Выраженіе «приношаху, что вдадуче» допускаетъ двоякое толкованіе:

[1]) „Яко же еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія, то бояре токмо и князи вѣнчаются, простымъ же людемъ яко именемъ и плесканіемъ разумъ даетъ всякъ". Русск. достоп., т. I, стр. 100.

1) это могло быть приданое невѣсты, о которомъ упоминаетъ Р. Правда (Кар. 107) или 2) это могло быть вѣно, платимый за женъ выкупъ. Извѣстно, что Владиміръ Св. далъ грекамъ за царевну въ качествѣ вѣна Корсунь. Вѣно—цѣна, вѣнити-цѣнити; «не пять ли птицъ вѣнится пѣнязема двѣма», говорится въ древнихъ спискахъ славянскаго Евангелія. Съ принятіемъ христіанства заключеніе брака приняло новыя формы, сложившіяся подъ вліяніемъ различныхъ началъ.

По христіанскому ученію бракъ есть таинство; римское право разсматривало его какъ сдѣлку гражданскаго характера, допускавшую особый договоръ о будущемъ ея выполненіи съ обезпеченіемъ этой второй дополнительной сдѣлки неустойкой. Оба эти элемента вошли въ смѣшанномъ видѣ въ греко-римское брачное право. Византійское законодательство, заимствовавъ указанный добавочный договоръ, придало ему религіозный характеръ, а Императоръ Алексѣй Комненъ сообщилъ кромѣ того дополнительному договору значеніе основного и объявилъ его нерасторжимымъ подобно самому браку. Древнѣйшая русская практика уклонилась отъ точнаго воспроизведенія византійскаго образца. Она воспроизвела въ образѣ обрученія простой римскій дополнительный договоръ гражданскаго характера, а самое совершеніе брака съ его духовнымъ значеніемъ поставила особо; дополнительный брачный договоръ—сговоръ обезпечивался уплатой неустойки—зарядомъ и, рано начавъ облекаться въ письменную форму, получилъ наименованіе рядной записи.

Съ предоставленіемъ церкви права заключенія браковъ, она естественно начала стремиться къ тому, чтобы ввести въ жизнь древней Руси всѣ брачноправовыя каноническія и свѣтскія византійскія постановленія. Однако эти стремленія долгое время не удавалось осуществить не только полностью, но даже въ значительной мѣрѣ.

Такъ, напримѣръ, церковный Уставъ Владиміра запре-

щаетъ браки въ опредѣленныхъ степеняхъ родства; между тѣмъ въ нашей древности вступали въ бракъ въ противность византійскимъ законамъ родственники въ 7-ой и 6-ой степени родства. (Соловьевъ, Исторія т. 3).

Взгляды византійскаго законодательства на законность брачнаго возраста колебались. Прохиронъ установилъ сроки для женщины 12 для мужчины 14 лѣтъ; между тѣмъ у насъ князья женили своихъ сыновей 11 лѣтъ, а дочерей выдавали замужъ даже восьми; византійское право запрещало насильственное безъ согласія брачущихся вѣнчаніе; нашъ церковный Уставъ Ярослава дѣлаетъ въ этомъ отношеніи уступку и наказываетъ родителей насильно выданной замужъ дѣвушки, но только въ томъ случаѣ, если она что либо «сотворитъ надъ собой», т. е. попытается покончить или покончитъ жизнь самоубійствомъ. Но кромѣ того вообще, хотя и въ нестрогой формѣ, церковный бракъ сначала примѣнялся только въ высшихъ классахъ; что же касается простолюдиновъ, то они до конца XIII в., обходились безъ церковнаго вѣнчанія, соблюдая при бракосочетаніяхъ языческіе обряды.

Языческая эпоха допускала многоженство. У князя Владиміра было нѣсколько водимыхъ женъ. Повидимому, вступая въ бракъ женщина подпадала власти мужа. Рогнѣда не хотѣла выходить за Владиміра, «разуть рабынича», т. е. символически выразить ему подчиненіе. Христіанство внесло болѣе равенства въ отношенія обѣихъ сторонъ; сохраненіе супружеской вѣрности, въ видѣ единоженства стало обязательнымъ и для мужа. Въ идеѣ, однако, и въ христіанскую эпоху жена осталась въ подчиненіи мужу, что видно изъ словъ Поученія Владиміра Мономаха: «жену свою любите, но не дайте ей надъ собою власти». Зависимость замужней женщины выражалась между прочимъ въ томъ, что ея личное положеніе опредѣлялось положеніемъ ея мужа; жена князя была княгиня, хотя бы родомъ она принадлежала къ низшему классу, (по преданію — Ольга); жена боярина — боярыня;

попа—попадья и т. д., исключеніе существовало одно; свободный человѣкъ, женившійся на чужой рабынѣ безъ особой оговорки о сохраненіи своей свободы, становился рабомъ.

Что касается имущественныхъ отношеній супруговъ, то въ памятникахъ разсматриваемаго періода на этотъ счетъ имѣются скудныя указанія.

Имущественныя отношенія супруговъ могутъ выражаться въ формѣ: 1) подчиненія имущества жены распоряженію мужа; 2) общности имущества обоихъ супруговъ; 3) полной раздѣльности имущественныхъ правъ каждой стороны.

Какъ были устроены имущественныя отношенія мужа и жены по древне-русскому праву?. На этотъ вопросъ трудно отвѣтить рѣшительнымъ образомъ. Изъ описанія лѣтописцемъ браковъ полянъ и статей Р. Правды (Кар. 103, 107) явствуетъ, что родственники, выдавая женщинъ замужъ, надѣляли невѣстъ нѣкоторымъ имуществомъ—приданымъ, которое приносилось въ бракъ. Кому продолжало принадлежать это имущество послѣ брака? Повидимому, женѣ.

Въ Уставѣ Владиміра упоминается возможность «пошибанія» (спора) между мужемъ и женой о животѣ (объ имуществѣ). Можно думать, что если допускался споръ, то не все имущество находилось въ единоличномъ распоряженіи мужа.

Съ другой стороны по Р. Правдѣ при отдачѣ виновнаго на потокъ и разграбленіе имущество жены конфисковалось на ряду съ имуществомъ мужа, хотя бы она и не являлась виновной. Слѣдовательно, если и была въ одномъ имуществѣ женина часть, то она не разсматривалась самостоятельно существующей, независимой отъ пожитковъ мужа. Такую же двойственность и неопредѣленность можно встрѣтить и въ вопросѣ объ отвѣтственности жены за долги мужа.

По Псковской с. грамотѣ вдова изорника отвѣчала за долги мужа, если она сама и не участвовала въ мужниномъ обязательствѣ (ст. 85); наоборотъ, по договору русскихъ съ

нѣмцами 1270 г. жена платили долгъ мужа только въ томъ случаѣ, если ручалась за него. Впрочемъ, можетъ быть въ договорѣ 1270 г. мы встрѣчались съ особымъ ограниченіемъ общаго начала въ примѣненіи его къ нѣмцамъ. По проекту упомянутаго договора, составленному нѣмцами, незаплатившій долга лишался въ духѣ Р. Правды свободы вмѣстѣ съ дѣтьми. (О договорѣ 1270 г. см. того же имени сочиненіе Андреевскаго, стр. 32, 33. Ср. также Р. Правды стр. 69 о долгѣ).

Изслѣдованіе русскаго бракоразводнаго права, въ строгомъ смыслѣ слова, можетъ быть производимо лишь съ принятіемъ русскими славянами христіанства. Что касается древнѣйшей языческой эпохи, то, вообще при существованіи многоженства и наложничества, при преобладаніи власти мужа (намѣреніе Владиміра Св. убить Рогнѣду) говорить объ особой крѣпости брачныхъ узъ не приходится.

Изъ позднѣйшихъ памятниковъ мы узнаемъ, что церковь еще въ XII и XIII вѣковъ боролась съ своевольнымъ отпущеніемъ жены: «Аже пуститъ бояринъ великъ жену безъ вины», говоритъ церковный Уставъ Ярослава (ст. 3); въ Посланіи митрополита Іоанна читаемъ:«Иже поимаются безъ благословленія сочтаніе, и жены отмѣняются и своя жены пущаютъ и прилѣпляются инѣмъ». (Рус. Дост. т. I, стр 94).

По ученію христіанской церкви бракъ можетъ быть растрогнутъ исключительно только въ силу прелюбодѣянія. Византійское свѣтское право, однако, упорядочивая широкую свободу въ этомъ отношеніи господствовавшаго ранѣе римскаго права, искусственно увеличило число поводовъ развода христіанскаго брака. Эклога и дополняющій ее въ данномъ отношеніи Прохиронъ указываютъ слѣдущіе поводы развода: 1) продолжительное безвѣстное отсутствіе супруга; 2) неспособность мужа, 3) заразительная болѣзнь, проказа; 4) явное прелюбодѣяніе одной изъ сторонъ; 5) вѣроятное предположеніе прелюбодѣянія (жена пьянствуетъ съ чужими мужчинами, моется съ ними въ банѣ, ночуетъ внѣ дома и

не у родителей); 6) посѣщеніе женой театровъ и цирковъ—зрѣлищъ, осуждаемыхъ церковью въ качествѣ языческихъ и потому бѣсовскихъ); 7) разныя преступленія, совершаемыя однимъ супругомъ въ отношеніи другого: покушеніе на жизнь, ложное обвиненіе мужемъ въ прелюбодѣяніи, торгъ честью жены; 8) государственная измѣна, совершаемая одной изъ сторонъ при невѣдѣніи того другой.

Въ разсматриваемую эпоху конечно не всѣ указанные поводы развода находили себѣ примѣненіе въ русской жизни. Не говоря уже о томъ, что у насъ, напримѣръ, не было цирковъ и театровъ [1]), сами наши церковные уставы (Уставъ Ярослава) не упоминаютъ о мытьѣ въ банѣ, о торгѣ честью жены и о ложномъ обвиненіи въ прелюбодѣяніи. Зато по сходству съ положеніемъ византійскаго права о государственной измѣнѣ Уставъ Ярослава создаетъ русскій поводъ къ разводу: участіе одного изъ супруговъ безъ вѣдома другого въ кражѣ запертыхъ въ клѣти вещей или товара, а также знаніе о предполагаемой церковной кражѣ. Какъ было указано выше, правила о разводахъ греко-римскаго права прививались къ жизни очень туго и ихъ внѣдреніе въ послѣднюю относится уже къ московскому періоду. Бракоразводныя дѣла Уставомъ церковнымъ Владиміра были предоставлены вѣдѣнію духовныхъ судовъ; изъ Устава же Ярослава можно заключить, что епископъ и князь казнили, наказывали, и, слѣдовательно, вмѣшивались въ расторженіе брака въ томъ только случаѣ, если мужъ отпускалъ жену безъ вины, и тогда онъ долженъ былъ кромѣ уголовнаго штрафа платить женѣ, «за соромъ» въ зависимости отъ ея общественнаго положенія (Уст. Ярослава ст. 3).

б) Союзъ родителей и дѣтей. Изъ источниковъ можно заключить, что въ разсматриваемую эпоху дѣти

[1]) Хотя Уставъ Ярослава говоритъ о хожденіи жены „по игрищамъ“, но таковыя у насъ однако имѣли своеобразный характеръ.

находились въ полной личной и имущественной зависимости прежде всего отъ отца. Изъ того обстоятельства, что князья женили своихъ сыновей 11 лѣтъ, а дочерей выдавали замужъ даже 8 (Соловьевъ, Исторія Россіи т. III, стр. 677, 678) [1]), видно, что отцы по усмотрѣнію распоряжались судьбами малолѣтнихъ дѣтей; но, повидимому, то же отношеніе сохранилось и къ взрослымъ: «на Ольговичей пойдемъ и съ дѣтьми», отвѣчали кіевляне, отказываясь выступить въ походъ противъ Юрія Долгорукаго. По Р. Правдѣ дѣти отдавались за вину отца вмѣстѣ съ нимъ на разграбленіе; нужно думать конечно, если они жили вмѣстѣ съ отцомъ, не выдѣлясь; значитъ, ихъ имущество не мыслилось отдѣльнымъ отъ отцовскаго; отцы имѣли право продавать дѣтей въ рабство, и только Судебникъ Іоанна IV запретилъ отцу-рабу продавать свободныхъ дѣтей. Послѣ смерти отца въ права его вступала мать, которая распоряжалась оставшимся имуществомъ и властвовала въ этомъ смыслѣ надъ дѣтьми, покорявшимися ея волѣ (Р. Правда Кар. 113). Двоевластіе въ семьѣ, предполагаемое Неволинымъ, при жизни отца при тяжеломъ зависимомъ положеніи женщины въ это время трудно допустить (Сергѣевичъ). Въ языческую эпоху законныя, происшедшія въ бракѣ, дѣти не строго отличались отъ незаконныхъ. Владиміръ былъ рабиничъ—сынъ рабыни отъ Святослава, что не помѣшало ему быть княжичемъ и занять сперва Новгородскій, а потомъ Кіевскій столъ. Съ принятіемъ христіанства взгляды должны были перемѣниться, но это произошло не сразу. Повидимому, подъ вліяніемъ византійскаго права Р. Правда отстраняетъ рабиничей отъ наслѣдства, предоставляя имъ съ матерью свободу послѣ смерти отца (Кар. 110). Но съ другой стороны по Уставу князя Всеволода XIII в. робичичи (рабиничи) получали свою указную часть. По Псковской суд. гр. взрослыя дѣти обязаны были кормить отца и мать до смерти;

[1]) Изд. „Общественной Пользы“.

не исполнявшія этого требованія лишались наслѣдства (ст. 53).

в) Опека состоитъ въ представленіи личности малолѣтняго сироты, въ заботахъ о немъ и распоряженіи имуществомъ опекаемаго въ интересахъ послѣдняго. Объ опекѣ русской во времена языческія лѣтописи сохранили очень скудныя данныя. Извѣстенъ случай опеки по завѣщанію: Рюрикъ, умирая, передалъ на попеченіе родственника—Олега, своего малолѣтняго сына Игоря. Въ эпоху Р. Правды, если по смерти отца оставалась въ живыхъ мать, никакого опекуна не требовалось; вопросъ объ опекѣ возникалъ лишь тогда, когда мать или умирала, или выходила вторично замужъ. Въ этомъ случаѣ по общему правилу опекуномъ назначался кто либо изъ близкихъ родственниковъ, но въ случаѣ второго замужества вдовы опекуномъ могъ быть и вотчимъ (Кар. 111 и 112). Опека продолжалась до тѣхъ поръ, пока опекаемые не достигали возраста, дававшаго имъ возможность лично распоряжаться имуществомъ—«доколѣ же возмогутъ». Опекунъ изъ ближнихъ родственниковъ принималъ движимое имущество при свидѣтеляхъ—«при людяхъ» и долженъ былъ вернуть все въ цѣлости съ приплодомъ отъ рабовъ и животныхъ. Но та прибыль, которую опекунъ могъ получить, пуская въ оборотъ товаръ или деньги, шла въ его пользу въ качествѣ вознагражденія за труды по опекѣ. Убытки, причиненные опекуномъ, подлежали возмѣщенію съ его стороны. Если опекуномъ брался быть отчимъ, онъ подчинялся тѣмъ же правиламъ, какъ и опекунъ изъ ближнихъ родственниковъ, но, повидимому, могъ выговорить себѣ особыя условія вознагражденія, не затрогивающія однако правъ младшаго сына на нераздѣльное владѣніе дворомъ.

«Аще же отчимъ приметъ съ задницей дѣтей, то такожде есть рядъ, якоже рядилъ, говоритъ по этому поводу Р. Правда; а дворъ безъ дѣлу отень всякой меньшому сыну» (Кар. 112). Впрочемъ статья эта сложная; ее различно толкуютъ Сергѣевичъ (Лекціи), Владимірскій-

Будановъ (Обзоръ исторіи русскаго права) и Загоровскій (Курсъ семейнаго права). Обязательство отчима возмѣстить происшедшіе по его винѣ убытки опекаемымъ переходило на его собственныхъ дѣтей—сводныхъ братьевъ (Кар. 115). Такое же обязательство возмѣщенія убытковъ лежало на матери-вдовѣ, обѣщавшей оставаться вдовой, но растратившей дѣтское имущество и вышедшей замужъ. Р. Правда говоритъ по этому поводу: «Аще жена оборчется сидѣти по мужѣ, а растеряетъ добытокъ и пойдетъ замужъ, то платити ей все дѣтемъ» (Кар. 113). Полагаютъ, что статьи Р. Правды объ опекѣ сложились подъ вліяніемъ византійскаго права, главнымъ образомъ Эклоги (Сергѣевичъ, Загоровскій).

Б. **Наслѣдственное право.**

Общія замѣчанія. Наслѣдованіе раздѣляется на два вида: 1) наслѣдованіе по завѣщанію, когда наслѣдникъ назначается самимъ наслѣдодателемъ по его усмотрѣнію и 2) наслѣдованіе по закону, когда наслѣдникъ опредѣляется въ законѣ установленнымъ порядкомъ независимо отъ воли оставляющаго наслѣдство. Эпохѣ Р. Правды и Псковской суд. грамоты извѣстны оба порядка.

а) Наслѣдованіе по завѣщанію. «Аже кто, умирая, раздѣлитъ домъ дѣтемъ своимъ на томъ же стояти: паки ли безъ ряду умретъ, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого дати часть по души», говоритъ Р. Правда (Кар. 105).

Редакція первой части приведенной статьи, различно читаемая въ нѣкоторыхъ спискахъ (напримѣръ: раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ. Троиц. 87) даетъ поводъ предположить, что и въ завѣщательномъ порядкѣ наслѣдодатель былъ стѣсненъ въ своихъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ кругомъ обязательныхъ наслѣдниковъ-дѣтей, которыхъ якобы устранить нельзя. Точное пониманіе приведенной 105 ст. Кар. списка однако не позволяетъ сдѣлать такого вывода.

Указанная статья говоритъ о завѣщательномъ раздѣ-

леніи дома между своими дѣтьми, что̀ предполагаетъ возможность раздѣленія имущества и не между своими дѣтьми, т. е. вообще между людьми чужими. Это предположеніе подтверждаетъ текстъ разсматриваемой статьи, находящейся въ спискѣ XIII вѣка (Русскія достопамят., ч. I, стр. 44), въ которомъ значится: «Аже кто, умирая, раздѣлитъ домъ, на томъ же стояти», «паки ли безъ ряду умретъ, то все дѣтямъ». Въ этомъ текстѣ не имѣется никакихъ указаній на своихъ дѣтей, чѣмъ представляется наслѣдодателю полная свобода дѣйствій, подтверждаемая второй частью статьи, гдѣ, въ случаѣ отсутствія завѣщанія, все идетъ дѣтямъ. Такая же свобода завѣщательныхъ распоряженій принадлежала и матери: «А матерня часть дѣтемъ не надобѣ, но кому мати восхощетъ, тому и дастъ», гласитъ Р. Правда (Кар. 114). При этомъ необходимо замѣтить, что подъ именемъ дѣтей при надѣленіи наслѣдствомъ, Р. Правда, повидимому, понимаетъ дѣтей мужского пола—сыновей. «Матерня часть дѣтямъ не надобѣ», гласитъ вышеуказанная 114 ст., которую дополняетъ 116: «А матери, который ей сынъ будетъ перваго ли мужа или другого, тому же дастъ все; аще ли и всѣ сынове ее будутъ лиси, и дщери можетъ дать, кто ю кормитъ». Согласно этой ст. въ связи съ первой, на матери не лежитъ обязательство завѣщать имущество дѣтямъ-сыновьямъ, а одному какому либо сыну или дочери, если всѣ сыновья лиси, т. е. ей не угодили. Завѣщаніе по Р. Правдѣ именуется «рядомъ», Псковская суд. гр. называетъ его «порядной», «рукописаніемъ», чѣмъ указывается, что въ Псковѣ распространенной формой завѣщанія былъ письменный о томъ актъ. Этотъ актъ утверждался положеніемъ его въ ларь (архивъ) центральной церкви Пскова—Св. Троицы. Однако, наряду съ Р. Правдой, предусматривающей словесныя завѣщанія («безъ языка ли умретъ»... Кар. 114), о нихъ говорить и Пск. гр., утверждая распоряженія наслѣдодателя, хотя бы «рукописанія не было», (ст. 100).

б) Наслѣдованіе безъ завѣщанія. Наслѣдство, переходящее безъ завѣщанія, именуется по Р. Правдѣ «задницей» или «статкомъ», по Псковской гр. — «отморшиной», «выморшиной».

Различаютъ наслѣдниковъ въ нисходящей линіи—дѣтей; восходящей — родителей; боковыхъ линій — братьевъ и сестеръ; и наконецъ—наслѣдованіе супруговъ.

Что касается наслѣдованія нисходящихъ, то Р. Правда даетъ о нихъ нѣсколько пеструю картину и содержитъ въ себѣ противорѣчивыя статьи. Такое обстоятельство можетъ быть, повидимому, объяснено борьбой древнѣйшаго обычнаго русскаго права съ византійскими наслоеніями, появившимися съ передачей послѣ принятія христіанства дѣлъ о наслѣдованіи въ вѣдомство церкви. Согласно ст. 107 Р. Правды (Кар. списокъ) сестра при братьяхъ не наслѣдница; братья лишь обязуются выдать ее замужъ въ соотвѣтствіи съ ихъ имущественной состоятельностью; женщины допускаются, если нѣтъ мужчинъ: на основаніи 103 ст. (Кар.) послѣ смерти смерда незамужнія дочери получали свою часть, но только при отсутствіи наслѣдниковъ мужского пола (оже смердъ умретъ безъ дѣти)... «оже будутъ у него дщери дома, то даятъ часть на ня»; за выдѣленіемъ этой шедшей на дочерей части—остальное имущество покойнаго смерда признавалось выморочнымъ. Подъ смердомъ въ данномъ случаѣ, между прочимъ, можно понимать не только сельскихъ жителей, но и вообще подданныхъ князя, за исключеніемъ бояръ и членовъ боярскихъ дружинъ. Въ имуществѣ этихъ послѣднихъ за отсутствіемъ дѣтей—сыновей наслѣдовали дочери, и при нихъ выморочность наслѣдства не открывалась: «А иже въ боярехъ или въ боярской дружинѣ, то за князя не идетъ; но иже не будетъ сыновъ, а въ дщери возьмутъ» (Кар. 104).

При открытіи наслѣдства въ порядкѣ закона домъ безраздѣльно шелъ въ пользу младшаго сына (Кар. 112). По общему правилу наслѣдовали подъ вліяніемъ христіанскаго

начала законныя дѣти; дѣти рабыни отъ господина получали послѣ смерти отца лишь свободу вмѣстѣ съ матерью; правило это однако знало исключеніе (см. выше объ указной части робичича по Уставу вел. князя Всеволода о церковныхъ судахъ. Впрочемъ, эту часть можно разсматривать какъ имущественное обязательство, вытекающее изъ деликта-преступленія).

По Псковской гр. дѣти являются законными наслѣдниками. Нужно ли въ данномъ случаѣ подъ именемъ дѣтей понимать только сыновей, какъ въ Р. Правдѣ,—неясно, но изъ того, что касающіяся нисходящихъ статьи грамоты говорятъ о сыновьяхъ (ст. 53, 94, 95), можно предположить, что подъ дѣтьми подразумѣваются именно дѣти мужского пола. Изъ сыновей наслѣдуютъ только тѣ, которые не выдѣлились въ особое хозяйство при жизни отца или матери и остались дома (ст. 53), помогая родителямъ въ пропитаніи. Грамота предусматриваетъ возможность совладѣнія полученнымъ братьями наслѣдствомъ безъ дѣлежа.

Наслѣдованіе восходящихъ. Таковое предусматриваетъ Псковская судная гр.: родители имѣютъ право требовать платье, оставшееся послѣ умершаго супруга, ихъ сына или дочери (90).

Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ. Р. Правда умалчиваетъ о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ; путемъ косвенныхъ соображеній однако можно предположить, что такое наслѣдованіе не противорѣчило правовымъ воззрѣніямъ эпохи, хотя нѣкоторые ученые замыкаютъ, пользуясь молчаніемъ Р. Правды, кругъ законныхъ наслѣдниковъ у смердовъ сыновьями, у бояръ же и дружинниковъ вообще нисходящими (Неволинъ, Влад. Будановъ). Въ противность такому взгляду кіевляне въ 1146 г. не захотѣли признать Игоря брата Всеволода Ольговича своимъ княземъ, не желая переходить къ нему какъ бы по наслѣдству: «аки въ задници». Новгородецъ Климентъ въ своей духовной XIII в. пишетъ, что онъ составилъ завѣщаніе по той причинѣ, что

у него не было ни сына ни брата; значитъ, если бы у него имѣлись сынъ или братъ, то существовали бы законные наслѣдники, первый по прямой, а второй въ боковой линіи. Псковская грамота непосредственно упоминаетъ въ качествѣ законныхъ наслѣдниковъ брата, сестру и иное племя. (86, 90).

Наслѣдованіе супруговъ. По Р. Правдѣ въ общемъ порядкѣ супруги не наслѣдуютъ другъ другу; по смерти одного изъ супруговъ другой пожизненно пользуется всѣмъ имуществомъ; въ опредѣленныхъ случаяхъ, однако, жена получаетъ изъ наслѣдства нѣкоторую часть, которая можетъ быть ей или завѣщана мужемъ («а что на нее мужъ возложилъ, тому она госпожа» (Кар. 106), или выдѣлена при раздѣлѣ дѣтей («аще жена сядетъ по мужи, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть» (тамъ же). Помимо указанной части въ остальномъ наслѣдствѣ въ раздѣлѣ его вдова не участвуетъ («задница ей мужня не надобѣ») — за выдѣломъ вдовьей части дѣлежъ наслѣдства происходитъ между сыновьями. Если же вдова обяжется не выходить замужъ и оставаться во главѣ семьи, то она распоряжается семейнымъ имуществомъ, и повода къ раздѣлу наслѣдства не открывается: «Аще жена оборчется (обречется?) сидѣти по мужѣ... не хотѣть ли ея начнутъ дѣти ни на дворѣ, а она начнетъ всяко сидѣти восхощетъ съ дѣтьми, то сотворитъ всяку волю ея, а дѣтямъ не дати воли; но что ей далъ мужъ съ тѣмъ же ей и сидѣти съ дѣтьми, или, свою часть вземше, сидитъ же». Слѣдовательно, если бы даже сыновья захотѣли дѣлиться противъ воли оставшейся въ живыхъ матери, они выполнить этого не могутъ; она же или пользуется своей частью совокупно съ остальнымъ имуществомъ съ сыновьями совмѣстно, или, взявъ ее въ свое личное распоряженіе, управляетъ остальнымъ наслѣдствомъ.

О томъ, что мужъ послѣ смерти жены пользуется ея имуществомъ, и что до его кончины для дѣтей наслѣдова-

ніе въ смыслѣ раздѣла не открывается, можно заключить изъ слѣдующаго текста Р. Правды (Кар. 106): «будутъ ли дѣти, то что первой жены, то возьмутъ дѣти матери своей, любо си на жену будетъ возложилъ, обаче матери своей возьмутъ». Для сводныхъ дѣтей отъ перваго брака наслѣдство открывается въ имуществѣ матери лишь по смерти отца. По Псковской суд. гр., если одинъ изъ супруговъ умиралъ безъ завѣщанія, другой пользовался пожизненно оставшимся послѣ наслѣдодателя недвижимымъ и движимымъ имуществомъ (ст. 88, 89). Изъ движимостей жены мужъ обязанъ былъ выдать наслѣдникамъ ея лишь платье (90).

в) Судьба выморочнаго имущества. По Р. Правдѣ выморочное имущество именуется «беззадница», «безатщина». Какъ было указано выше [1]), безатщина открывается послѣ смерти смерда въ томъ случаѣ, если у него не оставалось сыновей; смердья беззадница шла князю (Кар. 103) [2]): послѣ бояръ наслѣдство признавалось выморочнымъ, тогда, если не оставалось налицо ни сыновей (Кар. 106), ни дочерей; повидимому, при этомъ условіи оно тоже шло князю. Безатщина членовъ боярской дружины переходила боярину, а церковныхъ людей (состоявшихъ въ вѣдомствѣ церкви)—епископу. (Церк. Уставъ Ярослава).

г) Обязанности, вытекавшія изъ принятія наслѣдства. Вмѣстѣ съ принятіемъ наслѣдства на наслѣдниковъ переходила обязанность платить по лежавшимъ на умершемъ обязательствамъ. Согласно 115 ст. (Кар.) Р. Правды, если оставались дѣти одной матери, но отъ двухъ мужей, то на дѣтей второго мужа переходило обязательство возмѣстить дѣтямъ перваго мужа все то, что было растрачено изъ наслѣдства ихъ отца отчимомъ. Изъ имущества умершаго безъ завѣщанія церковь получала «часть» (Кар. 105). По Псковской грамотѣ, кто принималъ наслѣд-

---

[1]) Стр. 118.

[2]) Ср. Лешковъ. Русскій народъ и государство, стр. 157.

ство («за животъ поимается»), тотъ платилъ долги умершаго (86).

В. **Вещное право.**

а) Общія замѣчанія. Содержаніе вещнаго права заключается въ юридическомъ господствѣ лица надъ отдѣльными предметами. Господство это можетъ быть полное, доходящее при извѣстныхъ условіяхъ до возможности уничтожать вещь или вообще распоряжаться ея судьбою по усмотрѣнію. Такое полное господство надъ вещью именуется правомъ собственности.

Затѣмъ опредѣленное лицо можетъ пользоваться вещью безъ права ея уничтоженія, измѣненія судьбы, но тѣмъ не менѣе въ полномъ объемѣ; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ, такъ называемымъ, правомъ владѣнія. И, наконецъ, лицу предоставляется пользованіе вещью лишь въ какомъ либо опредѣленномъ отношеніи, каковое уполномочіе носитъ названіе права на чужую вещь или сервитута (права участія частнаго). Собственность на вещи пріобрѣтается первоначальными способами, когда она впервые возникнетъ, напримѣръ, захватъ дикаго животнаго и производными, когда собственность, уже возникшая въ однѣхъ рукахъ, путемъ тѣхъ или другихъ юридическихъ основаній переходитъ въ другія руки (купля-продажа, мѣна, дареніе и т. п.). Собственность можетъ быть пріобрѣтена также посредствомъ давности, т. е. владѣнія вещью при соблюденіи опредѣленныхъ правомъ условій въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока.

б) Вещное право древнѣйшаго періода. Р. Правда различаетъ собственность и владѣніе только въ отношеніи движимыхъ вещей. Это явствуетъ изъ того, что собственникъ украденой вещи могъ требовать возвращенія ея отъ всѣхъ хотя бы и добросовѣстныхъ владѣльцевъ (Кар. 29, 33).

Въ томъ же смыслѣ, повидимому нужно понимать ст. 46

и 56 Псковской грамоты, согласно которымъ добросовѣстный владѣлецъ украденой вещи возвращалъ таковую, но не платилъ сверхъ того никакого штрафа. Псковская грамота отмѣчаетъ кромѣ того различіе собственности и владѣнія въ отношеніи недвижимостей.

Грамота говоритъ о пожизненномъ владѣніи, называя его кормлею (ст. 72, 88).

Въ Новгородской суд. грамотѣ содержится различіе между охраной нарушенной собственности и охраной нарушеннаго владѣнія. Именно ст. 10 предписываетъ при «наѣздѣ»—завладѣніи чужой землей сперва давать судъ о самомъ наѣздѣ—нарушеніи владѣнія, а потомъ «о землѣ»—о правѣ собственности на землю. Слово собственность древнѣйшему періоду неизвѣстно; оно замѣнялось описательными выраженіями: «своя земля», позднѣе говорилось купить «въ прокъ» «въ дернь».

Въ литературѣ возникали споры о формахъ землевладѣнія въ древнѣйшей Руси: одни полагали, что собственность земельная имѣла родовой характеръ, другіе обрисовывали ее въ видѣ общиннаго землевладѣнія. Источники не сохранили никакихъ указаній на существованіе въ разсматриваемомъ періодѣ общинной земельной собственности, съ которой не надо смѣшивать общей собственности нѣсколькихъ лицъ—совладѣнія. Таковоое существовало въ Псковѣ, при чемъ указанные совладѣльцы, именовались «сябрами». Но если источники не сохранили извѣстій объ общинной собственности, то равнымъ образомъ они молчатъ и о родовой, существованіе которой можетъ относиться ко временамъ доисторическимъ. Р. Правда предусматриваетъ случай, когда «братья растяжутся о задницѣ». Подобнаго рода споръ влекъ за собой раздѣлъ имущества движимаго и недвижимаго; только отцовскій дворъ шелъ безъ дѣлежа младшему сыну. Но если братья не дѣлились, не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ раздѣла наслѣдства и продолжали жить вмѣстѣ, то въ итогѣ все-таки являлась не

родовая, не общинная, а общая собственность, подобная совладѣнію псковскихъ сябровъ. Если родовая собственность могла относиться ко временамъ доисторическимъ, то общинная въ свою очередь есть явленіе позднѣйшаго времени, московскаго времени, приблизительно эпохи закрѣпощенія крестьянъ.

Г. **Обязательственное право.**

а) Общія замѣчанія. Въ отличіе отъ вещныхъ правъ, гдѣ управомоченному предоставляется юридическая возможность распоряженія и владѣнія вещами, подъ обязательствомъ разумѣется такое юридическое отношеніе, въ которомъ одному лицу присваивается право на дѣйствіе другого. Обязательства возникаютъ главнымъ образомъ изъ взаимнаго соглашенія двухъ или болѣе договаривающихся сторонъ: однако они могутъ возникать и по поводу совершенныхъ преступленій или изъ требованій самаго закона. Договоръ по преимуществу представляетъ собою соглашеніе воли относительно правъ на чужія дѣйствія, соединенныя съ имущественнымъ интересомъ. Въ настоящемъ случаѣ мы подвергаемъ разсмотрѣнію вообще только договорные обязательства и притомъ имущественнаго характера.

Содержаніе имущественнаго договора имѣетъ цѣлью установить право на опредѣленное чужое дѣйствіе; но такъ какъ исполненіе обязательства зависитъ отъ доброй воли обязавшагося и безусловныхъ способовъ понужденія его къ выполненію обязательства не существуетъ, то прибѣгаютъ къ особымъ пріемамъ обезпеченія договоровъ. По существу своему эти способы обезпеченія обладаютъ тоже договорнымъ характеромъ и являются собственно побочными дополнительными договорами по отношенію главныхъ. Такими побочными договорами являются поручительство, залогъ (при займѣ), неустойка, задатокъ при куплѣ-продажѣ и наймѣ имуществъ или личныхъ услугъ. Къ числу главныхъ договоровъ имущественнаго характера помимо указанныхъ

займа, купли-продажи и найма относятся еще мѣна, ссуда, отличающаяся отъ займа тѣмъ, что требуетъ возвращенія не эквивалента, а самой ссужаемой вещи; поклажа—отдача на сохраненіе; товарищество—взаимное соединеніе личныхъ и имущественныхъ силъ для достиженія какой либо цѣли. Для дѣйствительности своей договоръ требуетъ не только наличности воли обѣихъ сторонъ, но кромѣ того направленія ея именно на предметъ соглашенія. Ошибка, принужденіе, обманъ въ различной степени нарушаютъ и даже уничтожаютъ правовое значеніе договора.

б) Обязательство въ древне-русскомъ правѣ. По поводу древне-русскаго обязательства существуетъ взглядъ, согласно которому въ опредѣленныхъ случаяхъ при заключеніи нѣкоторыхъ договоровъ при установленіи правъ на дѣйствія обязаннаго лица возникало вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразное вещное право и на самую его личность. Согласно такому взгляду договоръ займа влекъ за собой установленіе права вѣрителя на личность должника, какъ на естественный залогъ, обезпечивающій точнѣе выполненіе главнаго обязательства. (Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 335, 488 изд. 1888 г.). При такомъ взглядѣ на договоръ займа по мнѣнію однихъ (Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи) всякая несостоятельность, а по мнѣнію другихъ (Влад.-Будановъ) вполнѣ безнадежная несостоятельность влекли за собою долговое рабство. Мнѣніе это опирается на слѣд. статьи Р. Правды (50 и 51 Троицкаго и 68—69 Карамзинск. списковъ. «Аже который купецъ, гдѣ либо шедъ съ чужими кунами, истопиться, либо рать возьметъ, ли огонь то не насилити ему ни продати его; но како начнетъ отъ лѣта платити, тако же платити, за не же пагуба отъ Бога есть, и не виноватъ есть; аже ли пропьется или пробиется, а въ безумьи чужъ товаръ испортитъ, то како любо тѣмъ, чіи то товаръ, ждутъ ли ему, а своя имъ воля, продадятъ ли, и своя имъ воля». (Ст. 50 Тр. и ст. 68 Кар.).

Согласно ст. 51—69, «Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ господь (гость) изъ иного города или чужеземецъ, и не вѣдая, запуститъ зань товаръ, а опять начнетъ не дати гостю кунъ, а первые должницы занимати ему начнутъ, не дадучи кунъ, то вести и на торгъ и продати и отдати же первое гостеви куны, а домашнимъ, что ся истанетъ кунъ, тѣмъ ся подѣлятъ; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны переже взяти».

Изъ этихъ статей на первый взглядъ какъ бы съ очевидностью выступаетъ, что несостоятельный должникъ продается въ рабство. Выводъ этотъ въ послѣднее время былъ, однако, основательно оспоренъ проф. Удинцевымъ (Исторія займа, стр. 134 и слѣд.), который на основаніи сопоставленія источниковъ пришелъ къ тому заключенію, что приведенныя статьи являются болѣе поздними по происхожденію въ сравненіи съ краткой Правдой и что ими предусматривается не заемъ, а особая сдѣлка изъ области торговыхъ отношеній, именно—покупка въ кредитъ при условіи нарушенія должникомъ предполагаемаго особаго довѣрія кредитора. Проф. Удинцевъ возбуждаетъ также основательное сомнѣніе въ правильности господствующаго толкованія выраженій приведенныхъ текстовъ Правды: «продадятъ ли» «вести на торгъ и продати», указывая, что слово «продать» въ источникахъ означаетъ не продажу въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а обращеніе взысканія на имущество должника. Косвенно мнѣніе проф. Удинцева подтверждается и наименованіемъ «продажей» имущественныхъ взысканій съ виновныхъ въ пользу князя при совершеніи ими опредѣленныхъ преступленій. («Оже будутъ холопи татіе... ихъ же князь продажею не казнитъ»). Требованіе приведенія должника купца на торгъ (ст. $^{51}/_{69}$) могло быть вызываемо интересомъ большаго удобства оцѣнки его имущества, состоявшаго въ товарѣ, со стороны свѣдущихъ лицъ.

Равнымъ образомъ проф. Удинцевъ опровергаетъ поддерживаемое проф. Владимірскимъ-Будановымъ и проф.

Ясинскимъ мнѣніе, будто бы закупничество Р. Правды покоилось на договорѣ займа, обезпеченномъ самозакладомъ должника, превращавшагося такимъ образомъ въ неполнаго холопа. Проф. Удинцевъ полагаетъ, что нѣтъ основаній строить догадки о существѣ закупничества, когда сама Р. Правда именуетъ закупа наймитомъ. Попытка проф. Ясинскаго [1]) обосновать закупничество въ качествѣ договора займа съ самозакладомъ должника при помощи толкованія статей Р. Правды на основаніи данныхъ русско-литовскаго права остроумна, но сомнительна съ методологической точки зрѣнія, такъ какъ трудно толковать русскій правовой матеріалъ XIII в. посредствомъ сближенія его съ литовско-русскимъ правомъ XVI в., упуская различіе сравниваемыхъ предметовъ какъ во времени, такъ и мѣстѣ ихъ образованія и существованія. Указанныя соображенія какъ въ отношеніи толкованія статей Р. Правды о несостоятельности какъ источникѣ рабства, такъ и пониманія закупничества въ смыслѣ обезпеченнаго самозалогомъ займа приводятъ къ тому заключенію, что личное начало въ заемномъ и наемномъ обязательствахъ Р. Правды является весьма сомнительнымъ.

Различные виды обязательствъ вообще создаются и выдѣляются въ самостоятельные договоры не сразу. Такъ было и въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, гдѣ, напримѣръ, при мѣновомъ оборотѣ договоръ мѣны долженъ былъ долгое время сливаться съ договоромъ купли-продажи. Однако уже въ Р. Правдѣ мы можемъ наблюсти осязательные признаки различенія отдѣльныхъ самостоятельныхъ сдѣлокъ. Р. Правдѣ извѣстны уже к у п л я-п р о д а ж а въ ея точномъ значеніи, заемъ, личный наемъ, поклажа, ссуда. Р. Правда различаетъ предметы договора въ качествѣ личныхъ услугъ, передачи правъ на вещи, въ томъ числѣ на холоповъ и даже на самого себя.

---

[1]) Закупы Р. Правды и памятниковъ западно-русскаго права.

Такъ ст. 129 (Кар.) предусматриваетъ покупку чужого холопа, а 119—самопродажу въ рабство свободнаго человѣка. Повидимому, къ самопродажѣ нужно отнести и договоръ принятія безъ особой оговорки тіунскихъ обязанностей и символическое привязываніе къ себѣ ключа (121). Обыкновенно эти дѣйствія понимаются какъ внѣшнія выраженія найма. Но чѣмъ же долженъ тогда отличаться этотъ вѣчный наемъ, превращавшій свободнаго человѣка въ вещь, отъ самопродажи въ рабство? Скорѣе можно видѣть въ фактическомъ принятіи тіунскихъ обязанностей или привязываніи ключа молчаливый договоръ самопродажи на основѣ конклюдентныхъ дѣйствій. Говоря много о куплѣ-продажѣ движимостей, Р. Правда молчитъ о договорномъ пріобрѣтеніи и отчужденіи недвижимости. Между тѣмъ таковые договоры существовали въ XII в., что̀ слѣдуетъ изъ сохранившейся духовной Антонія Римлянина.

Р. Правдѣ извѣстенъ сложный договоръ найма съ процентами. О займѣ говорятъ Кар. сл. статьи 44, 45, 47, 48, 66 и др. Ст. 48 разрѣшаетъ брать мѣсячные проценты «рѣзъ» лишь при заключеніи займа на короткій срокъ; при долгосрочныхъ займахъ (до году) мѣсячные проценты замѣнялись третными (по третямъ года). Къ взиманію процентовъ церковь относилась отрицательно. Подъ ея вліяніемъ, повидимому, состоялось вышеприведенное ограниченіе роста, достигавшаго въ древней Россіи очень высокой степени; подъ вліяніемъ народнаго возмущенія, порожденнаго ростовщичествомъ, Владиміръ Мономахъ создалъ дальнѣйшія ограниченія «рѣза»: займодавецъ, взявшій 3 раза третные проценты лишался права получить «истое»—самый заемный капиталъ (66); при стеченіи нѣсколькихъ вѣрителей, бравшій «много рѣза» тоже лишался права на участіе въ дѣлежѣ имущества должника (69). Проценты, получаемые при отдачѣ въ займы другихъ предметовъ кромѣ денегъ, именовались «присопъ» (на хлѣбъ въ зернѣ), «прибытокъ» (на хлѣбъ въ снопахъ), «на-

стовы» (на медъ въ сотахъ), «приплодъ» (отъ животныхъ).

Личный наемъ Р. Правда предусматриваетъ въ двухъ видахъ: въ формѣ спеціальнаго договора о принятіи на себя обязанностей тіуна или ключника (Кар. 121) или рядового батрака (70—73)—закупа. Договоръ поклажи знакомъ Р. Правдѣ, но она въ немъ видитъ не столько обязательство сколько личное одолженіе, любезность. Въ виду этого при обвиненіи въ утайкѣ части ввѣреннаго на сохраненіе хранитель могъ освободиться отъ оговора простой очистительной присягой «занеже ему (поклажедателю) благо дѣялъ и хранилъ» (46).

О существованіи договора ссуды и найма движимаго имущества можно догадываться по той ст. Р. Правды, которая запрещаетъ пользоваться чужимъ конемъ, «не прошавъ» (28).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при совершеніи договора требовалось соблюденіе особой формы—присутствія свидѣтелей сдѣлки, именно при самопродажѣ въ рабство (119), при договорахъ неторговаго займа: «Аще кто куны даетъ въ рѣзы, поставы въ медъ, или жито въ присопъ, то послухи ему наставити» (47); но «аще кто купецъ купцу даетъ въ куплю или въ гостьбу, то купцу предъ послухи кунъ не имати» (45).

Р. Правдѣ извѣстно требованіе истиннаго направленія воли; невѣдѣніе—ошибка прекращаетъ существованіе договора: «Оже кто купитъ чужъ холопъ, а не вѣдая, то первому господину холопъ пояти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ» (129).

Касающійся обязательственнаго права матеріалъ Псковской судной грамоты естественно богаче соотвѣтственнаго матеріала Р. Правды. Въ смыслѣ истиннаго направленія воли грамота предусматриваетъ не только ошибку, но вообще отсутствіе яснаго сознательнаго представленія о совершае-

мой сдѣлкѣ: обманъ разрушаетъ сдѣлку (118). Договоръ мѣны при опьяненіи не дѣйствителенъ. Грамота знаетъ не только устные, но и письменные договоры, «доски», «записи», а среди послѣднихъ нотаріальные—«рядницы» (документы) хранившіеся въ ларѣ (архивѣ) церкви Св. Троицы.

Грамота упоминаетъ о мѣнѣ движимостями и различаетъ ее отъ купли-продажи: «А кто съ нимъ на пьяни мѣнится чѣмъ, или что купитъ» (114). Грамотѣ извѣстна купля-продажа не только движимостей, но и недвижимостей (13, 72). Относительно займа ст. 30 опредѣляетъ, что таковой можетъ быть совершенъ съ закладомъ и безъ заклада. Въ послѣднемъ случаѣ сумма заемнаго капитала не должна была превышать одного рубля; свыше одного рубля заемъ долженъ былъ имѣть обезпеченіе въ видѣ заклада и быть облеченнымъ въ письменную форму; обезпеченіе поручительствомъ допускалось лишь до 1 рубля. Проценты именуются Грамотой «гостинцемъ» (73,74). Если вѣритель взыскивалъ долгъ до срока займа, онъ лишался процентовъ, если же наоборотъ, должникъ желалъ ранѣе срока вернуть занятыя деньги, онъ могъ произвести учетъ гостинца. Договоръ найма давалъ нанявшемуся право искать наемной платы до срока по расчету отработаннаго времени, но не болѣе какъ за одинъ годъ службы, хотя бы служилъ 10 лѣтъ (40); при отработкѣ полнаго срока наймиту предоставлялось требовать отъ хозяина наемной платы безъ всякихъ формальныхъ доказательствъ, въ крайнемъ случаѣ «въ закличь», т. е. съ объявленіемъ о своемъ требованіи на торгу, какъ это дѣлалось по Р. Правдѣ при отыскиваніи краденаго (39). Въ рядѣ статей Грамота говоритъ о наймѣ недвижимости: пашни, огородовъ, рыбныхъ ловель (42—44, 51, 63, 76, 93). Грамота содержитъ развитое ученіе о поклажѣ, требуя для безспорности названнаго договора совершеніе формальнаго (нотаріальнаго) акта съ точнымъ перечисленіемъ отданныхъ на храненіе вещей или обезпе-

ченіе особымъ закладомъ (14, 19). Внѣ этихъ требованій договоръ поклажи разрѣшилось заключать лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ: пожарѣ, мятежѣ, нападеніи грабителей или пріѣздѣ изъ чужой земли (16, 17).

С с у д у грамота, если таковая дана арендатору, называетъ п о к р у т о й (44); въ остальныхъ случаяхъ с с у д і е й (45).